

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ СЕГОДНЯ

Сборник статей и публикаций

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

АРЕФА

Москва • 2010

ББК 86-372
П 68

Рабочие материалы
IV Всецерковного съезда епархиальных миссионеров
16–18 ноября 2010 года, Москва
www.portal-missia.ru

П 68 **Православная миссия сегодня.** Сборник статей и публикаций. – М.: Издательство Московской Патриархии, Арефа, 2010. – 176 с.

Сборник посвящен вопросам стратегии и тактики современной православной миссии. На его страницах ведущие церковные и общественные деятели, писатели и ученые рассказывают о своих теоретических и практических наработках в области миссионерства, дают полезные советы, делятся результатами проделанной работы. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-88017-192-7

От составителей

Это сборник подготовлен специально для участников IV Всецерковного съезда епархиальных миссионеров, однако он будет полезен и интересен для широкого круга православных читателей. Это яркое, хотя, конечно, далеко не полное, представление опыта православной миссии в различных регионах России.

Постепенно уходит в прошлое тот период, когда миссионерская работа была уделом «энтузиастов». Сегодня церковная миссия развивается, и благодаря деятельности Синодального миссионерского отдела появляются новые методики, формы и подходы. Ряд новых проектов объединил усилия священников и мирян различных епархий.

На сегодняшний день многое уже сделано. Настало время обобщить накопленный опыт – посмотреть, что удалось сделать, что необходимо развивать, какие проблемы остались нерешенными и какие препятствия в работе существуют сегодня.

С этой целью составлен настоящий сборник. В него вошли лучшие материалы по миссионерской проблематике, опубликованные на страницах церковных СМИ в последние годы. В нем затрагиваются вопросы, связанные со стратегией православной миссии, рассматриваются формы и методы миссионерской работы, приводятся конкретные примеры деятельности миссионеров. Отдельный раздел сборника составляют публикации, касающиеся современной практики подготовки людей к принятию Таинства Крещения.

Надеемся, что сборник будет не только увлекательным чтением, но и принесет практическую пользу.

Мы благодарим редакции журналов «Альфа и Омега», «Нескучный сад», «Фома» и «Миссионерское обозрение», «Журнала Московской Патриархии», альманаха «Призвание», газет «Церковный вестник» и «Святой Покров», интернет-порталов «Богослов.ру», «Православие и мир», «Татьянин день» и «Милосердие.ру» за предоставленные материалы.

Сборник подготовлен по благословению архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна при поддержке Синодального миссионерского отдела.

СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ

Протоиерей **Александр Сорокин**

Просвещение – главная христианская задача

Просвещение всегда было и остается одной из главных задач Церкви как целого, а также ее служителей как индивидуально ответственных за церковную миссию в мире сем. Само понятие «просвещение» – от слова «свет» – глубоко библейское, так как в Библии «свет» – один из самых адекватных, очевидных и убедительных образов, выражающих понятие о Боге как источнике Жизни и Истины. Главное призвание и основное достоинство человека, как они понимаются в христианстве – быть образом и подобием Божиим; осуществляются прежде всего через просвещение, состоящее в приобщении к жизни по Слову Божьему. В Библии сказано:

«Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться?» (Пс. 26, 1).

По-церковнославянски эти слова звучат так:

«Господь – просвещение мое и Спаситель мой: кого убоюсь?»

Человеческая история наглядно показывает, насколько плодотворное и мощное воздействие на протяжении многих веков оказывало христианство на всю человеческую цивилизацию, сформировав ее культуру,

нравственные идеалы, определив ее социальные, политические и экономические успехи. Свобода, равенство, братство — те ценности, которые культурное человечество считает своими наивысшими социально-политическими достижениями, — если разобраться, являются в своих истоках глубоко христианскими принципами, заложенными в Священном Писании Церкви — в Библии, Евангелии. Беда лишь в том, что человеку свойственно далеко не всегда на пользу распорядиться столь ответственными дарами. Об этом предупреждает опять-таки Церковь словами Библии:

«К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу» (Гал. 5, 13).

Одна из причин того, что эти высокие идеалы свободы и братства бывают извращены до карикатурности и неузнаваемости, а порой и до кровавого безобразия и издевательства над самим человеком, — в отсутствии настоящего просвещения в его подлинном понимании, а именно в отвержении Бога как источника этих благодатных даров.

Впрочем, понятие просвещения в самой Церкви имеет еще один, более конкретный оттенок значения. Именно так издревле называли процесс вхождения человека в Церковь и обретения им своего места в обществе верующих — того, что сегодня иногда называют воцерковлением. Просвещением всегда именовалась в Церкви и заключительная фаза подготовки человека к сознательному принятию христианской веры — таинству крещения.

Еще в первые века христианства, когда оно распространялось среди жителей тогдашней цивилизации — языческой Римской империи, его стремительное шествие было обеспечено совсем не огнем и мечом, а убедительным словом, наполненным не только горячей верой, но и грамотным знанием. Так действовали апостолы — первые ученики Христовы, так действовали их преемники, последующие учителя и святые отцы Церкви. Многие из них, получив по тем временам первоклассное образование в языческих философских школах, впоследствии употребили полученные знания на то, чтобы современным языком, понятным для язычников, переложить и растолковать древние библейские истины. В этом состояли назначение и работа древнейших огласительных училищ и школ, возникавших тогда в большом множестве в различных городах и странах.

С христианского просвещения началась и культурная история славян благодаря трудам великих просветителей — равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия и их помощников и последователей. Благодаря христианскому просвещению состоялось одно из первых значимых культур-

ных достижений наших далеких предков — появление славянской азбуки и письменности. Можно сказать, изобретение письменности для славян святыне братья сочли самой необходимой на тот момент коммуникационной технологией, без которой представлялось совершенно невозможным приблизить человека к Истине. И далее, движущим мотивом в освоении новых технических достижений было желание расширить и распространить просвещение, охватить им как можно более обширные ареалы обшества. Так, в последующие века осваивается книгопечатание, учреждаются школы, академии и другие учебные заведения, развиваются различные направления во всех областях искусства — архитектуре, музыке, живописи, литературе.

Если же говорить о причинах кризисов, упадков, а в конечном итоге и социально-политических катастроф, среди которых наиболее страшной и губительной оказалось крушение целой страны в 1917 году, — то к ним, без сомнения, следует отнести периодическую неспособность или нежелание церковного общества нести миссию просвещения — с любовью, ответственностью и чуткостью к запросам времени. Неистребимая жажда человека к живому и содержательному общению и к знаниям, его естественная, заложенная Богом тяга к свету — как тянется к солнечному свету растение, — в случае неисполнения Церковью своих просветительских функций неминуемо и незамедлительно начинает удовлетворяться суррогатами и подменами просвещения в виде идеологий без Бога, без христианской любви и евангельской, Христовой свободы.

История России в XX веке убедительно показала плоды столь пагубной подмены. Протест против Церкви, во многом спровоцированный самой Церковью, а правильнее выражаясь, ее негодными служителями и неверными чадами, переставшими быть «солью земли» (Мф. 5, 13), протест, переросший в разрушительный атеистический бунт, в конечном итоге обратился не только против Церкви как религиозного института, но и против отечественной культуры во всех ее проявлениях, начиная с эстетических материальных ценностей (например, безусловных архитектурных шедевров) и заканчивая испохабленным языком и хамской манерой человеческого общения, проявляющейся даже в автомобильном вождении. Безжалостное надругательство над эстетически ценными, красивыми вещами, к числу которых относятся далеко не только православные храмы и религиозная утварь, изуверство в отношении самого человека — вот те «огонь и вода», через которые прошло наше обшество, чтобы оказаться в состоянии бескультурия и непросвещенности.

И все же Бог и сейчас, после тяжелых испытаний и катастроф, дает нам возможность вновь восстать и возрасти во свете Его правды. «Возненавидьте зло и возлюбите добро, может быть, Господь Бог помилует остаток», — говорится в Библии.

Говоря о возрождении церковной жизни сегодня (как на общем, глобальном уровне, так и на частном уровне отдельных приходов и общин), следует учесть, что оно состоит не только в физической реставрации утраченных и порушенных материальных святынь и памятников или в механическом восстановлении когда-то существовавших добрых отеческих традиций, но, прежде всего, в просвещении. Можно даже сказать, что при всей безусловной нужности реставрации поруганных памятников — ибо человек есть не только душа, но и тело, достойное того, чтобы быть окруженным красивым и комфортным пространством, — концептуально первичным должно быть именно просвещение — возрождение души, образование ума, успокоение сердца.

Эффективность просвещения напрямую зависит от современности его методов и средств — прежде всего в области коммуникаций и воспитания. При этом нужно помнить, что технический прогресс — вещь обоюдоострая. Осваивая все новые и новые, более мощные технологии, человек тем самым обретает все более широкие возможности как для совершения большого блага, так и для причинения себе и другим большого зла. Христиане же, как и вся Церковь, как никто другой в мире сем, призваны явить пример того, как устремить современные технологии общения и воспитания на подлинно просветительские цели. Сюда можно отнести как проекты в области образования — на всех уровнях, начиная с младенчества и детства и заканчивая степенями высшего образования, — так и средства массовой информации во всех их проявлениях, а также в целом создание здоровой среды человеческого общения.

Интернет-сайт Феодоровского собора в Санкт-Петербурге

Иеромонах **Иосиф (Павлинчук)**,
диакон **Августин Соколовски**

К определению МИССИИ

Предлагаем вниманию читателей богословское размышление о миссии, составленное в виде диалога и представляющее собой попытку рассуждения над некоторыми аспектами православной миссии в мире в наши дни. Статья представляет собой попытку сформулировать своего рода герменевтику миссии, наметить богословские и мировоззренческие координаты, установить некоторые критерии, которые представляются важными и необходимыми для миссии и миссионера в свете раскрывающихся перед человеком и миром перспектив и ожиданий.

Миссия и смысл

Иеромонах Иосиф (Павлинчук): В наше время много говорят о современной православной миссии и миссионерстве. В последние 10–20 лет были открыты миссионерские факультеты, миссионерские семинарии, при других семинариях действуют миссионерские группы. Но что это значит? Что значит лично для меня слово Миссия? Слово Миссия (от лат. *missio* — посылка, поручение) в христианстве приобрело очень глубокое значение. Для христиан это выполнение поручения данного Господом Иисусом Христом: «Идите, научите все народы».

Впервые это слово я услышал, будучи маленьким ребенком. Бабушка мне рассказывала о миссионерах и об их плодотворной работе среди молдавского народа. Тогда мне казалось, что миссионерство это что-то таинственное, почти невыполнимое, и в этом с каждым годом я все больше убеждаюсь. Само звание миссионера — это самое почетное звание, какое может носить на земле человек. Помню, еще тогда я загорелся желанием стать миссионером. Но как мало шансов было для советского школьника осуществить эту мечту. Однако шли годы, и времена менялись. 1996 год. Вот я на первом миссионерском задании. Передо мной аудитория, дети 3 класса. Все внимательно слушают. Но вскоре начинаются вопросы. И тут я понимаю, сколько еще нужно прочитать, изучить и усвоить...

Диакон Августин Соколовски: Мне кажется, что миссия это умение быть здесь и сейчас, это присутствие.

Слова о том, что современный мир становится все более и более постхристианским, стали уже привычными. Так что мало кто обращает внимание на то, что христианская миссия в мире существует реально и действительно, причем в странах, где этого мало кто ожидал. Так, в современной Южной Корее двадцать пять процентов населения христиане, а апогей миссионерского усилия пришелся на семидесятые-восьмидесятые годы прошлого века. Я знал священника, который много лет служил там миссионером. Из его слов мне больше всего запомнилась та непосредственность, с которой может быть связана миссия. Отец просто жил в этой стране, по внешнему виду люди узнавали в нем священника, начинали разговор, завязывалось общение. Он основал в Южной Корее несколько десятков общин. И так образовывалось то, что мы называем словом «свидетельство». Свидетельство о том, что в жизни может быть ориентированность, и ориентированность означала для встретивших миссионера указание на смысл, смысл, который, будучи познан и принят, делается Смыслом с большой буквы. Это очень важно в современном обществе или, лучше, обществах, где люди реально и без всякой вины переживают то, что писатель Милан Кундера озаглавил безошибочным словосочетанием «невыносимая легкость бытия». Здесь понятие о миссии возвращается к своему этимологическому значению послания. «Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию». Миссия — это слово и дело о присутствии Мессии, о смысле, врывающемся в будни.

Отец Иосиф: Ваше размышление начинается словами о православной миссии. Как Вы думаете, что делает миссию православной, что при-

дает нашей миссии православность, уловимо ли то отличительное, что отличает православную миссию, в жестах, в словах и определениях?

Миссия и свидетельство

О. Иосиф: Да, православная миссия может быть раскрыта в жестах, в словах и определениях. В этом может быть выражена ее сила и ее свидетельство в современном мире. Вспоминается советский период, когда было запрещено всякое упоминание о миссии, запрещено даже проповедовать с церковного амвона. Несмотря на все запреты, миссия существовала, и проявлялась она в самых простых доступных формах. Пример отца-миссионера из далекой Кореи очень ярко иллюстрирует ту реальность, в какой жили православные в советском атеистическом государстве. Именно смысл, который они несли, и был тем свидетельством, зажигающим сердца. Зажигали сердца и сами богослужения, и благочестивые обычаи, передававшиеся в семьях, сама культура, укорененная в тысячелетнем опыте христианского бытия. Но как мы видим, этого было недостаточно. Что на Ваш взгляд должно учитываться православными миссионерами? Чего не доставало в советский период?

О. Августин: Мне кажется, что свидетельство Церкви в советское время вряд ли следует называть миссией. В противном случае мы рискуем утратить точность определений. Конечно же, миссия и свидетельство тесно связаны друг с другом, и, вероятно, разделять их не нужно, да и невозможно. Ведь что такое миссия без свидетельства? С другой стороны, я не случайно поставил вопрос о православности миссии, о том, что делает миссию православной. Как определимо православие в преломлении и перспективе миссии. Вопрос о том, что необходимо знать миссионеру, какая система или сумма знаний делает человека миссионером, и тем более миссионером православным, можно поставить несколько иначе. Что проявляется или, лучше, бывает явлено и указуемо в понятии о православии? Мне кажется, что здесь возможно двоякое определение. Православие может быть правильно оформленной веро—и нравоучительной общностью, совокупностью убеждений о мире и о том, что его превосходит. Тогда православный миссионер — это тот, кто может передать и научить другого тому, что сам он принял как верное, правильное, православное. Но православие может быть понимаемо как синоним подлинности, подлинного, бытийного принятия и несения в себе того, что нес в Себе Христос. Здесь миссия становится не учительством, агитацией, передачей информации и указанием на традиции, а раскрытием для человека доступа к жизни в Нем.

О невыполнимости миссии

О. Иосиф: «Принятие и несение того, что нес в себе Христос» — эта краткая фраза может послужить одним из определений слова «миссионерство». Да, для миссионера, и не только для него, для каждого христианина это должно служить ориентиром всей жизни. Это особенно важно помнить тогда, когда человек призван на церковное служение или же когда послан (получил благословение) «благовествовать о своем уповании». На этом пути встречаются две сложности: одна внешнего характера, другая внутреннего. Первая сложность — это страх, что тебя не услышат. Сюда же я отнесу боязнь войти в диалог с другими религиозными традициями, другими жизненными ориентирами, ценностями, боязнь раскрыть свое сокровище перед другими. Вторая — это упоение сознанием своей правильности и неспособность критического осмысления своих слов, поступков и действий. В зависимости от среды может проявляться либо одна, либо другая опасная черта. Слова преподобного Серафима Саровского, обращенные к Мотовилу — «Радость моя! Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи» — указывают на принятие и несение в себе образа и духа Христова. Однако как соотносить их с миссионерством, с проповедью? Не указывается ли здесь лишь на заботу о своем собственном спасении, на потребность своего мирного душевного устройства?

О. Августин: Отождествление миссии и миссионерства с личным призванием, а последнего с личной, духовной, «своей» жизнью во Христе необратимо обесмысливает миссию, делает ее невозможной. Ведь в результате такого отождествления мы понимаем, что миссия неотвратимо и неизбежно связана с риском, с риском вхождения в диалог с чужим и чуждым, с неготовностью, а порой и неспособностью и невозможностью увидеть и признать, что наше сокровище, сокровище правды, вечное, превосходящее нас, данное нам, не воспринимается. И здесь мне хотелось бы обратиться к тому, к чему все мы обращаемся в поиске ответов и решений — к святоотеческому наследию. Одной из важнейших, наполненных богатством антиномий, частей этого наследия является учение святителя Августина Иппонского о благодати. В своем произведении «О благодати и исправлении» (лат. *De Correptione et Gratia*) североафриканский епископ V века рассуждает о том же, о чем мы с рассуждаем в веке XXI: как проповедовать, как быть миссионером, зная, что тебя почти никто не услышит?

О. Иосиф: Осознание этого указывает на смирение и на послушание воле Божией. Одна из самых сложных задач современного миссионера —

это способность актуализировать Евангельское Слово. Да, Миссия это дело Божие, it is not our business, но это и наша обязанность, и ее нужно выполнять только со смирением, не ожидая наград. Именно с такими чувствами должен подходить к этому делу миссионер. Однако это не освобождает от ответственности, от личного подвига, от усердия в деле Божиим. Слова апостола Павла, обращенные к Коринфянам: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых» (1 Кор. 9, 22), – указывают на необходимость собственного труда, на необходимость умаления, смирения и доступности.

Мы заговорили о святоотеческом наследии, о творениях святителя Августина Иппонского. И это не случайно. Одной из особенностей этого отца Церкви является его актуальность. Многих, кто сегодня соприкасается с его творениями, равно как и с творениями других отцов прежних веков, поражает, насколько они современны. Архаичным может быть язык некоторых произведений, устаревшими могут быть те или иные научные взгляды, на которые они опирались, но основное послание (я употребил бы здесь английское слово «message») святоотеческой литературы, его духовный строй, его догматическая и нравственная сердцевина – все это остается равно актуальным как для нашего современника, так и для человека древности.

К герменевтике миссии

Христологичность

О. Августин: Святоотеческое богословие помогает нам выработать своего рода герменевтику миссии, придать ей те необходимые координаты, без которых миссия выпадает из границ миссии и делается чем-то иным. Святитель Августин Иппонский говорит нам о том, что вера является абсолютным даром Божиим во Христе Иисусе. Господь дает благодать веры. Усилие же миссионера исходит из укорененности в любви. Любовь при этом понимается не как абстрактное понятие, подвергнутое особенной девальвации в последние столетия, но как Христос, присутствующий в сердце. Именно это присутствие Христово делает миссию явлением христологической реальности, когда речь идет не о приобщении человека к нам как к социальной группе или же общении тех, кто прав, но о раскрытии смысла, сообщении о неповторимости того, к кому мы обращаемся.

О. Иосиф: Мы уже говорили о том, что Миссия – это дело Божие, и наша задача лишь только указать на Христа, позвать к Нему. В этом

смысле основополагающими являются слова апостола Филиппа «пойди и посмотри» (Ин. 1, 46), обращенные к Нафанаилу. Такие же слова призван говорить и православный миссионер, обращаясь к вопрошающим его современникам. Эти слова во многом раскрывают православную проповедь, православную миссию. Миссионер, указывая на Христа, приглашает в Церковь, приглашает черпать из ее двухтысячелетнего опыта, раскрыть для себя «глаголы вечной жизни». «Укорененность в любви» может быть построена лишь на фундаменте традиции, на укорененности в Священном Предании. В этом смысле можно говорить и об особенностях православной миссии, ее неповторимости, ее аутентичности.

Универсальность

О. Августин: Если в качестве первого и основного критерия миссии определить христологичность, то следующей координатой, по моему убеждению, является универсальность. Пример этого мы также находим у святых отцов. В частности, именно универсальная модель христианства была одним из критериев миссии, проповеди и богословствования великих каппадокийцев. Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский — каждый из них всегда имеет перед собой христианство в его универсальном измерении, отождествляемое с универсумом тогдашней Римской Империи. Оба этих критерия, христологичность и универсальность, тесным образом связаны друг с другом. Впрочем, не будем вдаваться в подробные богословские размышления. В наши дни в фильмах миссионерской направленности подробно рассказывается о патристической миссии Церкви, ее культурообразующей роли, противостоянии захватчикам, но нет ни слова о Христе и принесенном Им спасении.

О. Иосиф: Мы уже говорили о том, что Миссия тесно связана с личным свидетельством, с внутренней и внешней дисциплиной и с персональным подвигом. Каждый миссионер должен уделить этому особое внимание. Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Нечистая жизнь препятствует познанию высоких истин, не позволяя разуму проявлять свои высшие способности». В древности многие миссионеры были монахами и аскетами. В святоотеческой литературе мы встречаем имена многих аскетов-миссионеров, подвизавшихся в просвещении язычников. Духовный опыт миссионеров запечатлен в аскетических и нравоучительных произведениях. В этом контексте вспоминается опыт сирийских монахов-затворников, которые имели право выходить из затвора только в двух случаях: для защиты веры и для проповеди Евангелия. Отцы

столпники не оставляли своего подвига даже в этих случаях. Они проповедовали и вели огласительные беседы с места своего пребывания, то есть со столпов. Во многих сирийских монастырях рядом со столпами находились баптистерии. А преподобный Даниил столпник даже был рукоположен на столпе с целью проповедования и совершения Евхаристии. Все это указывает на необходимость особого внутреннего, духовного приготовления миссионера.

О. Августин: В данном случае следует остерегаться логики достижений, пусть и духовных. Я бы не стал отождествлять «необходимость внутреннего, духовного подвига миссионера» именно с аскетическим идеалом, особенно в той форме, о которой говорят только что приведенные примеры. В современном глобализирующемся мире, где культуры и цивилизации соприкасаются до путаницы, вряд ли можно удивить невероятностью подвига и самоограничения. Религиозные традиции нередко дают пример строжайших и успешных аскетических усилий и достижений вне христианской перспективы. Вне христианской же перспективы, как правило, находятся и те, к кому обращена проповедь. Для нас важна и необходима соотнесенность с этической глубиной, раскрываемой в Евангелии.

Поэтому в качестве следующего, третьего, критерия миссии я бы предложил апостоличность. Обращаясь к миру и человеку, мы призваны к передаче веры, переданной Апостолам и переданной Апостолами. Апостоличность нашей христианской традиции выражается в том, что христианство, передаваемое нами, — христианство апостольское.

Апостоличность

О. Иосиф: Согласен, что апостоличность призвана быть одним из критериев миссии. Эта очень хорошая и конструктивная мысль, она может во многом раскрыть смысл миссии. Однако я бы предостерег от высказываний, которые могут создавать впечатление противоречия. В рассуждении о миссии не следует умалять значение святоотеческого наследия. Ведь именно оно является одним из незаменимых критериев адекватности нашей проповеди и ее соответствия апостольскому наследию. Не случайно мы называем Православную Церковь «Церковью Отцов». Мне кажется, что в предыдущем абзаце важность этого поставлена под сомнение.

О. Августин: Разногласие во мнениях — это не так уж плохо, особенно в богословии. Думаю, что в ходе нашего рассуждения нам удалось наметить ряд координат, которые, возможно, будут интересны

читателям, а, возможно, и полезны тем, кто так или иначе причастен к миссионерскому делу. И все же мне хотелось бы сделать замечание, относящееся к тому, что мы называем святоотеческим наследием. Мы ссылаемся на святых отцов, обращение к святым отцам слышится в каждой проповеди и в каждом рассуждении в рамках церковной парадигмы. Происходит некоторое отождествление всякого аспекта бытия Церкви, всякого интеллектуального усилия христианина и любого богословского труда с понятием «святоотеческое наследие».

В XVII веке Спиноза отождествляет мир и Бога: *Deus sive natura*. Получается, что Бог во всем и все Бог. Обычно, такое миропочтение называется пантеизмом. Выводом из этой философской интуиции стал атеизм. Получилось, что если Бог — «все и везде», то Его просто нет нигде.

Возможно, философ увидит в моем рассуждении непростительное упрощение. Я употребил этот пример для указания на то, что если постоянно и во всем указывать на наследие отцов, достигая почти полного отождествления богословия и жизни Церкви со святыми отцами, мы лишаемся возможности определения границ нашей миссии и нашей ответственности. Одновременно, мы лишаем святых отцов их неповторимости и историчности, их соотнесенности с определенным уникальным моментом в истории.

Заключение

Образ миссионера

О. Иосиф: Да, это правда. Беседа о миссии в мире, о ее значении, о тех, кто совершает это дело, — это беседа о современном свидетельстве Церкви, это беседа о нас с вами, это беседа о каждом из нас. К слову об этом мы должны возвращаться снова и снова. Богословское, догматическое, нравственное и моральное осмысление этого делания является нашей задачей. От того, как будут расставлены акценты в этом служении, зависит будущее Церкви. В данной беседе мы постарались затронуть многие аспекты миссии, осмыслить ее парадигмы, выявить и проанализировать те трудности и проблемы, которые возникают как перед миссионером, так и перед миссией в целом. Мне лично эта беседа, одновременно являющаяся богословским размышлением, принесла огромную радость и глубоко вдохновила. Желая всем нам Божией помощи в деле миссионерского служения.

О. Августин: В заключение нашего богословского рассуждения о миссии мне хотелось бы обратиться к образу того, чью память Церковь

чит в эти дни и чья память предшествует торжеству в честь Апостолов. Говоря о проповеди и миссии, мы соотносим это служение благовестия с делом апостолов. Но, наряду с безусловностью апостольской парадигмы, Писание дает нам и другой образ проповеди — образ того, кто крестил, образ Крестителя. Иоанн Креститель называется Церковью величайшим из всех пророков.

Древние великие библейские пророки возвещали слово с силой, подкрепляемой мощью божественного свидетельства. Моисей поражает Египет казнями, Самуил помазует Царей. В смерти своей великие пророки тоже велики. Моисей восходит на гору, о кончине Самуила плачет Израиль. Илия восходит на небо в огненной колеснице. Следующие за ними пророки несут на себе печать приближающегося Креста: Иеремия насильно уводится в плен, из которого ему не будет возвращения, Исайя перепилен пилой Манассии.

Иоанн — величайший из пророков. Величие его раскрывается в непосредственной близости Тому, Кому он предшествует. Величие его и в том, что делает его неповторимым, в том, что столь выделяет его из всех — в готовности быть неслышанным. Здесь содержится поучение и вечный образ всякого христианского миссионера.

Болослов.ру, 26.07.2010

Наталья Адаменко

Миссия или контрмиссия?

В своей статье Наталья Александровна Адаменко, преподаватель кафедры миссиологии, катехетики и гомилетики Свято-Филаретовского института, говорит о миссии Церкви и ее подменах, а также затрагивает следующие вопросы: какое место в православном миссионерстве занимает «борьба с сектами» и в чем корни этой проблемы; приводит ли сектоборчество к искаженному восприятию православного христианства; в чем причина сосредоточения огромных усилий именно на борьбе с сектами, а не на проповеди Евангелия?

Подлинная христианская миссия — очень, очень трудная вещь. Именно «трудная», так как требует огромного каждодневного труда... Насколько проще ощущать себя «истинно православным», когда вовне и внутри Церкви есть враги, против которых надо бороться — совсем как в старые давние советские времена.

С самого начала своего существования Церковь сталкивалась с различными лжеучениями и лжеучителями, которые или извращали суть христианства, или использовали христианские термины и понятия для обоснования своих собственных учений. Уже апостолы лично в письмах предостерегали христиан от людей «говорящих превратное» (Деян. 20, 30), «лукавых людей и обманщиков» (2 Тим. 3, 13),

и от увлечений «учениями различными и чуждыми» (Евр. 13, 9). Несомненно, подлинное христианское свидетельство включает в себя и противостояние лжеучениям. Особенно это актуально, когда этими «учителями» используются псевдо-библейский (как у Свидетелей Иеговы) или псевдо-церковный (как у «диомидовцев») язык, который может сбить с толку людей религиозно безграмотных и малоцерковных. Таким образом, обличение лжеучений, проведение четкой границы между ними и Церковью — это неотъемлемая часть свидетельства, которое как ответственность возложено на Церковь. Однако это важное и нужное дело может быть искажено: если для апостолов обличение лжеучений и лжеучителей было чем-то вторичным по отношению к проповеди собственно Евангелия, то в наше время обличения в адрес инаковерующих можно встретить гораздо чаще, чем проповедь Евангелия.

Сегодня в православном миссионерстве контрмиссия неоправданно занимает непропорционально большое место. Порой даже складывается впечатление, что православная миссия и есть исключительно «борьба с сектами» и больше ничего. Понятно, что психологически людям всегда легче объединяться «против общего врага», чем вокруг «общего дела» и «за Истину». Особенно это касается людей, недавно пришедших в Церковь, неофитов, причем как священников, так и мирян. Инстинктивно выбираемая психологическая тактика, к которой прибегают люди, чтобы стать «своими» в новом «коллективе» состоит в том, чтобы определить, кто здесь «враг», и показывать к этому «врагу» демонстративную неприязнь.

Впрочем, истоки нынешнего расцвета «сектоборчества», как мне кажется, следует искать не столько в общих психологических механизмах коллективного поведения, сколько в истории России XX века. Ведь последствия семидесятилетнего атеистического и тоталитарного коммунистического режима не могут пройти сами собой и безболезненно. По тем людям, которые пришли в Церковь в 90-х и приходят в «нулевых», в их детстве, юности или молодости прокатился «каток» советской идеологической пропаганды. Поэтому Церковь сейчас они чаще всего воспринимают идеологически, а именно — как «правильную организацию» с «правильными учениями», а не как общину учеников Христовых, живущих вместе по Евангелию и по учению и примеру Господа Иисуса Христа устраивающих всю свою жизнь. Произошло то, о чем пророчески говорила преподобномученица м. Мария (Скобцова) в 1936 году на собрании православных монашествующих в Париже. Она сказала тогда,

что после падения большевистского режима в свободную и «одаренную терпимостью и признанием... власти» Церковь в России придут новые люди, воспитанные советской властью. Сначала они «будут изучать различные точки зрения, воспринимать проблемы, посещать богослужения и т.д. А в какую-то минуту, почувствовав себя, наконец, церковными людьми по-настоящему, по полной своей неподготовленности к антиномическому мышлению, они скажут: «По этому вопросу существует несколько мнений – какое из них истинно?» Потому что несколько одновременно истинными быть не могут. Вскоре они станут говорить от имени Церкви. Если в области марксистского миропонимания они пылают страстью ересемании и уничтожают противников, то в области православного вероучения они будут еще большими истребителями ересей и охранителями ортодоксии. Шаржируя, можно сказать, что за неправильно положенное крестное знамение они будут штрафовать, а за отказ от исповеди ссылать на Соловки. Свободная же мысль будет караться смертной казнью... Тут не надо иметь никаких иллюзий – в случае признания Церкви в России и в случае роста ее внешнего успеха, она не может рассчитывать ни на какие другие кадры, кроме кадров, воспитанных в некритическом, догматическом духе авторитета».

Нередко такие «истребители ересей» и «охранители ортодоксии» – по невежеству, конечно, а не по злему умыслу – разносят ереси много худшие, чем те, которые они берутся обличать. Причем, если у апостолов и святых отцов обличение ересей исходит из Евангелия, то сейчас само Евангелие многими остается не услышанным, и именно борьба с инаковерующими, с неправославными видится как суть и содержание православного христианства. И что хуже всего, эта агрессивная контрмиссия ведется не из сострадания к искренне заблуждающимся, а из-за ненависти к «врагам православия», «врагам России» и «проклятым сектантам», совершенно аналогичной большевистской ненависти к «врагам народа», «контрреволюционерам» и «изменникам нашей советской Родине».

В чем смысл всякой контрмиссии? Это, по сути, агрессивное и навязчивое «разоблачение». То, к чему стремится контрмиссионер – показать неправильность, ложность, вредность для государства и личности учения и практики «чужой» религиозной организации и добиться (правдами и неправдами!) запрета и «разгона» всех объединений, которые он считает «тоталитарными сектами» и «деструктивными культурами». «Сектоборчество» удобно еще тем, что дает людям возможность с минимальными

затратами сил и средств почувствовать себя православными, ощутить свою принадлежность к «вере отцов», вполне обходясь при этом без глубокого знания своей веры, без покаяния и без какого-либо исправления жизни в соответствии с Евангелием.

Здесь же возникает еще один очень серьезный соблазн для Церкви и ее миссии. Ведь и с внешними людьми, и с государственной властью гораздо легче найти общий язык на почве «общего врага», гораздо легче привлечь людей и в Церковь, предлагая им борьбу против конкретных врагов: «сектантов-еретиков», через ненависть к которым они могут легко и просто (а главное – быстро!) ощутить свою принадлежность к Церкви. Такой явный перекося в православной миссии приводит к искаженному восприятию православного христианства у людей малоцерковных. Неверующим и нецерковным людям порой трудно разглядеть, что далеко не все православные миссионеры занимаются контрмиссией. Ведь именно контрмиссионеры очень активно ведут себя в информационном пространстве, постоянно поливая оппонентов «грязью», не гнушаясь подтасовки фактов, откровенной клеветы и лжи. Кстати, чаще всего их церковная и христианская деятельность именно этим и ограничивается; опыт церковной жизни показывает, что в контрмиссию «ударяются» именно те, кто не способен к каждодневному кропотливому и внешне незаметному миссионерскому труду.

Стоит отметить еще одну причину, которая способствует сосредоточению усилий современных православных «сектоборцев» именно на борьбе с сектами, а не на проповеди Евангелия. Настоящих сектантов (в прямом смысле этого слова) немного, и поэтому выступления против них безопасны и не могут вызвать массовое недовольство людей и власть предержащих. А вот проповедь Евангелия, обличение греха, призыв к благочестивой жизни, к исправлению недостатков и изъянов самой церковной жизни могут очень у многих вызвать весьма острую реакцию. Тут можно вспомнить в качестве примера гонения на святителя Иоанна Златоуста, который пострадал именно за проповедь Евангелия, за пророческое обличение неправды в уже православной Византии.

Суть православной христианской миссии заключается не в контрмиссии, отрицании, ненависти, а прежде всего в возвещении Благой вести. Прежде всего миссионер призван свидетельствовать о распятом и воскресшем Господе Иисусе Христе, о новой жизни в Нем: «А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев – соблазн, а для Еллинов – безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, – Христа, Божию

силу и Божью премудрость» (1 Кор. 1, 23–24). Возникновение же и рост сект — это в большей степени внутренняя проблема Церкви, напрямую связанная с недостаточностью положительной миссии, просвещения среди нашего «крещенного, но не просвещенного» народа. Агрессивная контрмиссия отталкивает людей от Церкви или привлекает в нее людей с вполне определенной «сектоборческой» ментальностью, она ведет к закрытости церковного сообщества, к изоляционизму, подозрительности и «охоте на ведьм» внутри Церкви. И от того, что возобладает — миссия или контрмиссия — зависит, какие люди придут в нашу Церковь, то есть напрямую зависит будущее нашей Церкви.

Богослов.ру, 04.01.2010

Протоиерей Павел Карташев

Миссия — это «культурное» воспитание спроса

Сегодня, после двадцатилетнего внешнего возрождения церковной жизни — приходов, монастырей, зданий храмов, реставрации фресок и золочения куполов, — очень остро стоит вопрос просвещения, миссии. Одна из основных ее проблем — этика миссионерской деятельности и дискуссии.

Речь идет о том, насколько православные, уже воцерковленные люди владеют культурой полемики, о выступлениях, заявлениях, произведениях и отдельных репликах христиан, которым внимают наши нецерковные братья. Здесь, в публичном, медийном пространстве мы не всегда, мягко говоря, оказываемся на высоте положения. Надо понять причины нашей малотерпимости, нашего частого поражения в дискуссиях от самого коварного врага — сиюминутных внутренних импульсов. Почему мы не умеем слушать и слышать друг друга; почему, даже успокоившись, не сожалеем о необдуманных словах. Недостаток воспитания? Конечно. Но хорошие манеры, а они помогают думать, обдумывать слова и поступки, сегодня стали анахронизмом. Разговор, впрочем, не о манерах в смысле манерности, а о рефлексах, обыкновениях, которые являются выражением

внутренней полноты, красоты. Последние же есть плоды любви. Замечает человек других людей вокруг себя, обеспокоен тем, чтобы не помешать, не навредить — вот вам и манеры.

Личность миссионера

Во-первых, как и вообще в любом вопросе, связанном с духовной жизнью, с Церковью нужно сначала (да и всегда) понимать, в какой точке «духовного пространства» ты находишься, на каком уровне, определить для себя некую систему координат, наметить пути своего изменения, возрастания. Все это вмещается в одно понятие — покаяние. Если мы не поймем своего духовного состояния, а начнем сразу говорить другим: «Давайте вести себя прилично», то, скорее всего, желаемого результата не добьемся, но, не имея навыка самоконтроля, спровоцируем вскипание страстей, эмоциональное ненастье.

Только внимательно и трезво относясь к себе можно понять, что мое нынешнее состояние неконструктивно, неплодотворно, оно может даже помешать миссионерской деятельности — навредить и мне лично, и Церкви в целом. Поэтому, какие бы общие понятия и тезисы мы ни выдвигали, все сведется к одному образу — к личности миссионера.

Посмотрите, когда мы изучаем историю миссии, то она так или иначе связана не с концепциями, а с личностями. Например, миссия Русской Православной Церкви в Японии. На ком она закружена? На святом равноапостольном Николае (Касаткине). Или первые апостолы... Только так, целиком и полностью отдавая свою жизнь Христу, двенадцать, семьдесят, пятьсот человек смогли освятить Евангелием всю Римскую империю, на тот момент — цивилизованную, хотя бы в собственных римских глазах, часть человечества! И уже потом, изучая их наследие, жизненный путь, мы, теоретизируя, говорим: «Вот универсальный миссионерский метод апостола Павла, или вот так-то поступали апостолы и их преемники в такой-то ситуации, посмотрите на методы и средства, которые они использовали».

Но, опять же, как использовали? Творчески! Они не приходили с инструкциями и кодексами, а лишь с горячим желанием послужить Богу и любовью к людям. Например, когда святой Николай (Касаткин), еще совсем молодым человеком ехал в Японию, эта страна представлялась ему невестой с букетом цветов, встречавшей его с распростертыми объятиями.

Реальность же оказалась трезвящей. Должны были пройти еще годы гонений, подпольной, скрытой работы, пока японцы поняли — приехавший

к ним рассказывать о своем Боге русский Николай — это не тот, кто собирается высматривать их землю. И так всегда: местные жители проникаются уважением и любовью к миссионеру, и обращаются ко Христу те из них, в которых слово падает на добрую, отзывчивую почву.

У русского классика Бориса Константиновича Зайцева есть замечательный рассказ, посвященный как раз нашей теме — миссионерской конференции, проходившей за рубежом. На конференции встречаются католики и православные, вступая не в экуменическую, а именно в научно-богословскую дискуссию. Ведут конференцию православный архимандрит и католический аббат с блестящим академическим образованием. В зале много заслуженных людей в сане... Встреча проходит конструктивно, все вопросы подняты, обсуждены и работа, вроде бы, завершена. В качестве приглашенного на конференции присутствует почтенный, преклонных лет седовласый человек, которого у нас, в Православии, принято называть старцем. Заслуженный монах. Может быть даже, если память мне не изменяет, в сане Митрополита. И в конце этого мероприятия произошел удивительный эпизод. Аббат, католик, подошел к старцу и поклонился ему в ноги. И это тому, который практически не произнес ни одного слова на конференции! Он и языка не понимал, поэтому немного скучал. Наш архимандрит удивленно спрашивает у своего сопредседателя о мотивах его поступка и получает поразительный ответ: «У нас, в католицизме, есть все, организация, миссионерские ордена, материальная база, у нас есть многое. Но у нас нет этого...» И тогда архимандрит произнес: «Да, но зато у вас есть тот, кто поклонился ему в ноги». Аббат обрадовался, они обнялись и расстались.

Миссия и культура

Но надо, чтобы путь спасения был для тех тысяч, о которых говорит преподобный Серафим Саровский, внятными, обращенными к совести, к живой душе. А встреча миссионера и нецерковного человека происходит, как правило, на поле культуры: литературы, искусства и т.д.

Конечно, сама по себе культура не спасает людей. Огромный арсенал знаний, блестящая эрудиция, житейский опыт и благовоспитанность не делают человека святым, не вводят в Царствие Небесное. Но, я убежден, что культура является тем ретранслятором, тем тонким душевным прибором, который воспринимает духовные ценности и помогает их усвоить.

Миссионеру полезно контролировать, чтобы рассказ или дискуссия о культуре не превращались в самоцель, а были бы лишь средством, некоей ступенью к духовному восхождению собеседника.

Посмотрите, как часто мы говорим о духовном воспитании молодежи, и сегодня это, действительно, наша общая проблема и боль. Почему молодые люди уходят в секты? Почему не слышат и не понимают Церковь? На мой взгляд, одна из самых главных проблем здесь в том, что Церковь и молодежь разговаривают на разных языках. Это не означает, что в школах надо срочно вводить церковнославянский, а на семинарских уроках гомилетики преподавать предмет под названием «молодежный жаргон». Не стоит примитивизировать. Дело в другом. Наше слово должно быть услышанным, а для этого необходимо очень долго и серьезно готовить будущих миссионеров.

Во-первых, необходимо пересмотреть и дополнить семинарские курсы миссиологии. С первой и до последней страницы красной строкой там должна проследиваться мысль о неочевидности догматов и ценностей нашей веры для нецерковных людей. Однако мы обмениваемся понятиями, которые считаем друг для друга само собой разумеющимися.

Например, говорим совершенно нецерковным людям фразы типа: «Надо так поступать, потому что именно так написано в Библии...» Во-вторых, для миссионеров необходимо вводить дополнительные занятия по истории литературы, искусствоведению. Ведь часто мы не отдаем себе отчета в том, что наш собеседник не просто говорит на другом языке. Его мировоззрение, уровень культуры, знаний надо приподнять, чтобы наши слова были адекватно восприняты. Здесь труд миссионера крайне важен, потому что он готовит человека к восприятию более серьезных вещей. Мне вспоминаются слова протоиерея Артемия Владимирова — настоятеля храма Всех Святых в Красном селе.

Однажды его спросили о светской культуре, о том, в какой мере она должна преподаваться, да и зачем она нужна современной молодежи. Он ответил примерно так: «В наше время классическая музыка, литература, живопись — это пласты культуры, которые непосредственно работают на Православие, на Церковь. Потому что они наполняют человека тем, что развивает его вкус, делает душу тоньше и восприимчивее, готовит ее к встрече с Богом». И в этом смысле сегодня, как никогда раньше, для миссионеров актуальны гуманитарные дисциплины.

Сегодня в Московском педагогическом государственном университете, например, готовят будущих преподавателей Основ православной культуры. Это тот опыт синтеза, когда преподаватели русского языка и литературы станут, одновременно, обучать подростков и Основам православной культуры. Ведь православная культура не заключена под обложку книги

под названием «Закон Божий» или «Творения святых Отцов». Это даже не фильм о паломничестве. Говорят, что плохо снятый фильм или плохо написанная книга о Православии – антиправославны.

Когда все Православие сводится к изречениям и сомнительным прощаниям какой-то «старицы» – это, наверное, и есть профанация нашей веры, поверхностное, иногда даже опасное чтение... Посмотрите, чем завалены книжные полки церковных магазинов? Бесконечными воспоминаниями духовных чад этих «стариц» и «старцев». Причем, за версту видно, что пишут экзальтированные или вообще агрессивные люди. Я думаю, такое «благочестивое кликушество» к Православию имеет очень отдаленное отношение. Ведь в большинстве этих брошюрок, за огромными, «высокодуховными» фигурами «старцев» просто теряется маленькая фигурка Христа.

Если же серьезно вдуматься в этимологическое значение слова «православие», то это «прославление Бога, «слава Божия». А она является нам в красоте творения. Можно так написать пейзаж, что он будет славой дивному Творцу, или такую музыку, что она станет хвалением Всевышнему. Например, в нашей стране ценности Православия усваиваются большинством людей, можно сказать, с молоком матери, ведь лучшее в нашей культуре было сформировано в свое время христианской цивилизацией, христианской культурой. И миссионер должен заниматься не тем, чтобы где-то отыскивать крупинки христианской мудрости и света.

Наоборот, в свете христианского мировоззрения показать все то, окружающее человека, что созидает, настраивает душу на жизненное творческое настроение, развивает таланты, заложенные в ней Богом.

Наверное, главное здесь – придерживаться «золотой середины» и избегать крайностей, например, начала 90-х годов XX века, когда Церковь внезапно получила свободу. За годы гонений духовная преемственность во многом была утеряна, и со свойственными русскому характеру особенностями мы сразу бросились в крайности: стали отрешиваться от светской культуры, говоря, что это душевная область, которая должна быть оставлена за пределами нашего внимания. Стали массово открываться иконописные школы. Люди элементарно не умели рисовать, держать в руке кисть и карандаш, но зато сразу же переходили к созданию «шедевров» иконописи. Конечно, такое возможно... Если у человека богатая, глубокая и настоящая духовная жизнь. Но многие из нас могут похвалиться этим? Самоуверенно и, наверное, самонадеянно сказать: «Да, я готов изображать лик

Божий...» За этим должен стоять подвиг жизни. Или, хотя бы, мастерство, опыт, труд. А мы вообще, не сомневаясь, беремся за все: ведь мы же верующие.

Самоуверенность поразительная. Нам нет преград ни в море, ни на суше. Что за этим? И лень, и гордыня. А мастерство приобретается в итоге долгого труда, усилий, отсеечения лишнего и усвоения нужного. То есть всего, что вмещается в понятие «культура». Ведь что такое культура? Протоиерей Павел Флоренский говорил: «Культура от культа». А культ — откуда? Это некая потребность людей отдавать свои душевные силы, тепло, внутреннюю энергию тому чувству, которое присуще каждому человеку — религиозному.

Но как это возникло? Человек потерял связь с Творцом, а он — образ и подобие Божие. Поэтому все свое лучшее люди отдают Высшему, Тому, Кого они не видят (в Кого многие даже и не верят), но все же чувствуют в своей душе. Получается, что со стороны человека — это уже какой-то момент селекции, отбора. И поэтому, если очень примитивно определить сущность культуры, то надо будет сказать, что это понятие очень близко к сельскохозяйственной практике. Вот, мы вот говорим: «Это — культура, отборные зерна, а это плевелы, сорняк». Ведь земледельцы поколениями отбирают росток, приносящий больше плода, а другой, наоборот, отрезают, сжигают, пропалывают... Собственно, культура — это стержень человека, то, что в нем остается наиболее плодотворного, устойчивого, лучшего, то, что его совершенствует. Православные, воцерковленные люди, борясь со страстями и утверждая добродетели, тоже ведь занимаются, по сути, культурной работой. Только внутренней. Мы поощряем лучшее в себе и пытаемся победить, преодолеть худшее. Это же самая настоящая внутренняя культурная работа.

А ориентиром для нее всегда будут оставаться слова апостола Павла: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9, 22). Здесь обе стороны миссии — и духовная, и культурная, этическая. То есть, во-первых, миссионер должен понять другого человека, войти в его мир, прочувствовать его мировоззрение, уровень, и, исходя из этого, крайне корректно относиться к собеседнику. Во-вторых, кто дерзнет сказать про себя, что «для всех я сделался всем...» Конечно, тот дерзнет, кто поднялся на какую-то очень серьезную духовную высоту. Ведь в толпе-то всех не увидишь... А этому не научишь на уроках миссиологии. Это зависит от твоего личного духовного состояния. И здесь нужен постоянный труд над собой.

Труд, молитва, любовь

Кстати, иногда мы воспринимаем эти слова Апостола очень примитивно. Речь идет вовсе не о том, чтобы приспособиться, адаптироваться, угодить... Апостол Павел говорит о том, что позволяет ему сразу и безошибочно определить внутреннее состояние собеседника — о своем собственном внутреннем духовном состоянии. А это связано с приобретением самого главного — усвоением любви. Любовь же — это всегда труд.

Видов трудовой деятельности на земле много — можно работать руками, ногами, головой... Но все Отцы Церкви говорят, что самый великий труд — молитвенный. Труд общения с Богом. Неразвлеченная, сосредоточенная работа постоянного возвращения чувств и памяти к Тому, перед Кем ходишь. Признаком смерти является разложение на молекулы и атомы. У каждого человека, живущего на земле, большая душа. А болезнь — это всегда распад. Значит, внутри нас постоянно идет центробежный процесс дезинтеграции. И, во многом, он протекает независимо от человека. А интеграция, созидание, собирание себя — огромный, каждодневный и пожизненный труд. Более того, от распада душу может спасти только Бог при нашем согласии, по нашей просьбе, при нашем усилии. Это, собственно, и есть молитва.

Нередко молитву понимают исключительно как славословие. Но ведь это только одна из ее граней. У святителя Феофана Затворника сказано просто: молитва есть постоянное пребывание души в памяти о Боге, постоянное хождение перед Ним. Все образы и Ветхого и Нового Завета показывают, что и без слов молитва бывает очень сильной. Помните, перед тем как разделить для спасения евреев Чермное море, Господь сказал Моисею: «Что ты вопиешь ко Мне?» (Исх. 14, 15). А ведь тот не произнес ни единого слова... Поэтому христианин старается жить в том духе и настроении, которое с достаточной степенью условности мы называем молитвенным. То есть, с постоянной памятью о Боге. Это основа, некая платформа, без которой дальнейший рост невозможен.

«Разве разделился Христос?..»

Я не случайно затронул тему молитвенного труда, который созидает. Мы ведь все время говорим о собирании Церкви, народа. Говорим, что должны слушать, понимать, сочувствовать, помогать и, главное, любить друг друга.

Пока же мы очень часто с горечью отмечаем, что между нами нет не только любви, но просто элементарной терпимости и понимания. Зато

есть разделение на партии. Хотя апостол Павел еще 2000 лет назад предупреждал коринфских христиан: «Умоляю вас, братья, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях... Сделалось мне известным о вас, братья мои, что между вами есть споры. Я понимаю то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов». Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» (1 Кор. 1, 12–13). Следуя апостольской традиции, Церковь все время призывает христиан к единству, говорит, что это — усилие и оно должно быть постоянным.

Сторонники некоей партии говорят, что надо выступать перед байкерами, перед молодежью, на стадионах и рок-концертах. А их оппонен ты утверждают, что в этом случае мы профанируем наши ценности, порочим Церковь.

Слава Богу, если среди приверженцев той или иной точки зрения находятся культурные, воспитанные, спокойные люди, которые приводят весомые аргументы, и дело не доходит до хамства. Но есть немало христиан, которые не понимают, что следует вести полемику в русле апостольской традиции. Ведь в том же, Первом послании к Коринфской Церкви Апостол пишет, что «надлежит быть и разномыслиям между вами, чтобы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11, 19). Казалось бы, здесь прямое противоречие с первой главой Послания, где Павел умоляет избегать разделений. Но нет. Речь здесь идет о той полемике, где христиане не забывают о духе взаимной любви. Недаром ведь после этих слов Апостол переходит к описанию Евхаристии — вершине Божественной любви и любви между христианами. Что такое «апостольская традиция дискуссии»? Это спор не для того, чтобы унижить и победить другого человека, а чтобы приблизиться к истине. Если мы не забываем о взаимной любви, то Бог помогает нам найти ее по любому вопросу церковной жизни, не разделяясь на партии, не оскорбляя и не обвиняя друг друга во всех смертных грехах. Если же ты теряешь это чувство, если считаешь, что собеседник не имеет права на отличную от твоей точку зрения и бесконечно заблуждается, то, может быть, ты уже одной ногой в прелести. Прельщен другим духом... Духом разделения и вражды, отец которого — диавол.

Однако существуют не такие прямые разногласия. Они менее заметны, но тоже нас разделяют и не менее вредны для общего дела. Это происходит, когда мы теряем чувство, что всякий православный христианин принадлежит к Церкви апостольской, которую Христос послал в мир. Поэто-

му любой воцерковленный человек — это миссионер, который постоянно находится в мобилизованном, собранном, можно, сказать, «боевом» настроении.

Поэтому сегодня священникам нужно, в первую очередь, заботиться не об укладке кирпичей и золочении куполов, а о духовном и интеллектуальном росте своей паствы. Безусловно, внешнее восстановление храмов — важная и необходимая вещь. Но, я думаю, мы уже вышли из этого периода истории и должны теперь думать о тех, кто будет в этих храмах молиться. Именно на нас лежит ответственность, чтобы через 10–15 лет наши церкви не превратились в пустующие «музеи под открытым небом». Для этого внутренняя, духовная жизнь паствы не должна стоять на месте, потому что всякая остановка здесь есть откат назад. Ведь жить во Христе можно лишь тогда, когда человек все время плывет против течения. По течению плывет неживое.

«Культурный бантик» или внутренняя культура?

Чтобы эта жизнь наблюдалась в пастве, в частности, нужно прилагать усилия к тому, чтобы люди читали, причем, не только церковную литературу. И здесь мы опять вступаем на поле культуры, воспитания и просвещения христиан. Слово универсально. Ребенку, начинающему познавать мир, нужно помочь открыть для себя его гармонию, некую божественную продуманность. Это непременно начнет отображаться в душе прочным складом, внутренней красотой. Именно этому и учит классическая литература.

Я не думаю, что сначала мы должны озаботиться духовной жизнью человека, а потом привязать ему для украшения «культурный бантик».

Ни в коем случае. Все должно происходить органично, одновременно. Но как раз утрата органичности, параллельности воспитания, когда мы воспитываем только на духовном, причем, понятием очень узко, ведет к нетерпимости, а в худшем случае, даже созданию внутрицерковных сект. И, я думаю, миссионеру не надо здесь ничего изобретать. Веяние Духа присутствует в лучших образцах классической культуры, например, в русской литературе XIX века. Она прямо не призывает всех поголовно идти к обедне, но указывает на Церковь и Христа, напоминает о тех ценностях и заповедях, которые запечатлены веками христианства в сердце русского народа. Причем, это есть практически у любого писателя той эпохи.

Даже у Тургенева, который был совсем невоцерковлен и даже зачастую бравировал высокомерным отношением к восточному христианству.

Первый закон свободного рынка

Итак, священники, миссионеры должны всемерно и полноценно воспитывать свою паству. Прививать одновременно и духовные, и культурные ценности. Ведь посмотрите, люди, производящие так называемую «православную продукцию»: фильмы, диски, журналы и т. д., чтобы сбыть ее, невольно ориентируются на спрос, то есть на вкусы целевой аудитории. Вкусы же воспитываются. Здесь действует тот же экономический закон: спрос рождает предложение. Но спрос должны формировать и воспитывать именно священники и миссионеры. Это наша прямая задача. Например, сейчас даже церковные люди мало читают святоотеческую литературу. Отчасти это понятно. Из своего пастырского опыта могу сказать: многие ссылаются на то, что святые Отцы говорят на языке, который сейчас уже не близок современному человеку. И нам действительно необходимо над этим работать, параллельно с переизданием святых Отцов создавать какие-то «буферные» издания, где можно толковать и приближать их язык к современному, рассказывать о той культуре, в которой они жили. Но ни в коем случае нельзя опускать руки, нельзя говорить: «Знаете, вот это устарело». Например, сегодня Исаака Сирина читают – 2 процента церковных людей, но если мы не приложим никаких усилий, через десять лет этот процент вообще сведется к нулю.

Миссионерский кристалл

Вообще, общественное мнение, ориентированное на те или иные безусловные для нас ценности, создается каждым членом Церкви. Мы говорим: «Да, в идеале было бы хорошо, если бы люди открыли для себя Христа и Церковь». Но как это сделать? Ведь сколько ни издай хороших книг о духовной жизни, сколько ни напиши толкований, пособий и очень красноречивых проповедей – к дверям храма надо как-то подвести. Значит, должны подключаться телевидение, интернет и прочие средства воздействия на массового слушателя, зрителя, читателя. Каким образом? Конечно, одна, две конференции – это капля в море. Но, по латинской пословице, капля камень точит. Мы должны говорить, мечтать, думать и молиться о том, чтобы в нашей стране был создан некий единый «граненый кристалл» православных СМИ.

Отточенный и «доведенный до ума» он будет сиять своими сторонами в свете Истины Христовой. Одна его грань – телерадиоканал, другая – интернет-версия, третья – печатные СМИ, живые, красочные. Например, я вижу, как журнал «Фома» и весь его Издательский дом, постепен-

но становится такой гранью. Но, возвращаясь к разговору о единении, интеграции, нужно подчеркнуть, что одного Издательского дома «Фома» мало, необходимо объединение миссионерских усилий высокого профессионального уровня, и союз людей, которые переживают за духовное и культурное просвещение России.

Причем, уже накоплен громадный опыт работы, и нам вовсе не надо «изобретать велосипед».

Православные люди очень благодарны телеканалу «Союз», потому что он заполняет это смысловое пространство, и другого на сегодняшний день просто нет. Руководство канала постоянно говорит о том, что не хватает средств, и в бегущей строке идут постоянные сигналы «SOS».

Остается только в ноги поклониться этим людям, которые почти на энтузиазме делают такой громадный объем работы. И то, что я сейчас скажу, ни в коем случае не критика, а констатация факта того тяжелого положения, в котором находятся сегодня электронные СМИ, пытающиеся донести до людей православные ценности. Иногда передачи бывают неподготовленными. Иногда бывают долгие и нудные заставки, естественно, не от хорошей жизни, видимо, эфирное время нечем заполнить.

А это, опять же, связано и со средствами, и с кадрами, и с их профессиональной подготовкой. Иногда передачи не вполне отредактированы, человеку требовательному, искушенному они покажутся грубыми. В то же время телеканал «Культура» в последнее время постоянно демонстрирует, что можно делать замечательное, глубокое телевидение.

Оказывается, в океане пошлости можно найти остров культуры, вкуса, глубокой и светлой мысли. Жаль, что пока каналы «Союз», «Спас» и «Культура», некоторые качественные передачи о Православии на других каналах — это лишь исключения, подтверждающие общее правило... Но, мое глубокое убеждение, что нужно создавать свой федеральный телеканал, как бы утопически это ни звучало.

Недавно была озвучена такая точка зрения: подобный федеральный канал нужен, но он должен называться «Религия», где после муллы будет выступать православный священник, потом раввин, далай-лама и т.д. Как это будет воспринято людьми? Понятно, что у государства нет денег на четыре отдельных канала. Но так же ясно, что вряд ли история буддизма или иудаизма в России заполнит пространство и время подобного телеканала. С исламом сложнее, однако, вполне можно найти какое-то решение, например, разместить их передачи на других центральных «кнопках».

Скептики утверждают, что мы не заполним эфир целого федерального канала. Что на это можно ответить? Помню, в 1987 году — на заре возрождения церковной жизни, я ехал в поезде «Рига—Москва» и на горизонте показались руины монастыря. Глядя в окно, я сказал: «Вот бы это все восстановить!» Мой собеседник, кстати, верующий, воцерковленный человек тогда ответил: «Да что ты! Мы же осраимся, дискредитируем себя. Ну, восстановим, а кто же все наполнит-то?» Теперь мы видим, что восстановленные и открывшиеся храмы в России похожи на сосуды под дождем. Какой поставишь — такой и наполнится до краев.

Подставишь «наперсток» — и начнет преизливаться. Поставишь цистерну — скоро и она полным-полна. Потому что пока еще Господь дождит своей благодатью на нас и наполняет храмы, хотя бы в воскресные дни.

Такое может произойти и со всеми миссионерскими проектами.

Вместо эпилога

Миссионеры должны чувствовать особую ответственность за Церковь, за дело Христово на земле, участвовать данными нам талантами в формировании у людей спроса на все те сокровища Православия, в наследие которых мы вступили. Потому что подлинное назначение сокровища — всегда находиться в обороте и приносить прибыль. Только тогда оно пользуется спросом. Если же сокровище не приносит доход — это просто бумага, металл, в лучшем случае музейный экспонат, на который иногда с умным взглядом и суждением посмотрят знатоки.

Получается, цель культурологической работы миссионера — воспитание спроса на то, чем мы обладаем. Спрос же рождает предложение.

Заметьте, опять же, наше предложение. Это нужно еще и для того, чтобы мы не бросали слов на ветер, не говорили в пустоту. То есть, сначала мы готовим, скажем современным модным словом, «потребителя» наших усилий, а уже потом с радостью прилагаем усилия. Ведь сокровища нашей веры надо вложить в подобающее хранилище. И эту сокровищницу, эти сосуды мы должны вылепить с помощью культуры. Кропотливый труд, в нем участвуют и литература, и музыка, в общем все, что накопила за 2000 лет христианская культура. И, конечно, необходимо духовно воспитывать самого себя, возрастать в любви к ближнему. Без этого любые усилия будут тщетны, какими бы умными, эрудированными и просвещенными мы ни были.

Протоиерей **Максим Козлов**

Миссионер-катехизатор не может ассоциироваться с политическими партиями

Прошлый 2009 год был объявлен Годом молодежи. Каковы его итоги? Создается всероссийская православная молодежная организация, планируется, что в каждом приходе появится особый сотрудник, призванный помочь молодым людям, зашедшим в храм, остаться в ограде Церкви. О путях работы на приходе размышляет настоятель храма св. мц. Татианы при МГУ прот. Максим Козлов.

— Отец Максим, какие специфические цели молодежной работы Церкви Вы видите?

— Несомненно, что в сегодняшней церковной жизни существует ряд проблем, связанных с привлечением людей к действительному участию в том главном, что в Церкви совершается. Многие субъективно сочувствуют Православию и в соцопросах называют себя православными. Но в церковной жизни они реально почти не участвуют — кроме факта собственного Крещения, реже Венчания, освящения куличей и еще какого-то небольшого набора богослужебно-обрядовых действий, связанных

с календарным годом или вековыми событиями жизни человека. При этом я думаю, что в этом плане не обязательно молодежь выделять в специальную категорию.

Конечно, пути того, как помочь тому или иному человеку начать жить в Церкви, будут различаться в зависимости от его возраста, образовательного и социального статуса, национального происхождения и семейной традиции. В этом смысле говорить с молодым человеком нужно будет на несколько иные темы, чем с человеком, который уже стоит у порога земной жизни или заканчивает активный период своей трудовой деятельности, уходит на пенсию.

Ясно, что само взыскание этих людей в церковном плане, притом, что мы должны проповедовать единое на потребу, будет (помимо этого главного) несколько различным.

Верно и то, что за 20 лет свободной церковной жизни мы столкнулись с фактом, который нужно честно признать. Очень много детей прошло через воскресные школы, очень много детей было рождено в семьях родителей, вполне осознающих себя церковными людьми, и только определенная часть из этого поколения осталась в Церкви, продолжила на сегодня реально участвовать в церковной жизни. Значит, проблема есть.

— Для решения этой проблемы предлагается ввести новую должность на приходах.

— Обозначенная недавно и протоиереем Всеволодом Чаплиным, и Борисом Якеменко озабоченность тем, как помочь молодым людям войти в церковную ограду, — это реальная сегодняшняя нужда церковного организма. Мысль о том, что нужно закрепить на приходах (может быть, решением иерархической церковной власти) соответствующие места для тружеников, которые не на уровне личного энтузиазма в свободное от работы и учебы время, но как основное или одно из основных своих занятий имели бы попечение об этих новоприходящих, — мысль, на мой взгляд, несомненно трезвая и правильная. И тут, конечно, без какого-то побуждения со стороны высшей церковной иерархии вряд ли можно будет обойтись. Потому что, если сказано, что нужно такого человека иметь, то всем настоятелям будет проще принять и понять это как данность и из нее исходить.

Это даже не следствие какой-то безынициативности: просто природа церковного бытия подразумевает, что нечто вызревает в недрах повседневной церковной жизни, а потом утверждается благословением церковной власти, после чего и становится стабильным институтом.

—*Как эти работники могут вписаться в структуру прихода?*

—Каков может быть круг обязанностей этих тружеников — это уже другой вопрос, и он очень нуждается в обсуждении и деликатном решении.

Одна из идей, мне кажется, лежит на поверхности. На протяжении двадцати последних лет и покойный Святейший Патриарх Алексий II, и многие архиереи, и Святейший Патриарх Кирилл указывали, что нужно повышать общечеловеческую культуру, церковные знания и стремление к теплому душевному общению таких всех нам хорошо известных церковных тружеников, как сотрудники свечных и церковных лавок и тех, кто убирает в храмах. Если бы местом присутствия молодого свидетеля о Православии стал свечной ящик, было бы очень хорошо. Регулярная его сотрудница могла бы сосредоточиться на принятии пожертвований, раздаче свечей, оформлении треб, поминальных записок и прочем, не будучи раздираема между необходимостью тщательно делать эту часть своей работы и отвечать на содержательные вопросы тех, кто ищет каких-то ответов. Тех, кто хочет узнать нечто более глубокое о церковной жизни, встречал бы молодой работник — назовем его условно миссионером-катехизатором, хотя я бы предпочел другой термин. Он бы беседовал с ними на интересующие их темы, подсказывал бы, с какой литературой можно познакомиться, был бы снабжен какими-либо авторитетными, выверенными, излагающими истинно церковный взгляд справочными материалами, которые он вполне безвозмездно мог бы предложить людям.

Несомненно, тот же миссионер в случае возникновения вопросов, связанных с душепопечением, решением каких-то жизненных коллизий, а также вопросов, которые превышают его сегодняшнюю меру знаний или духовной опытности, отсылал бы приходящих к священнику. Регулярное присутствие духовенства в храме, по крайней мере в столице, и требуется церковной властью, и реально имеет место.

—*Такой сотрудник будет восприниматься как служитель церкви?*

—Это так. Важно, чтобы, оказавшись фактически в статусе церковнослужителя, этот миссионер-катехизатор брал бы на себя и обязанности, возлагаемые на церковнослужителя. Я имею в виду чрезвычайную осторожность в высказываниях по общественной проблематике и, безусловно, долг даже косвенно не ассоциироваться ни с какими политическими силами.

Добрый пастырь должен быть таков, чтобы люди любых общественно-политических воззрений не имели затруднений прийти к нему на исповедь или для духовного общения. И монархист, и сторонник суверенной демократии, и сторонник демократии несuverенной вхожи в ограду Церкви одинаково. На миссионера-катехизатора возлагается тот же долг. Он не может восприниматься как агент влияния той или иной политической силы, неважно, сколь бы позитивной она ни виделась самому миссионеру.

Разумеется, как всякий гражданин России и как каждый православный человек, в то время, когда он не исполняет своих обязанностей в церкви, он может принадлежать к любой общественно-политической организации, цели и задачи которой не противоречат святому Православию. Но приступая к церковному труду, он просто обязан забыть об этом и отсечься от этой принадлежности, чтобы никакой, даже косвенной пропаганды той или иной политической силы не присутствовало в его деятельности. Я не сомневаюсь, что те, кто предлагает подобного рода идеи, несомненно, это убеждение разделяют.

—Откуда будут набирать таких сотрудников на приходах? Сегодня Борис Григорьевич Якеменко предполагает готовить таких сотрудников в рамках всероссийского молодежного объединения, которое создается на основе движения «Наши».

—Во-первых, на большинстве приходов, где имеются или формируются реальные общины (а таких в Москве большинство), не возникнет никакой необходимости в приглашении людей извне. Я убежден, что большинство московских приходов найдут среди своих прихожан достаточно активных и образованных людей, которые бы взяли на себя эти обязанности. Это не обязательно должен быть один человек, это может быть команда людей, которые, сменяя друг друга, будут присутствовать в храме. Это будет полезная практика для алтарников в том случае, если они готовятся к священнослужению, в этом могут участвовать молодые матери, дети которых уже подросли и могут быть с ними в церкви. Это могут быть просто активные прихожане. Так что первый и самый естественный путь — это выдвижение таких людей из прихода.

В том случае, если человек приходит извне, то для продуктивности его деятельности, для получения реальных плодов от его работы он все равно должен будет себя осознать членом прихода, а не откуда-то присланным работником. Иначе он не сможет быть полезным. Только если те же бабушки и дедушки, молодые и немолодые родители, малые, подростки

и совсем немалые дети станут родными для него, тогда он сможет на них опираться. Тогда он сможет в этой среде, зная людей, находясь не только в формально-административном, но и в жизненном общении с духовенством, приносить плод

В последнее время не раз озвучивалась идея создания общероссийской православной молодежной организации. Какие бы группы и в каком бы смысле ни вошли в нее как составляющие, пусть даже как значимые составляющие, понятно, что сама по себе она не может в общественно-политическом смысле иметь какую-либо слишком ярко выраженную позицию, кроме общецерковной. Если в рамках такой организации будет осуществляться предварительная подготовка и помощь для тех миссионеров, которые будут трудиться на приходах, это можно только приветствовать.

— Вокруг чего можно объединять и спланировать молодых людей? Могут ли это быть беседы и кинолектории?

— Вновь и вновь будем говорить, что главное в Церкви — это единое на потребу и ее таинственная жизнь. Кроме того, на мой взгляд, очень важны позитивные начинания. Не конфронтационные, не протестные, не борьба против чего бы то ни было, а позитивные начинания. Это могут быть социальные начинания — этим сухим словом давайте назовем проявление реальной христианской любви к престарелым, болящим, немощным, бездомным. Это могут быть просветительские проекты — как издательского плана, так и по организации различных чтений, лекториев, в том числе и кинолекториев. Это могут быть образовательные проекты как в рамках прихода, так и обращенные к окрест проживающим людям. Это может быть, наконец, полезный физический труд. Много может быть разных проектов. Главное, чтобы они исходили из потребностей реальной жизни, а не накладывались какой-то обязательной схемой сверху (мол, у вас должна быть физкультурная, патриотическая, культурно-массовая деятельность). Мне кажется, сейчас важно определить не столько формы, сколько направление движения. Направление это должно быть снизу вверх — от общины. В этом смысле наиболее востребованные для общины проекты могут расширяться до межприходского сотрудничества, а какие-то дальше — до епархиального и выше.

— О таких приходских работниках говорят как о молодежных лидерах, которые должны вести за собой. А о пастырях при этом говорят, что они должны помогать идти не за собой, а за Христом.

—Руководитель, конечно, должен быть человеком, который привлекает — в том числе и к себе лично, и к делу, которым он занимается. Здесь определенные характеристики человека важны. Конечно, тот, кто склонен к кабинетной работе, к уединению, к тихому затворничеству, вряд ли легко станет человеком, объединяющим других в массовых проектах. Поэтому приходские миссионеры, конечно, должны быть экстравертами, им не должно быть затруднительно общение с разными людьми.

Другое дело, нужно ли это воспитывать в современном поколении молодых православных вообще. Это значительно более серьезная тема. Мне представляется, что само понятие лидерства из Евангелия не очень выводимо. Из него скорее выводимо понятие христианского свидетельства. Это стремление к такой жизни и такой внутренней уверенности в том, что проповедь Благой Вести есть конечная правда, которая одушевляет и самого человека. Это и других побуждает поверить в то, что вера — не философическое рассуждение и не абстрактное умозрение, а жизнь, которой сам человек живет.

Если уж и употреблять термин «лидерство», то оно должно быть такое — в требовательности к себе, в стремлении к тому, чтобы наши слова минимально расходились с нашей жизнью. Вот это и будет настоящим христианским свидетельством. И это и есть то лидерство, если угодно, от которого зажигаются души других людей. Это об этом говорят, когда приводят слова святого Серафима — «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи».

Я не предполагаю, что нынешнее поколение православных молодых людей (именно как поколение, а не как отдельных личностей) нужно ориентировать на занятие руководящих постов: всем пробиться в министры, депутаты, в начальники ведомств и стать крупными бизнесменами... Про это уже и апостол Павел говорил, задавая вопрос христианам: много ли среди них сильных, знатных, богатых... Напротив, не немощное ли мира избрал Господь, чтобы через них явить Свою силу.

В конечном итоге, тихий молитвенник, живущий благообразно и по чину, кроткий и незаметный человек может не только для окружающих, но и для истории значить больше, чем лидеры государств и народов. Напомню, что важнейшие события истории нашего спасения случались часто совсем не с лидерами. Событие, с которого мы начинаем историю Нового Завета, — Рождество Пресвятой Богородицы — случилось в заштатном провинциальном городишке со старыми, ничем не примечательными людьми, и знала об этом горстка их знакомых. Именно там, а

не рядом с Цезарями и Октавианами, Клеопатрами и Антониями, произошло самое главное в человеческой истории. Я глубоко убежден, что и сейчас самое главное происходит не там, где кипят общественно-политические страсти. Мне кажется, важно эту память не утратить при многообразных миссионерских сегодняшних активностях.

— Но если православные молодые люди не станут завтра новыми министрами, то ими станут люди совсем других убеждений, и мы сами будем в этом виноваты.

— Дело не в том, чтобы заниматься каким-то бегством от реальности или уходом от взятия на себя общественной и политической ответственности, а в том, чтобы не ставить себе это целью, не воспитывать в себе ощущение, что я — это тот, кто самым правильным образом и лучше других справится с руководящими обязанностями. Мне бесконечно дороги слова одного из ныне покойных опытных московских священников, который говорил, что лучший руководитель — это тот, кто со страдательностью воспринимает свое нахождение в статусе руководителя, который несет это как крест и как послушание, если он христианин, но не имеет цели находиться во власти, в верхах, в руководстве. Если мы будем воспитывать у молодежи такое сознание, мне кажется, это будут хорошие руководители.

— Стоит ли работать с молодежью отдельно от всех прочих людей? Ведь могут быть молодые люди, которые не захотят быть объектом специфически молодежных программ.

— Я думаю, можно здесь выделить две стороны вопроса. Есть — и их не так мало — люди, подпадающие по возрасту под определение «молодежь», хотя и не склонные относить себя к этой категории, которые свое место в Церкви уже нашли и даже жестче скажем — выстрадали. Они уже, что бы ни случилось, знают, что они — православные люди, для них Церковь — мать, какие бы ни были в ее жизни проблемы.

Но объективно существуют ситуации, когда молодые люди — молодых это больше касается в силу более интенсивной динамики жизни их души — не находят своего места в ограде Церкви. Придет, соприкоснется человек, вроде и зажжется на месяц-другой, смотришь — и нет его.

Можно, конечно, рассуждать о характере современного общества, которое воспитывает людей такими, что им трудно войти в ограду Церкви. Ведь Церковь учит нас внутренней некомфортности, а современный мир ориентирует на достижение материально и душевно комфортного существования. Есть ответственность и на внешнем мире, но есть

ответственность и на тех людях, которые определяют современное состояние церковного общества. И как церковь с маленькой буквы, и как общество людей (думаю, каждый священнослужитель сможет то же сказать о себе) отнюдь не все возможное мы сделали для того, чтобы помочь этим людям остаться, помочь им почувствовать, что здесь есть настоящее вопреки той шелухе, которая тоже есть и которую нужно счищать, но которая до конца никуда не денется. Вот так нам следует понимать эту работу с приходящими — как христианское равнодушие к тому, чтобы человек остался, а не холодное отношение «у нас и других хватает, одним больше, одним меньше, баба с возу — кобыле легче». Не так. Если будем себя подвигать действовать в этом направлении и ракурсе, то, глядишь, что-то небесполезное получится.

*Беседовала Александра Сопова
Татьянин день, 18.12.2009*

ФОРМЫ И МЕТОДЫ МИССИОНЕРСКОЙ РАБОТЫ

Архиепископ Белгородский и Старооскольский **Иоанн (Попов)**

О действенном и искусственном миссионерстве

Каковы самые действенные способы сделать так, чтобы как можно больше людей узнали о Христе и Церкви, чтобы люди решились переменить свою жизнь и жить по заповедям. В Русской Православной Церкви вот уже 14 лет действует Синодальный миссионерский отдел. Отдел возобновил и поддерживает практику проведения миссий в Якутской, Камчатской, Калмыцкой и ряде других епархий. Осуществляется практика миссионерских поездок по рекам на кораблях-церквах (Новосибирская, Благовещенская, Амурская, Волгоградская епархии), проводятся противосектантские совещания и конференции. При Миссионерском отделе работает духовная семинария (с 1996 г., Белгород), готовящая православных миссионеров. Разработана миссионерская концепция Русской Православной Церкви. Дискуссия о том, какой должна быть сегодня миссия, продолжается.

— Ваше Высокопреосвященство, расскажите, как строится миссионерская работа в отделе?

— Мы строим свою работу системно и опираемся, прежде всего, на исследования, которые проводятся различными путями. К примеру, не-

сколько лет назад отец Димитрий Лукьянов совершил путешествие по морским и сухопутным границам России, посетив те места, где есть храмы и те места, где храмов нет. Было определено место, где больше всего нужна миссия. Отец Димитрий оценил ситуацию, насколько это возможно и стало ясно, каким должно быть наше участие. Результатом этой экспедиции стало то, что мы по согласованию с епископом Якутским Зосимой послали в Тикси (морской порт к востоку от устья Лены – прим. ред.) своего миссионера – игумена Агафангела (Белых) который сейчас там совершает свое служение. В Тикси живет около 6000 человек и там есть возможность миссионерского экспедиционного действия: отсюда можно переезжать в важные окрестные точки. Исполняющий обязанности Управляющего делами Московской Патриархии владыка Варсонофий – просил нас направить миссионеров на Камчатку. Миссия в Сибири, на Камчатке – лишь некоторые направления, по которым мы работаем. Миссионерская работа должна быть системной. Поэтому мы проводим социологические исследования миссионерского характера: они направлены на то, чтобы выяснить, что люди ожидают от Церкви, каков уровень веры и знаний, каков – заблуждений. Что доминирует – обрядовое, консерватизм, реформаторство? В зависимости от данных мы направляем миссию. Планировать акции в кабинете можно, но результат кабинетного планирования будет мертворожденным – реальная жизнь совершенно другая, чем это может казаться за стенами отделов. Более того – Россия громадная: одна ситуация – в центре, другая – на границах России и должны быть разные подходы в разных регионах. Без продуманных действий, без анализа ситуации мы попадаем в ситуацию искусственного миссионерства. Важно знать «как веруеши» и отсюда планировать миссионерскую деятельность, вести работу точно и целенаправленно, а не декларировать лозунги. Например, в русле такой точечной работы мы возрождаем миссионерские станы⁷. В этой работе нужно помнить заветы таких миссионеров, каким, например, был святой архимандрит Макарий (Глухарев): он руководил станом Алтайской миссии, проводившей колоссальную работу – там миссионеры работали среди людей, в тесном с ними контакте и знали, на что обратить внимание, о чем и как говорить с людьми.

– Каковы основные ошибки в построении миссии?

– Нельзя действовать вслепую. Иной раз мы моделируем ситуацию, думаем, вот так сделаем, вот так сделаем, и будет все хорошо. Но оказывается, что появляется непредсказуемая волна, которая все это смы-

вает. Поэтому нужно каждое действие стремиться продумать так, чтобы не было отрицательных последствий. Говоря об искусственном миссионерстве, надо помнить, что важно не заболтать миссию. Положение миссионера сегодня напоминает положение врача: все знают, как лечить, все говорят о том, какие препараты применять, каждый — специалист, а что на каждом препарате написано: применять по назначению врача — никого не волнует, никто эту надпись не читает. Сейчас такая же ситуация в миссии: все знают точно, что и как делать и забывают о том, что важно чувство меры, той меры, которая определяет эффективность действия, меры, которая не принижает слова Божьего. Ведь бывает так, что когда за эффектом гонятся, своими действиями принижают слово Божье. Это чувство меры дается не сразу, оно вырабатывается годами. Каждый этап миссии имеет свои черты и особенности. С 1995 года я возглавляю Миссионерский отдел, мы проходили разные стадии. В начале Миссионерский отдел ассоциировался больше с антисектантской деятельностью, и это было оправдано: в 90-е годы были настоящие нашествия различных новых религиозных движений и тоталитарных сект. Потом стало понятно, что жизнь не любит пустоты. Если мы будем только «анти», то не будем созидать внутреннего пространства, а это требует усилий. Сейчас нужно, чтобы каждый приход стал миссионерским. Наша задача значительно более трудная, чем просто провести формальную миссионерскую акцию и отчитаться о количестве розданных православных книг или крестиков. Нужно каждому священнослужителю привить вкус к миссионерству. Духовные школы должны ориентироваться на миссионерскую деятельность: все предметы, преподаваемые в семинарии, должны сходиться в какой-то точке, в том, что будущий священник не должен стать требоисполнителем и просто хорошим пастырем, он должен быть еще и миссионером. Нужно, чтобы приход стал миссионерским, а прихожане бы принимали активное участие в миссии. Сейчас мы закончили подготовку учебника по миссиологии. Впервые в Русской Православной Церкви написан такой учебник, в его создании участвовал очень большой коллектив авторов: на семинар по подготовке учебного пособия мы пригласили преподавателей, ведущих миссионерские дисциплины из 25 церковных учебных заведений Русской Православной Церкви. Сейчас работа подходит к концу. Разработана «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви», ее обсуждение долго проводилось в епархиях, это очень эффективный, конструктивный документ, если им пользоваться

и читать, то можно найти множество ответов на вопросы, включая такие вопросы, как приходская миссия и ее построение, участие мирян в миссии, участие женщин в миссии и так далее. В концепции расписаны многие трудные моменты и составляющие миссии, недаром этот документ так сложно давался. Мы получили на этот документ более ста отзывов из епархий, и он был принят Святейшим Патриархом Алексием, благословлен Священным Синодом. Поэтому мы надеемся, что произойдет актуализация этого миссионерского опыта, который был накоплен и который сейчас так востребован. Подводя итог сказанному, повторю, важно в миссии всем не стать в одночасье врачами.

— С чего должна начинаться деятельность по созданию миссионерских приходов?

— Первая черта доброго миссионерского прихода — самая важная — приветливость прихожан. У нас приходы страдают безразличием. Человек пришел, пожертвовал что-то, свечечку поставил и ушел — как музей посетил. Свойственная многим приходам, эта черта не приближает людей к Богу, а иногда даже отдаляет. В храмах встречается хамство, окрики, бабушки, охраняющие подсвечники, новые правила устанавливают, а сколько лет сама эта бабушка в храм ходит? Может, она в свое время, подвязавшись красной косыночкой, храмы рушила, а сейчас, с седыми волосами стоит и охраняет подсвечник, с такой же комсомольской невоздержанностью и с такой же комсомольской непримиримостью по отношению к тем, кто не знает пока, как себя вести в храме. Нужно устранить из приходов эту непримиримость. В приходе постоянно должны действовать катехизические курсы, для детей и для взрослых. Почему? Потому что множество проблем решается через такие курсы, которые незаметно, но очень действенно, созидают эту тонкую ткань общины. Приход обязательно должен свою веру являть миру в благих деяниях — вера без дел мертва, и приход без дел милосердия не будет возрастать. Приход должен активно свидетельствовать о своей вере, причем эта активность не должна быть грубой и навязчивой, агрессивной, она может иметь разные проявления. Например, в неделю жен мироносиц — подарите цветочек прихожанке или, как делали мы в Белгороде, — подарите цветы всем мамам. Идет мамочка с ребенком, наши семинаристы подходят с цветами: «Спасибо за то, что вы мама! Поздравляем вас днем жен-мироносиц!». Для многих это было огромной радостью. Особенно, если эта мамочка одна ребенка воспитывает, для нее что-то совершенно невероятное. На наши форумы приходили благодарные отклики. Нам нужно почаще идти

к людям с простыми истинами, которые не требуют громких лозунговых заявлений. Когда приход научится отыскивать такие «изюминки», научится дарить радость, тогда можно будет созидать очень важные истины. Именно созидать истины — я не оговорился — потому что если нет активности, то людям становится скучно. Скука рождает страшные искушения, начинаются склоки, обсуждения, кто что сказал, люди уходят в негативную активность.

— Как бы вы предложили оценивать эффективность миссии и можно ли вообще об эффективности миссии говорить?

— Главный критерий эффективности миссии — воцерковленность человека. Эффективность миссии можно оценивать только по косвенным параметрам, например, по данным социологических опросов, из которых можно судить о том, насколько люди воцерковлены. Конечно, воцерковление — очень широкое понятие, поэтому есть определенные трудности в том, как определить воцерковленность человека, укоренение в православной жизни. В этой связи, мне бы хотелось обратить внимание на то, что до тех пор, пока у нас приходы в пассивном развитии, когда такие «захожане», люди, которые пришли и ушли и никак не чувствуют в жизни прихода, нам будет трудно оценить итоги нашей миссии. О результате проповеди говорит создание общин, настоящих, евхаристических, которые должны быть и социально активными, и они должны быть примером для развития всех остальных общественных институтов. Но этот пример не должен быть просто декларативным. Еще очень важно, чтобы общины занимались своим делом, а не лезли в чужое поле, пытаясь становиться политическими организациями, чтобы они не пытались этот мир переделывать внешними политическими методами. Больше всего нам нужно заботиться, чтобы человек духовно, внутренне возрастал. Мы сможем говорить об эффективности миссии, когда будем видеть, что ответственные люди, которые считают себя православными, принимают правильные, с точки зрения православия, решения и ведут себя соответственным образом.

— Как провести грань между искусственным навязыванием и между тем, что отражало бы реальные духовные и душевные потребности людей? Например, большее количество рок-концертов с «православным уклоном» — это навязывание или необходимость?

— Это очень серьезный вопрос. В Москве, где уровень культурных мероприятий высокий, такие мероприятия проходят спокойно. А если взять Сибирь и там вдруг организовать рок-концерт, то там это вызовет

обратную реакцию, потому что там много традиций, связанных со старообрядчеством. Можно переформулировать Ваш вопрос с помощью понятия «инкультурация», т.е. погружение в культуру, насколько оно возможно? Ответ прост: «главное — не утони, когда погружаешься». Можно перепутать средства проповеди, и цель проповеди, и именно этого нужно обязательно избежать. Мы хотим максимально приблизиться к людям, но это приближение не должно наносить ущерб каноническому строю Церкви, догматическим истинам. Если мы делаем это в ущерб, то мы разрушаем саму Церковь, которая как богочеловеческий организм, во главе которого — Христос, призвана привести людей ко спасению. А мы, для того чтобы этот корабль шел быстрее по бурным волнам, начинаем выкидывать балласт. А когда начинается шторм, оказывается, что мы выкинули то, что является средством спасения во время шторма. И тогда начинаются проблемы очень серьезные — важно действительно не потонуть при погружении в культуру. Например, известный случай из практики миссионера, пришедшего в тюрьму и начавшего проповедь словами «Дорогие братья, Великим постом в душе наступает великий шмон!» — прихожане тюремного храма были неприятно поражены таким обращением «Батюшка, мы же здесь не все по фене ботаем».

— Владыка, чего люди ждут сегодня от Церкви в первую очередь?

— От Церкви ждут активной социальной деятельности, социальной во всех ее аспектах. Но служа людям, активно работая на социальном поле деятельности, совершая дела милосердия, мы должны сказать, что Церковь — не просто какой-то социальный институт, который будет улучшать качество жизни людей. Если так к Церкви относиться, то потеряется первоначальное ее назначение. Господь учредил Церковь для спасения души. — Что сегодня людей действительно больше всего отталкивает от Церкви? Больше всего отталкивает, — холодность и функциональность многих священнослужителей, которые не понимают и даже не могут разделить все проблемы. У молодых священников нет такого опыта, какой был у тех, кто начинал свою жизнь в Церкви в период гонений. Сейчас все возможно, поэтому нередко приходит молодой священник и уже с амбициями и требованиями к приходу, ничего еще не создав. Он не понимает, как живет приход. Это самая страшная ситуация, это то, что ставит непроходимую стену. Из-за этой непроходимой стены, ставшей между духовенством и прихожанами был 1917 год. Меня это действительно волнует, как правящего архиерея. Я не выношу чванства. Это очень неблагоприятно.

— *Что вот вы могли бы сказать человеку, который, столкнувшись с грубостью в храме, не хочет больше возвращаться в Церковь?*

— Я думаю, что каждый человек имеет право на выбор. Если нанесена обида, то он вправе и воздержаться от активного взаимоотношения с батюшкой. Но нужно помнить всегда об одном, что мы идем не к батюшке, мы идем к Богу. А Господь — неизменен. Господь нас в храме всегда примет такими, какими мы есть, вне зависимости от наших настроений и наших искушений. Важно идти к Богу, а не к конкретному священнику. Священник — это проводник. Помните притчу об осле, на котором Господь въезжал в Иерусалим? Когда Христос ехал на осле, осел восторгался: «ну надо же, тут пальмовые ветви, одежды бросают, я, значит, такой, значимый». Но Господь с него сошел. Осел прошел несколько метров и тут же вышел мужик и оглоблей его огреб. Об этом священник должен помнить, что без Христа мы немного из себя представляем. Мирянам я бы хотел пожелать, чтобы они не впадали в искушение, когда образ пастыря искажает образ Христа!

*Беседовала Анна Данилова
Православие и мир, 21.05.2008*

Иеромонах **Димитрий (Першин)**

Миссия в эпоху глобализации

Стратегия Церкви

Зачастую в современной России весь спектр возможных суждений о христианском просвещении сводится к двум крайностям. Это победные репортажи о повсеместных миссионерских успехах с одной стороны, и алармистские сентенции по поводу полной «безнадеги» — с другой.

Мне же представляется правильным перейти от оценок к конкретике. В какой России мы живем? Что уже сделано, несмотря на все сложности? Что еще может быть сделано и что для этого нужно? Каковы стратегические задачи Церкви? Наконец, прецеденты и перспективы.

Сначала диагноз: глобализация. Константин Леонтьев называл ее «вселенской смазью». Действительно, на наших глазах происходит унификация товаров, мыслей, поведения и самой жизни. Детство превращается в выбор между сникерсом и чупачупсом. Чем живут взрослые, можно судить по рекламным проспектам.

Но и изолировать себя от технологий производства и управления мы не можем. Как при Петре I: либо модернизация и окно в Европу, либо шведы, поляки и турки. И если тогда вместе с регулярной армией и флотом

том на Русь пришел табак, ассамблеи и обер-прокурор Святейшего Синода, то в наши дни России угрожает полная культурная аннигиляция, что, собственно, и вызывает столь мощный протест.

Вопрос в том, можно ли считать бескультурье издержками глобализации? Так ли уж сцеплены интернет и зависимость от него, компьютеры и игромания, или здесь происходит подмена понятий?

По слову Спасителя, не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека (Мф. 15, 11).

Во всяком случае, история Православия в послепетровской империи — это не только история обмирщения и «афеизма», но и история святости, просвещения целых народов, появления богословских школ, возрождения старчества. Кончилось все это крахом, но опять же, прогресс ли тому виной? И откуда же тогда сотни тысяч новомучеников и исповедников Российских?

Конечно, вызовы глобализации — не единственная проблема, но именно они задают всю новизну и необычность той ситуации, в которой оказалась наша Церковь на переломе тысячелетий.

Другая проблема — в отсутствии наработанных миссионерских алгоритмов и методик. Конечно, и в советские годы были очаги православной миссии: монастыри, отдельные приходы, немногочисленные апологеты и ученые-гуманитарии продолжали свидетельствовать о Христе и христианской культуре. Однако по понятным причинам в те годы миссионерское служение не декларировалось Церковью как приоритетное.

Совершенно иная ситуация ныне. Образованы и действуют Синодальные отделы Московского Патриархата — миссионерский, по делам молодежи, по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, катехизации и религиозного образования. Функционируют Учебный комитет и Богословская комиссия.

Казалось бы, у нас на глазах происходит переход от послеперестроечного этапа спонтанных опытов и экспериментов к системной организации миссионерской работы. Были успехи, были и неудачи — настало время отфильтровывать золото.

Однако на практике мы наблюдаем, что за редким исключением в приходской жизни воспроизводятся те формы, которые устарели еще в конце XIX столетия. Уроки, уроки и уроки — и это еще в лучшем случае. В худшем — просто ничего не делается: в одном из московских благочиний даже воскресные школы реально функционируют лишь в половине приходов. Притчей во языцех стало низкое качество тех пособий,

которыми нередко комплектуются воскресные школы и православные гимназии, особенно в провинции. В качестве примера такого распространенного «антипособия» приведу учебник Бородиной.

Надо ли возмущаться подобным положением дел? И да, и нет. Почему да, понятно, а вот почему нет? Потому что надо уметь ценить и тот малый труд, и те усилия, которые приложены там, где они приложены. Потому что за эту нелегкую работу принялись дилетанты — люди без образования и специальной подготовки, священники, никогда не занимавшиеся организацией образовательного процесса, — одним словом, те, кому небезразлична судьба окружающих их нехристиан, и прежде всего нашей молодежи.

Поэтому, мне кажется, первой реакцией на это их пусть неидеальное служение должна быть благодарность. А уже затем советы, как и что углубить и ускорить. Поэтому первой стратегической задачей Церкви здесь является ее внимание ко всем своим миссионерам. Не просто презумпция их невиновности, но именно доверие и поддержка вплоть до вручения общецерковных наград и знаков отличий. Скажем, Синодальный отдел по делам молодежи ежегодно вручает епархиям премию «Обретенное поколение» и знак «Добрый пастырь». Хотелось бы надеяться, что со временем подобные ежегодные миссионерские торжества будут учреждены в каждой епархии.

К сожалению, пока еще весьма утопична мечта миссионеров о том, чтобы церковная благодарность за их труд подкреплялась бы финансовой составляющей. До революции зарплата миссионера была больше, чем зарплата профессора Московской Духовной академии. Может быть, настало-таки время возродить и эту историческую традицию. Во всяком случае, на «Спаси Господи!» семью не прокормишь, и об этом не следует забывать. В стране свободного рынка миссионерство нуждается в инвестициях. Пока на этом поприще нас опережают и католики, и протестанты, и мусульмане. Но в тех нескольких епархиях, где эта мечта миссионера воплощена в жизнь, заметны сдвиги в статистике: в храмы потянулась молодежь, в частности, студенты и преподаватели вузов.

В качестве примера для подражания также отмечу опыт Санкт-Петербургской епархии: храм, при котором живут и проходят реабилитацию наркозависимые подростки, освобожден от перечисления церковной десятины.

От системы поощрений хотелось бы перейти к тем трем аспектам миссии, которые представляются мне наиболее значимыми для судеб Пра-

вославия в России и мире. Это миссия 1) на уровне епархии, 2) в рамках канонической территории Московского Патриархата и, наконец, 3) собственно апостольское свидетельство «внешним». Иными словами, приходская, диаспоральная и интеллектуальная (культурная) миссии.

Итак, первый аспект — самый важный, без него бессмысленно все прочее, — миссия на уровне епархии. По благословению правящего архиерея ее осуществляют приходы, в помощь которым учреждены различные епархиальные отделы и комиссии.

Догмат вочеловечения второй ипостаси Святой Троицы задает главный вектор этого приходского миссионерского служения: оно должно по возможности охватывать все возрасты, а также все таланты, увлечения и проблемы человека. Коль скоро реальность земной человеческой жизни освящена во Христе, все ее проявления должны быть учтены.

Председатель Синодального отдела по делам молодежи Московского Патриархата Архиепископ Костромской и Галичский Александр говорит в этой связи о необходимости «выстраивания многоуровневой системы воспитания и образования подрастающего поколения. Начало этому должно быть положено еще во время работы с будущей матерью, — такие программы по поддержке будущих матерей крайне актуальны в современной демографической ситуации. Продолжением могут стать детские программы от ясельного возраста и до подросткового включительно, и завершать эту многоуровневую систему работы должны молодежные программы — от профильных студенческих до программ семейного типа. Таким образом, круг замкнулся, мы охватываем все возрасты человеческой жизни, присущие молодежи, то есть, до 35 лет» (Из выступления на Съезде православной молодежи Дальнего Востока и Забайкалья «За духовное возрождение России»; Хабаровск, 18–19 сентября 2005 года).

Это миссия внутренняя, и она крайне важна. Если разложить все эти возрасты и таланты по полочкам, получится следующая картина:

Дородовый период. Это время, когда закладываются глубинные слои психики ребенка, когда женщина осознает себя мамой... Неслучайно в традиционных культурах всегда так берегли матерей «в положении».

В наши дни впервые на этот этап в жизни женщины всерьез обратили внимание протестантские церкви Скандинавии. В 1980-е годы в связи с резким падением посещаемости богослужений они начали устраивать специальные встречи для будущих матерей, обсуждать с ними различные грани материнства, приглашать на эти семинары специалистов по ведению беременности, родам и вынашиванию малышей.

Эффект превзошел все ожидания: в течение пяти лет было зафиксировано 20-процентное увеличение численности прихожан в тех храмах, где проводились подобные собеседования.

С позиций философской антропологии понятно, почему: беременность и роды — это пограничные состояния в жизни женщины. Сиюминутные «моды» и развлечения отходят в сторону, и начинают проявлять себя те глубинные архетипы и модели поведения, о которых писал Юнг. В частности, просыпается интерес к религиозным знаниям, к молитве, приходят переживания, связанные с риском и ожиданием тех скорбей в родах, которыми, с одной стороны, женщина, по слову апостола Павла, спасается (см.: 1 Тим. 2, 15), а с другой, — и уже по слову Христа, — приобретает великой радости, потому что рождается человек в мир (см.: Ин. 16, 21). Понятно и то, что в этот период женщины особенно нуждаются во внимании и заботе.

С миссионерских позиций непонятно, почему лишь в отдельных епархиях ведется такая работа с будущими мамами. В городе Губкине Белгородской области резко вверх пошла статистика крещений и причастий младенцев после того, как батюшка организовал собеседования в местной женской консультации и роддоме. Женщины счастливы, что Церковь не забыла о них в их нелегком служении, и конечно же, многие из них потом приходят в храм, тем более, что в городском кафедральном соборе есть чудотворный образ Матери Божией «Помощница в родах». В самом Белгороде священники присутствуют при выдаче свидетельства о рождении и помогают всем желающим определиться со временем и необходимыми условиями крещения.

Младенцы — это большая головная боль для всех молящихся в прямом смысле слова: во время литургии они устают и учиняют концерт или беготню. Вышеупомянутые скандинавские протестанты начали устраивать для малышей специально оборудованные комнаты при храмах, куда проведены колонки, доносящие звуки молитв и проповедей. В России мне известен всего один подобный прецедент (может быть, их и больше, но я не знаю): в московском храме Святой Троицы в Хохлах, по благословению настоятеля протоиерея Алексея Уминского, создан воскресный детский сад, в котором дети 3–7 лет играют в то время, когда их родители участвуют в евхаристической молитве, — а затем причащаются; к чаю их выносят перед самым причастием.

Дети — здесь я сторонник детских площадок. В Вятке при одном из храмов в районе-новостройке устроили детскую площадку — лазалки,

качели, карусели, песочницы и т. п. В итоге в воскресной школе нет отбоя от детей. Зато местные сектанты «отдыхают»: к ним не ходят, некуда выплеснуть энергию. Такое же решение сектантского вопроса нашел батюшка из подмосковного Клина. А ведь как здорово можно было бы обосновывать свои территориальные претензии перед местной администрацией, находить понимание у спонсоров и местных жителей, если бы при большинстве наших храмов играли те самые дети, которых и в наши дни не догадываются допустить ко Христу иные Его ученики (ср.: Мк. 10, 14).

Отрокам и отроковицам помимо алтарных послушаний и воскресных школ крайне необходимы спортивные, туристические, познавательные программы. Об одной из них – Братстве православных следопытов – я рассказывал на страницах журнала. Отмечу еще раз, что самым ценным в скаутском методе я считаю его нацеленность на помощь. Научившись сам (неважно чему – лесной практике, хозяйственным навыкам или играм), подросток призван поделиться этим с теми, кто обделен (детский дом, инвалиды). Скажем, следопыты Кемерово ежегодно приглашают в выездные лагеря (2–3 недели в красивейших таежных угодьях Кузнецкого Алатау) воспитанников детских домов. За три года через эти программы прошло около 300 таких детей. В следопытстве также весьма удобно то, что в рамках одного отряда можно совмещать очень разные специализации, привлекающие ребят.

Список организаций, использующих подобные методики, достаточно велик. Перечислю лишь некоторые из них: «Витязи», «Пересвет», «Скимен», «Стратилаты», Организация российских юных разведчиков (ОРЮР).

Большие перспективы открываются и в случае духовного окормления уже действующих военно-спортивных, исторических и иных подростковых клубов и организаций. Проблема здесь одна: бывает, что пастыри, ревностно начав эту работу, затем как-то угасают. А ведь нельзя бросать тех, кого приручил...

Юность – здесь диапазон служений увеличивается. Например, в Москве и Нижнем Новгороде в рамках деятельности следопытского Братства юноши и девушки от 14 до 18 лет участвуют в программах трудоустройства и социализации. Москвичи восстанавливают Иосифо-Волоцкий монастырь, а нижегородцы – Вознесенский Печерский. И те, и другие оформляют трудовые книжки и пенсионные удостоверения, получают первую в своей жизни официальную зарплату, а все нерабочее время

(по закону подростки 14–16 лет могут работать не более четырех часов в день, а 16–18 лет — не более шести) проводят в походах, футбольно-волейбольных состязаниях, сплавах и прочих следопытских премудростях. Причащаются, молятся. Домой приезжают счастливыми.

Другой формат: иерей Сергей Красников (Ростов-на-Дону) проводит для ребят этого возраста специальный ежегодный лагерь «Николаевский», в котором количество спортивных снарядов лишь немногим уступает количеству участников. Приглашает туда известных миссионеров, артистов и спортсменов. Весьма необычно слышать в 4 часа утра мерные удары по боксерской груше, подвешенной в яблонево-абрикосовом саду, и понимать, что это развлекаются твои вчерашние внимательные слушатели. В лагерь к отцу Сергию просятся со слезами на глазах не только из Ростова, но и из всех окрестных епархий. Кстати говоря, ростовский батюшка принципиально не берет с участников денег.

А священник Алексий Федоренко, возглавляющий Краснодарские отделения Братства православных следопытов (БПС) и Всероссийского православного молодежного движения (ВПМД), сумел найти общий язык с местными турклубами. В результате его молодежь после походов получает туристические разряды, принятые в Российской Федерации, и соответственно — право уже самим проводить туристические программы, а также покупать в кассах билеты на льготных условиях.

Замечательную идею воплотил в жизнь московский священник Андрей Алексеев. В рамках молодежно-миссионерского служения в Андреевском благочинии он уже четвертый год организует футбольные турниры между приходскими командами г. Москвы. Весь учебный год ребята готовятся, играют, а главное, начинают общаться и узнавать друг друга. Надеюсь, в ближайшие год-два этот турнир получит статус межрегионального, а затем и всероссийского.

В общем, есть куда расти и развиваться. Увы, таких лагерей и программ пока слишком немного.

Молодость. Это уже совсем иное пространство — профессиональная учеба, работа, полнота гражданских прав. Здесь реализуются уже молодежные программы ВПМД. Их специфика — в их разнообразии. Обычно они соотношены либо с профессией, либо с хобби.

Очень успешно развивается работа Православного историко-культурного общества (ПИКО). В течение четырех лет его руководитель Александр Ракигин еженедельно организует выездные экскурсии, посвященные архитектуре и истории России. Отделения ПИКО действуют в

четырёх регионах РФ. За эти годы проведено около 1200 таких поездок. Кроме экскурсий, ребята проводят ежегодные экспедиции под общим названием «Отчий край», в которых отыскивают и описывают заброшенные храмы и монастыри самых глухих уголков России. Достаточно сказать, что последние экспедиции проходили по Вологодчине и Екатеринбургской области. По итогам этой работы издаются сборники материалов, иллюстрированные фотографиями участников экспедиции. В этих поездках многие обретают веру, а вместе с ней нередко и свою вторую половину.

Совсем иначе функционирует Комиссия по биомедицинской этике и медицинскому праву ВПМД. Ее главная задача – донести информацию об острых вопросах биоэтики и их осмыслении в свете христианских ценностей. Для этого был создан и размещен на различных ресурсах сайт кафедры биомедицинской этики Российского Государственного медицинского университета. Материалы на нем выходят под редакцией заведующей кафедрой Ирины Васильевны Силуяновой и выполняют роль учебного пособия по данной дисциплине – базовой для всех медицинских вузов России.

Можно также отметить, что весьма успешно стартовала обучающая интернет-программа ВПМД по дистанционному обучению богословию, журналистике и апологетике жителей отдаленных регионов России. За год работы под руководством протоиерея Святослава Худовекова (Смоленск) в школе прошли обучение более 120 человек.

Отдельная тема – приходские театры, в которых с удовольствием участвуют как дети, так и молодежь. Совершенно замечательные постановки были подготовлены к Сретенскому творческому фестивалю воскресных школ Покровского благочиния г. Москвы в 2006-м и 2007-м годах студенческой молодежью из храма пророка Илии на Новгородском подворье и детьми из воскресной школы Новоспасского монастыря.

Список можно продолжать; главное – желание. Очень значима также поддержка со стороны настоятеля. А для последнего немаловажно, чтобы все эти начинания были в фокусе интересов правящего архиерея.

Клубы семейного типа – это тот профиль миссионерской работы, который становится актуальным после того, как молодежь женится, выходит замуж и начинает приумножать количество маленьких прихожан. Конечно, молодые семьи также нуждаются в общении. Им есть о чем поговорить; их малышам также хочется дружить в одной песочнице. Такие православные клубы постепенно начинают действовать в крупных российских городах, но мне известны лишь единичные примеры.

Уже упомянутый священник Сергей Красников пошел по другому пути: сам отец 8 детей, он в этом году собрал такие же многодетные семьи в одном из домов отдыха в горах. По отзывам участников, они и не представляли, что отдых может быть столь насыщенным, причем как для взрослых, так и для детей.

Возрастной круг замкнулся, но остались еще наши пожилые люди и наши инвалиды. О том, что первая тропка, которой, по благословению батюшки, научаются ходить члены подростково-молодежных организаций, ведет именно к ним, я даже не говорю. Это должно быть самоочевидно. Но вот о том, что никто не мешает нам оборудовать наши храмы пандусами и удобными дорожками для тех, кто не может передвигаться самостоятельно, надо напоминать как можно чаще. С таких простых вещей, собственно, и начинается христианство. И не будет ничего предосудительного в том, что пример христианской заботы и любви подаст своей пастве настоятель данного храма или правящий архиерей.

Крайне редко, но мне все же встречались в современной России храмы, оборудованные пандусами. Один из них — тот самый храм в Вятке, где соорудили детскую площадку. Понятно, что не везде это возможно. Но там, где закладываются новые соборы, это вполне посильно предусмотреть. А кое-где можно и переделать уже существующие архитектурные формы.

Отдельной строкой в списке беспомощных и нуждающихся идут брошенные дети, больные и заключенные — но о них особый разговор. Отмечу только, что подобные социальные программы важны не только тем, кто получает помощь, но и тем, кто ее оказывает. И для последних, может быть, даже в большей степени. Как известно, по мысли аввы Дорофея, первые получают одну восьмую той жертвы, которую приносит дающий. Остальные семь восьмых выпадают на долю жертвователя. Эти семь восьмых нематериальны, но тем выше их ценность: они там, где ни воры не подкапывают и не крадут, ни ржа не ест.

Такова концепция многоуровневой системы организации приходской жизни. Понятно, что здесь приведены далеко не все методики и подходы. Понятно и то, что не все и не везде можно реализовать. Важно отметить два момента: во-первых, все эти начинания осуществимы, а во-вторых, без желания хотя бы в какой-то мере что-либо из этого воплотить в жизнь — какова цена нашему утверждению, что мы — православные христиане? Поэтому я считаю, что поддержка всех этих форм молодежного и социального служения является важнейшей стратегической

задачей Церкви. Это то, что называется внутренней миссией или еще – миссией через действие. Ее отсутствие пагубно для Церкви, поэтому без нее бессмысленно говорить о других стратегических миссионерских задачах русского Православия в современном мире: в какую церковную жизнь мы введем тех, кого обратим ко Христу? Насколько эта церковная жизнь будет христианской?

Альфа и Омега, № 3 (50), 2007

Миссия: массовая или индивидуальная?

Наше время — время особого внимания к вопросам миссии. Как сделать ее наиболее эффективной, может ли миссия быть технологичной, и какова технология? Люди, ставшие миссионерами кто по послушанию, а кто — от избытка сердца, ищут ответы каждый самостоятельно, часто не соглашаясь даже друг с другом. Редакция сайта Милосердие.ru начала опрос практикующих миссионеров, чтобы обобщить их опыт. Мы задавали вопросы: Что эффективнее — массовые или индивидуальные миссионерские мероприятия? Как оценивать успех миссионерской деятельности? Какие могут подстерегать ошибки при проведении/оценки массовой миссионерской акции?

Главное — тыл

Юрий Белановский, первый заместитель руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи при Московском Свято-Даниловом монастыре:

Вера в Бога, как правило, начинается с доверия к человеку. Если миссионер вызывает у людей симпатию и доверие, они начинают доверять

Церкви. В этом, мне кажется, главная задача миссионерства — в пробуждении доверия к Церкви. Такую миссию можно считать удачной, но при условии, что говорим мы людям о Христе и Евангелии, а не о каком-то фольклорном понимании Православия. Пробудить интерес и доверие можно и на массовом мероприятии: на лекции, на собрании, на концерте. Но это семя, а принесет ли оно плоды, зависит не только от воли и желания каждого человека, но и от нашей готовности ответить на его вопросы, помочь ему сделать ответственный шаг — прийти в Церковь. Тут уже без индивидуальной работы не обойтись. И самой серьезной миссионерской ошибкой я считаю отсутствие тыла. Если человек откликается на нашу проповедь, на наши взгляды, опыт (а никто не может проповедовать отстраненную истину, но лишь то, что сам пережил), а сталкивается с пустотой, лучше бы он не откликнулся. В деятельности нашего Центра мы отошли от проведения громких акций, редко приглашаем именитых людей. Дело в том, что эффект от их выступлений бывает яркий, как вспышка, но мы-то далеко не всегда можем потом держать такую высокую планку, и люди могут разочароваться. Мы решили, что честнее, когда занятия ведут наши сотрудники, насельники Данилова монастыря, специалисты — друзья нашего Центра, которые и в дальнейшем для всех доступны. Мы отвечаем за свою работу, в состоянии принять тех, кто откликнулся. Хочет человек впервые исповедоваться, но боится, порекомендуем ему священника, который точно внимательно выслушает, поймет человека, не напугает. Хочет он узнать о христианстве подробнее — у нас уже 15 лет действуют курсы. Хочет он теснее познакомиться с верующими людьми — у нас большой выбор досуга: киноклуб, кружки, паломнические поездки. Это и есть тыл.

Если говорить об удачных акциях, то большой удачей считаю встречи со студентами МФТИ, которые проводил вместе с нашим семейным психологом Светланой Малыхиной. Для молодежи было настоящим откровением, что с христианами можно дискутировать, что христианство — не набор бессмысленных запретов, а целостная система, дорожающая человеческими отношениями, видящая смысл брака в любви, можно сказать, направленная на сохранение семьи, на ее полноценность. Христианству есть, что сказать весомое против добрачных связей. Откликаются на это молодые люди, если им не навязывают грубо свои взгляды (это они как раз не любят), а ведут диалог на равных. Но на встречах тех было около 100 человек, на мой взгляд, это все-таки не массовая акция.

«Думаете, мне нравится ходить на рок-концерты?»

Игумен Сергий (Рыбко), настоятель храма Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище:

Массовое и индивидуальное миссионерство дополняют друг друга. Если ограничиться массовым мероприятием, оно забудется, а если работать только индивидуально, будем двигаться со скоростью черепахи. Вспомним апостолов — они и в ареопаге выступали перед огромным собранием людей, а потом уже беседовали с теми, кто к ним подходил. Замечательно, что некоторые священники выезжают в дальние районы, где поблизости нет храмов, рассказывают людям о Боге, крестят их. Но если просто окрестить и уехать, вряд ли люди укрепятся в вере. Есть в истории Церкви печальный пример, когда крестили в Британии, потом епископ уезжал, и все возвращалось на круги своя.

На массовом мероприятии человек может сделать только первый шаг, задуматься, усомниться в правильности своей жизненной позиции, отнестись к христианству как к чему-то серьезному. Для этого я прихожу на рок-концерты. Мне это не доставляет никакого удовольствия, это 30 лет назад я там «оттягивался», а сегодня у меня другие ценности, я монах, мне за территорию храма выходить не хочется. Для меня отдых — молитва, литургия. Но молодые люди нуждаются в проповеди, и я делаю над собой усилие, иду. Конечно, я не думаю, что все сразу побегут креститься, но ради того, чтобы хотя бы один человек задумался о Боге, идти туда стоит. Начинать я проповедовать на рок-концертах с небольшой аудиторией, но вот летом 2007 года меня позвали в Петербург на огромную антинаркотическую акцию, организованную местным муниципалитетом. Народу было около 7 тысяч, причем мой друг меня предупредил, что это собрались хулиганы со всего Петербурга! Я, в рясе, вышел и спросил, пробовали ли они наркотики. Примерно половина закричала «да», другая половина — «нет». Рассказал им, что в юности в кругу моих друзей наркотики ходили, и я благодарю Бога, что не стал наркоманом, а многие мои друзья умерли молодыми. «Вы хотите жить?», — спросил я. «Да», — хором ответили все. «Тогда делайте свой выбор. Наркотики не дают ответа на вопрос, зачем жить, они дают только искусственный химический кайф, который когда-нибудь кончается. А если человек не ответит на вопрос, зачем жить, он не сможет жить полноценно. Я сторонник полноценной жизни, поэтому и стал монахом», — примерно так я им сказал. Говорил минуты 4, несколько раз меня прерывали аплодисментами, после концерта подходили, задавали вопросы. Потом в

интернете появилась статья: «Православный священник был единственным, кого не закидали бутылками». Это я считаю успехом.

А однажды в Калуге мои друзья попросили у организаторов рок-концерта, чтобы я там выступил. Им ответили, что несколько лет назад туда был приглашен священник, который вышел на сцену и сказал: «Вы все сатанисты, прокляты Богом, немедленно расходитесь». Чего он добился? Ребята хотели услышать о Христе, а после встречи с ним потеряли всякий интерес к Церкви. И сказал он чушь по сути. Какие они сатанисты? Просто любят рок-музыку. Кому-то она не нравится, но есть такое явление культуры. И рокеры тоже нуждаются в благовестии. Вот от такого миссионерства избави Бог. Но каждый из нас может провалить миссионерское дело, если переоценит свои возможности, понадеется на себя, а не на Бога.

Школьники, солдаты и женщины-заключенные — самая благодарная аудитория

Священник Андрей Близнюк, клирик храма святителя Николая в Кузнецях, преподаватель ПСТГУ, участник 11 миссионерских походов:

Существуют разные формы миссионерства, а какая из них лучше, зависит от конкретной ситуации. Объяснить людям, живущим в так называемом гражданском браке (то есть нерасписанным), что это блуд, можно только в индивидуальной беседе. Если они, конечно, хотят тебя услышать. А заинтересовать людей можно и на общей миссионерской беседе. Но потом у них возникают вопросы, у каждого свои, и тут уже необходима опять же индивидуальная беседа. Так что массовое миссионерское мероприятие — первый шаг. Судить же об успехах миссионерской работы очень трудно. Например, я с группой миссионеров 11 раз уже был на Мезени в Архангельской области, но до сих пор чувствую, что мало. С трудом народ воцерковляется. А успешно ли мы работали с молодежью, знает только Господь. Каждый год проводим встречи со старшеклассниками, рассказываем им о Новом Завете, о Христе, показываем фильмы, слайды, рассказываем о смысле жизни, о семье. Молодежь любит эти темы. Но перспектив с учебой и работой дома нет, они уезжают в города, на следующий год мы их уже не встречаем. Правда, одна девушка оттуда поступила к нам в ПСТГУ на исторический факультет. А так только если случайно встретишь кого-нибудь... Например, были мы в Архангельском педагогическом институте, одна студентка подошла, сказала, что помнит нас, мы ее крестили на Мезени.

Судьба большинства ребят с Мезени нам неизвестна, но опыт показывает, что старшеклассники и солдаты — лучшая наша аудитория. И еще женщины-заключенные, мужчины в колониях более замкнуты, с ними сложнее. Но всегда очень трудно говорить о результате.

Ошибок у меня были тысячи, и самой серьезной считаю недостаточно глубокое знание специфики и традиций района, в который еду. Например, в Якутии я начал изучать этот край на месте, в районной библиотеке. А надо этим заниматься в Москве.

*Записали Леонид Виноградов, Михаил Агафонов,
Милосердие.ру, 25.05.2009*

Диакон **Георгий Максимов**

Идите и научите

При храме Святого апостола Фомы на Кантемировской в Москве священником Даниилом Сысоевым (†, 2009) была организована школа православного миссионера, в которую приглашались все, кто любит Бога и ближних своих и желает вступить на путь благовестника Святого Евангелия. После мученической кончины батюшки эта школа продолжает действовать. Нынешним руководителем ее является преподаватель Московской Духовной академии и семинарии диакон Георгий Максимов. О том, как создавалась эта уникальная школа и о проблемах современного православного миссионера мы с ним и беседуем.

– Расскажите, пожалуйста, как Вы задумали и открыли вместе с отцом Даниилом миссионерскую школу при храме апостола Фомы на Кантемировской?

– С батюшкой мы были знакомы более десяти лет, и почти с самого начала знакомства мы обсуждали идею создания миссионерского института. На практике мы не раз убеждались, что для воспитания миссионеров необходимы специальные учебные заведения, которые бы помогали изучать специфику служения Богу на этом равноапостольном поприще и давали бы необходимые для этого знания, а также опыт. Мы задумывали это как миссионерский институт, но очень много времени прошло прежде, чем было получено благословение на такую инициативу. Только два года

назад Святейший Патриарх Алексий II дал благословение на создание такой миссионерской школы при храме апостола Фомы, и тогда наши многолетние чаяния воплотились.

Отличительная черта наших курсов — то, что происходит не только прослушивание лекций и конспектирование их, но и применение знаний на практике. Это — главное. Учащиеся выходят на уличную миссию. Конечно же, на улице встречаются разные люди: кто-то разговаривает с миссионерами о вере, кто-то не разговаривает, встречаются и атеисты, и мусульмане, и сектанты. Также миссионеры по благословению отца Даниила ходили на собрания сектантов, — совершенно открыто, как православные люди, — чтобы побеседовать о Библии, вступали с сектантами в дискуссии и тем самым приобретали неоценимый опыт. Кроме этого были и миссионерские поездки у подготовленных людей, которые уже на практике могли использовать полученные знания. Конечно же, отец Даниил был главным двигателем всего этого процесса. Когда все это работало, отец Даниил приглашал меня читать лекции, проводить занятия вместе с миссионерами, а когда батюшка отошел от нас, приходится теперь мне координировать вопросы, связанные с обучением миссионеров в школе.

—Юрий Валерьевич, простите за вопрос, который в большей степени поднимается в светских институтах: прилично ли проповедовать на улицах, не достаточно ли проповеди на приходах?

—А что, ждать, когда неверующие сами к нам придут? Если бы апостолы продолжали сидеть в Сионской горнице, сколько было бы христиан? За всю их жизнь, возможно, присоединилось бы несколько десятков человек к Церкви. Но Господь сказал им: «идите и научите». Не сказал: «сидите и ждите, пока к вам придут и попросят научить». По улице рядом с нами ходит много людей, среди которых есть те, кому истина не безразлична и кто готов говорить о ней. И ради них стоит постараться. В том, как проходит уличная миссия, нет ничего навязчивого или неприличного. Смущаться о такой форме могут лишь те, кто никогда не видел этого на практике.

—Во многих сектах существует такая практика: их миссионеры проповедают на улицах, а в обществе сложилось мнение, что если пристают на улице с проповедью, то это, значит, какие-то сектанты, не так ли?

—А вы знаете, что говорят люди нашим православным миссионерам: «Почему пристают к нам только сектанты? Почему православные

не выходят и не говорят с нами о Боге?» Не может человек называть себя миссионером, если он не выходит со словом Божиим к тем, кто не в Церкви.

—С какими проблемами сталкиваетесь вы, когда проводите миссию в школах или в других учебных заведениях? То есть, не ущемляются ли права граждан других конфессий? Не поступают ли жалобы на вас в прокуратуру?

—Именно это направление у нас задействовано менее других, как раз в силу указанной Вами специфики. В учебных заведениях проведение мероприятия оформляется в соответствии с договоренностью с администрацией. Если проведение оформляется как общеобязательное, то могут быть нарекания со стороны родителей, а если как факультативное, то закон этого не запрещает. Сам отец Даниил выступал и в вузах, и в школах. Выступал и в ПТУ, а эта аудитория считается самой трудной, но батюшка успешно проводил там лекции. И мне доводилось выступать в вузах по приглашению ректора. Обычно вывешиваются объявления в коридорах с приглашением на лекцию. Лекция не заменяет какой-то общеобязательный предмет, а проводится в свободное, внеучебное время, посещение ее добровольное, для желающих. Люди приходят и слушают. Здесь нет ничего противозаконного. Также есть и такая форма, как беседы со студентами не в стенах учебных заведений, а в домах, находящихся рядом с общежитиями, куда они могут придти в свободное время по желанию.

—Россия вплоть до начала XX века была православным государством, исторические корни большинства из населения нашего государства улубляются в Православие, но мы после семидесятилетнего атеистического господства сталкиваемся с такой проблемой, что ничего практически не знаем о Православии. В лоне Русской Православной Церкви образуются расколы, секты и энэциков, «Истинно Православной церкви». Например, в 2007 году ушли в подземелье пензенские сектанты, определившие точную дату конца света. Ведь все эти люди некогда находились в лоне Московского Патриархата и считают себя православными, но откололись от Церкви по своим заблуждениям. Почему же мы не можем свободно и доступно изучать Православную религию в школах, как это было до Октябрьской революции, когда во всех школах свободно преподавался Закон Божий?

—Здесь несколько вопросов. Указанное Вами незнание о Христе как раз и приводит к мысли о необходимости миссии, то есть, того дела,

о котором говорил отец Даниил. Если бы все знали о Христе, то и не было бы нужды в миссионерах. А поскольку такая проблема существует в России, то необходимо заниматься этим делом не только в школах, но и на улицах. Разве на улицах не те же люди ходят? Разве не те же люди собираются в парках? Разве не они утром ходили в школу или в вуз? Как, например, проповедовал апостол Филипп? Однажды он шел по дороге, остановил повозку и тут же начал евнуху проповедовать. Если говорить на нашем языке, то это будет звучать так: он поймал машину на дороге, сел в нее и начал водителю проповедовать. Вот как это выглядело бы, если бы мы перенесли этот эпизод с апостолом на наши реалии. Каждая наша встреча с неверующим человеком, где бы она ни происходила, на улице ли, в очереди ли, в больничной ли палате, — не случайна. Это Господь приводит к нам, знающим, человека. Для чего Он приводит? Для того, чтобы мы поделились верой, нашим знанием о том, что Господь пришел к нам и спас нас. Господь Святое Евангелие дал нам для того, чтобы мы поделились со всеми, кто не знает Благой Вести. Поэтому мы должны использовать все возможности, которые нам дает Господь.

В школах, насколько это возможно и не противоречит законам, необходимо также проводить миссию, но школа, — это специфичная сфера, а есть много и других площадок и сфер жизни, где мы встречаемся с людьми.

— Вы уже имеете опыт в миссионерском служении: с какими проблемами сталкиваетесь или проблем у миссионеров не существует?

— Проблемы в православной миссии точно такие же, какие были и в XIX столетии, и в период раннего христианства. Как Сам говорил Господь: «жатвы много, а делателей мало» (Мф. 9, 37; Лк. 10, 2). Проблемы известные: нехватка средств и нехватка людей. Еще святитель Николай Японский в свое время писал о непонимании большинством православных необходимости миссионерской деятельности. Слава Богу, Святейший Патриарх Кирилл в последнее время говорит об этом. Надеюсь, что это заставит кого-то иначе посмотреть на эти вещи. Основная проблема заключается не в том, как нас встречают неверующие люди, а в том, когда сами же православные, мягко говоря, дело миссии встречают с непониманием, бывает, что оказывают сопротивление со своей стороны. Это самое печальное. Отца Даниила это больше всего огорчало. Когда, так сказать, чужие критикуют, это не страшно, а когда же те, с кем ты причащаешься из одной чаши, начинают противодейство-

вать — это большая проблема. Об отсутствии миссионерского осознания, миссионерского понимания и писал святитель Николай Японский. Это — основная проблема. Нехватка денег, нехватка людей порождаются именно этим. Нет в церковной среде осознания необходимости заповеди Христовой: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28, 19). Эту заповедь Господь нам дал не для того, чтобы мы ее записали, повесили на стенку и забыли, а для того, чтобы мы ее исполняли. Господь сказал: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди» (Ин. 14, 15). Если мы не соблюдаем заповедь, значит, мы не любим Бога. Если, например, человек скажет: «Я соблюдаю все заповеди, а заповедь «не прелюбодействуй» я соблюдать не буду», разве он может считать себя христианином? То же самое и здесь. Именно потому, что нет осознания исполнять эту заповедь, мало кто становится миссионером. Поэтому не хватает кадров, а средства предпочитают расходовать на что-нибудь другое. И у нас как бывает? Вот, например, на ремонт храма приглашают гастарбайтеров-иноверцев: узбеков, таджиков и т.д. И никто из приглашающих не подумает, что надо рассказать о храме, о Христе Спасителе. Господь приводит этих людей в православную Церковь, а им ничего не говорят. И они работают в храме и даже шапки не снимают, потому что им не сказали даже того, что в храме необходимо шапки снимать, потому что это место святое. Среди гастарбайтеров немало хороших людей, я с ними общался и знаю, что многие из них сами бы хотели послушать, во что верят русские. А им никто не говорит. Но Господь за это спросит с нас. Скажет: «Что ты делал, когда Я привел к тебе человека? Сколько Я устроил, чтобы этот человек приехал в Россию, чтобы он пришел в твою церковь, а ты ни слова не сказал обо Мне».

Думаю, что проблем не возникает только у тех, кто ничего не делает. Святые отцы говорят, что всякому благому делу или предшествует, или сопутствует, или последует искушение. Поэтому мысль, что лучше не делать добрых дел и заповедей Божиих, чтобы потом не было искушений, — дьявольская уловка. Это то, ради чего сатана и создает такие искушения. В том-то и смысл его искушений, чтобы никто ничего не делал ради Бога.

— Можно ли говорить о плодах в вашей совместной с отцом Даниилом деятельности или о них говорить еще рано?

— Главное, чтобы человек исполнял заповедь Божию. А какие плоды это принесет, зависит не от человека, а от Бога. Апостол Павел писал:

«Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог» (1 Кор. 3, 6). Видимые результаты в миссионерской деятельности — это дело Божие, а наше дело — исполнять добросовестно заповедь.

Отец Даниил прежде, чем стали видны плоды, в качестве миссионера трудился долгие годы. Он с юности, когда еще не был священником, уже занимался уличной проповедью. В начале 1990-х проповедовал на Арбате. Он трудился много лет, прежде чем плоды его деятельности стали очевидными для всех. Незадолго до смерти он говорил, что обратил в Православие около пятисот протестантов и крестил более восьмидесяти мусульман. Но еще больше число крещеных людей, в ком его проповеди и жизненный пример пробудили веру.

*Беседовал Александр Данилов
Святой Покров, № 5, март 2010*

Игумен Агафангел (Белых)

Гетто или райский сад?

Заметки о формах и цели миссии

Вопрос об эффективности того или иного подхода к стратегии и тактике миссии Церкви довольно активно обсуждается в последнее время, в Православной Церкви. Это радует. Это означает, что нам небезразлично, как в условиях современного нам общества будет действительно выражаться евангельский императив: «Идите, научите...». А то, что «надлежит быть и разномыслиям» должно нас только укреплять в стремлении к здоровой дискуссии по поводу того, что все же эффективнее и как эту эффективность правильно оценить.

Для чего мы обращаемся к людям, не знающим Христа?

Во многих теоретических статьях по миссиологии мы прочитаем, что целью миссии является обожение человека, теозис. Но, кажется, совершить его извне хоть с кем-то одним, хоть с массой народа нам будет невозможно. Следовательно, цель должна быть реально достижимой, — например, мы хотим, чтобы какой-то человек задумался о смысле жизни, начал регулярно «ходить в церковь», читать вечерние и утренние молитвы и выстаивать все службы. Также целью своих действий мы можем

считать, например, создание у толпы подростков, слушающих определенную музыку, позитивного образа Православия, разрушение стереотипов СМИ о Церкви или увеличение статистического количества военнослужащих граждан идентифицирующих себя с РПЦ МП. Один именитый сетевой специалист по миссии так сформулировал конечную цель своих действий: «чтобы у прихожан появились бОльшие духовные запросы». Все это может быть частными, локальными целями конкретных миссионерских программ, которые могут мирно сосуществовать в одной епархии или даже на одном приходе. Однако, нам нужна некая общая, единая для всех, но реально достижимая сверхзадача.

Нет нужды придумывать очередную отсебятину — обратимся к цитированным в начале нашего текста словам из Евангелия от Матфея. Вот хороший термин, хоть и не родился он в недрах Православной Церкви (собственно говоря, как и вся наука миссиология) — Великое Поручение: «Идите научите все народы, крестя их...» или, то же у Марка: «...идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет верить и креститься, спасен будет». Лука так передает слова Спасителя, сказавшего, что надлежало: «...проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему».

Итак, согласимся, что такой задачей является активное — «идите», предложение некоего нового опыта и знания — «научите». Знания о Христе. Опыта евангельской жизни — «вы же свидетели сему». Повествование, научение, свидетельство, встреча, включение в контекст Откровения — вот синонимы миссионерства. Следовательно мы обращаемся к не знающим Христа людям, чтобы рассказать о Нем, то, что нам самим опытно известно. Именно это и есть цель наших действий, а не что иное.

Лирическое отступление

Кажется, банальные вещи мы сейчас тут обсуждаем. Ведь еще 160 лет назад апостол Сибири и Америки митрополит Иннокентий пишет графу Протасову: «Мысли мои заключаются в том, что мы, как преемники Апостолов, непременно должны вполне соответствовать своему званию, т. е. мы должны учить. По нынешним действиям нашим, мы почти ничто иное, как жрецы, как совершатели таинств и обрядов». И учить, следуя мысли святителя, не Типикону и Часослову, а Евангелию. Вот и Патриарх даже в недавнем интервью говорит: «Главная задача Церкви — проповедь Евангелия и приведение людей не просто в храмы как памятники истории и шедевры искусства, а ко Христу».

Но без этих банальных вещей нам не обойтись, к сожалению, так как, похоже, что известны они не всем и множество локальных миссионерских целей в умах теоретиков и практиков миссионерства подменяют одну единственную, заповеданную нам в Евангелии.

Массово или индивидуально? Примеры

Икона. Апостолы И так, задача миссионера — предложить новый опыт и знание о Христе. Как лучше это совершить, — обратившись к массам или в тесной беседе? Существует несколько традиционных примеров, приводимых разными сторонами в полемике. Однако, говорить, например, о массовой миссионерской акции апостола Петра в день Пятидесятницы мы просто не имеем права, так как он обращался к заведомо «людям набожным», укорененным в Традиции и знающим Писание, ссылаясь на чтимых ими пророков.

А вот апостол Павел с его типичной миссионерской беседой в ареопаге выступил, наверное, провально. Притом, что он выступал перед любителями слушать всякие новости. Нам, правда, известны некоторые обращенные после этой массовой встречи, но и те, уверовали только «пристав к нему», т. е. после личного контакта.

Равноапостольный Владимир использовал весьма своеобразный миссионерский метод: «Кто не крестится, — не друг мне и дружине моей». Хотя, мы не можем с уверенностью сказать даже, где крестился сам князь, а уж тем более, что там точно происходило в Киеве 1 августа 988 года, но говорить и об этом событии, как об успешной массовой миссионерской акции я бы не стал. Успешной и массовой она была точно, а вот, — миссионерской ли?

Пример массовых миссионерских действий можно вспомнить и из истории римо-католических миссий в Индии, правда, более из области курьезов. Я имею в виду XVI век, когда приехавшие из Европы братья-миссионеры, переодевшись в индусов заходили в воды реки Ганг вместе с аборигенами, совершающими ритуальное омовение, и брызгали налево-направо, произнося шепотом крещальную формулу. Что нам мешает делать так же, если критерием оценки у нас должна служить массовость?

Научение Евангелию всегда предполагает — видеть глаза друг друга. А любая массовая акция — анонимна в принципе. Там нет диалога, нет со-беседника. Это артиллерийская «стрельба по площадям» практически без обратной связи. Если в малой группе видно каждого нового

человека, то оценить именно миссионерскую результативность телевизионного ток-шоу или концерта невозможно.

Критерии оценки

Мне попались недавно серьезные статистические выкладки, показывающие, как широко Православие распространяется среди жителей России. Они содержали данные за несколько последних лет, свидетельствующие о том, что во время Великого Поста незначительно снижаются поставки мясопродуктов в гостиницы и рестораны Москвы. То есть, какие-то люди серьезно эти вещи подсчитывают и делают выводы о успешности проповеди.

Впрочем, наверное, самой большой ошибкой для нас было бы начать оперировать цифрами. В тот же день Пятидесятницы, в Сионской горнице собрались практически все верные, — «собрание человек около ста двадцати». То есть чуть больше ста человек из всех тех, к которым, в течении трех с небольшим лет, обращался Христос. При том, что в массовых акциях-беседах участвовало, как нам известно из Евангелия, до «пяти тысяч человек, кроме женщин и детей». Считать ли Его проповедь эффективной, при этом, — вопрос, конечно, риторический.

А вот миссия Павла, видимо, была все же успешной, если несколько человек к нему пристали. Наверное, они единственные были, кто с Павлом встретился глазами...

Новые саддукеи

Технология миссии опробована давно и она всем известна: будь искренним в желании рассказать о Христе. Методология может быть самой разнообразной, но для нее есть общий критерий, — она должна быть честной. Говоря о Евангелии мы не имеем права поступать не по евангельски. Мы не можем недоговаривать, хитрить, заманивать, вводить в заблуждение и тому подобное. Мы обязаны лишь свидетельствовать.

Иисус и апостолы

В тот же день Пятидесятницы, в Сионской горнице собрались практически все верные, — «собрание человек около ста двадцати». То есть чуть больше ста человек из всех тех, к которым, в течении трех с небольшим лет, обращался Христос. При том, что в массовых акциях-беседах участвовало, как нам известно из Евангелия, до «пяти тысяч человек, кроме женщин и детей»

В этом контексте вечеринки типа «соберемся, потанцуем, заодно и Библию почитаем» и прочие проекты в формате easy reading&listening не актуальны. Потому что там не говорят — ты должен будешь измениться, преобразиться и это заставит тебя трудиться, и это заставит тебя, возможно, страдать! И никто, из ныне живущих, не даст тебе гарантий спасения! Там «формируют позитивный образ Церкви». Это также важно, но можем ли мы считать подобное времяпровождение приоритетным?

Все эти групповые тренинги, курсы молодежных лидеров и прочее, — на самом деле шелуха, обертки конфетные. Ставить их во главу угла и серьезно думать, что наша конечная цель — собирать стадионы может только не вполне здравомыслящий человек.

В ситуации постмодерна, в среде масс-медиа мы проиграли не оторвав еще пяток от старта. Впрочем, хотя соблазн и велик, не стоит пытаться запрыгнуть в эту телегу — она несется в пропасть. Конечно, издать глянецовый журнал многотысячным тиражом, устроить рок-концерт на стадионе, запустить пару ток-шоу на ТВ на церковную тему легче, чем кропотливо трудиться над созиданием общинной жизни Церкви — при малых затратах времени выходит немалый медийный шум. Вполне в духе времени. Но вот интересный пример мне попался в одной недавней книжке: из двух известных нам иудейских религиозных партий Евангельского периода, одна — фарисеи, была замкнута в своих религиозных условностях, традициях, своеобразии, неприятию культуры оккупантов. Другая — саддукеи — была более прогрессивной, открытой всему новому, ориентированной на дружеское общение с Римом. Первые прошли сквозь века, как нож, сквозь масло, практически не видоизменившись в своих «гетто». Вторые — бесследно исчезли.

Видимо нам следует задать себе вопрос — что мы хотим сохранить в итоге, а чем готовы пожертвовать для достижения цели? На одной конференции, пару лет назад, я услышал необычное словосочетание в докладе иностранного профессора: «богословская жертва». Речь шла о современном миссионерстве. Возможно, все же нам следует не кидаться жертвовать чем либо важным в угоду духу времени, а иметь мудрость «не века сего и не властей века сего преходящих»?

Кстати, о гетто...

Стоит вспомнить, что гетто — способ существования сообщества в критических условиях, позволяющий сохранить культурную, религиозную

и прочую идентичность. Сейчас этот термин в ходу у определенной части авторов, пишущих о миссии. Они говорят об опасности «культурного гетто» и предлагают бороться за... Впрочем, не так важно, что они предлагают. Зачем употреблять навязанную извне терминологию? Есть прекрасный образ, иллюстрирующий способ бытия Церкви Христовой в этом мире. Конечно, Церковь не должна быть гетто, она должна быть в этом мире... оазисом райского сада. Созидание таких оазисов — малых общин открытых всем входящим, но культурно и религиозно самобытных — миссионерская парадигма 21 века. Только такой метод возможен во враждебной среде. Не следует строить иллюзий: современное общество в ситуации постмодерна является именно враждебной средой для проповедников Единственной Истины.

Церковь — open community

Что же тогда может быть масштабным? Вот сейчас предлагаю ввести еще один термин — «точечная миссия». Что это значит? Это значит, что вместо глобальных проектов следует отдать приоритет созиданию малых общин на приходах, групп изучающих Евангелие, куда может прийти любой человек с улицы и, где его встретят приветливым взглядом. Групп, где все знают друг-друга по имени.

Это может быть просто еженощная беседа после Литургии, для начала. Важно созидание «инобытной» среды, дверцы из мира сего с четко очерченной инаковостью. Места, где человек, отягченный заботами века сможет обрести то, что необходимо дает осознанное исповедание веры — радостотворный мир в душе. Нельзя размывать границы Церкви; экуменизм — следствие либерального богословия модерна, — давно проиграл и мы свидетели этому. Постмодернистский трэнд — жизнь в трайбе, в комьюнити. Но что мешает Церкви продолжать быть неотмирным «open community» на протяжении уже двух тысяч лет?

Для приходского священника это будет стоить потраченных времени и усилий.

Хотя, существует проблема, стоящая перед священноначалием, — как замотивировать духовенство на такой род деятельности. Там же, где это уже практикуется, хорошо распространить опыт на близлежащие приходы. Чтобы каждый активный прихожанин стал проводником миссионерской энергии.

Сколько у нас в России приходов? Двадцать восемь тысяч, кажется.

Это вам не Лужники собрать раз в году. Вот где глобальная миссия — насадить и возделывать двадцать восемь тысяч оазисов рая в России.

Так все же что эффективнее?

Я понимаю, что кого-то восхищают массовые, тщательно срежиссированные сборища. Телетрансляции. Люди чувствуют восторг и ликование от всего этого, ощущение собственной значимости. Есть люди, которые получают удовольствие от масштабных скоплений народа. Ничего не поделаешь. Но какое отношение это имеет к реальному свидетельству о Христе? Почти никакого, кроме одного и очень важного. Это создает необходимый информационный фон.

Идите и научите

«Идите и научите». Передовые отряды миссионеров — легкие, мобильные. Но их труд не имеет смысла без подкрепления, без тыла. Следует приоритет отдать созиданию тех мест, куда разбуженный человек может прийти, где сможет искать ответа. Если в ком-то пробудят жажду, но не дадут воды. Если человек захочет прийти... а идти будет-то и некуда...

Миссионерская деятельность обязательно должна быть дифференцирована по области воздействия. Равнодушные агностики требуют встряски? Вот здесь и место проповедей на концертах, «агрессивного миссионерства», телепередач и острых публикаций. Это передовые отряды миссионеров — легкие, мобильные и дерзкие. Стреляющие «по площадям». Но их труд не имеет смысла без подкрепления, без тыла. А, наша target group, это люди, задавшие себе «главные вопросы». Неважно вследствие ли наших миссионерских действий или по иным причинам. Люди, которые ничего не знают пока, но уже захотели что-то узнать. Которых можно спросить: «разумеешь ли, я же чтеши?»

И здесь возникает закономерный вопрос. Мы можем приложить множество усилий, для того, чтобы «потревожить чужое болотце» и пробудить интерес. И концерты организовать, и ток-шоу провести на ТВ, и стадионы собрать можем для этого. Не проблема это ныне. Но... куда придут эти пробудившиеся?

Все это станет бесполезной тратой времени и сил, если, выходя со стадиона, или выключая телевизор человек задумается о смысле жизни, но ему не укажут, где искать ответа. Если в ком-то пробудят жажду, но не дадут воды. Если человек захочет прийти... а идти будет-то и некуда.

Поэтому и следует приоритет отдать созиданию тех мест, куда, собственно говоря, мы зовем тех, к кому обращаемся с желанием пробудить

и потревожить. Ибо там-то, в этих «оазисах рая», о которых выше говорено уже, все прочее, настоящее, нам, человекам невозможное и творится.

К счастью, сейчас существует множество приходов с активной жизнью. Но большинство все же живет по привычным «традициям»: священник видит прихожан только на службе. Прихожане, годами стоящие рядом в храме, не знакомы друг с другом. Вот здесь — поле для деятельности, прежде всего архипастырской.

Милосердие.ру, 03.06.2009

Протоиерей Андрей Кураев

Миссия кончается там, где начинается пастырство

Дискуссия о том, какой должна быть сегодня миссия, не утихает. Каковы самые действенные способы сделать так, чтобы как можно больше людей узнали о Христе и Церкви, чтобы люди решились изменить свою жизнь и жить по заповедям. Немало споров сегодня вокруг термина «агрессивное миссионерство», введенного протоиереем Андреем Кураевым в новой книге «Перестройка в Церковь».

Агрессивно ли агрессивное миссионерство?

— Отец Андрей, что такое агрессивное миссионерство, что значит в этом словосочетании слово «агрессивное»?

— Поскольку я являюсь автором этого термина, то настаиваю на своем праве его истолковывать. Агрессивное миссионерство — это просто впечатывание в чужой текст нужных мне смыслов. Это не цепляние к людям на улице, а кабинетная герменевтическая работа.

Это спасение чужого текста для нашей общины путем проецирования в него или обнаружения в нем тех смыслов, которые дороги именно нам, и к которым могли быть равнодушны даже создатели этого текста.

Например, позднеантичные богословы объявили философию «служанкой богословия», и тем самым сказали церковным цензорам: «Вот эта — со мной, пропустите ее, не трогайте!». Так они дали античной философии право на прописку в христианском монастыре.

А вот текст, который иудеи называют Танах, а мы его называем «Священное Писание Ветхого Завета». С точки зрения иудеев, христиане — воры: мы у них украли их священное писание, и нагрузили его своими смыслами. Честно скажу, я не могу поверить, что Моисей, рассказывая историю про Авраама, Сарру и Агарь, осознавал, что он противопоставляет свою церковь грядущей новозаветной. Но апостол Павел именно это там увидел и предложил такое толкование.

«Скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона? Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию. В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; а вышний Иерусалим свободен: он — мать всем нам. Ибо написано: возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа. Мы, братия, дети обетования по Исааку. Но, как тогда рожденный по плоти гнал рожденного по духу, так и ныне. Что же говорит Писание? Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной. Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной». (Гал. 4, 21–31)

Это типичное агрессивное миссионерство — некий текст используется для того, чтобы с его помощью донести те смыслы, которые сам автор, может быть, даже не предполагал. Апостол Павел именно так цитирует тексты языческих философов и поэтов. Например, «для меня смерть есть приобретение» — слова из «Апологии Сократа» Платона. Но контекст там следующий: Сократ размышляет о том, что после смерти либо происходит продолжение моего сознания, работы моей души, либо нет. Если ничего для нас за гробом нет, то тогда смерть — это ничто, тогда со мной ничего не происходит. Представьте себе ночь, в которую ты не увидел никаких сновидений. Просто лег, закрыл глаза, и все. Не скажешь ли ты, что это самая счастливая ночь в твоей жизни? И если смерть действительно такова, тогда для меня смерть — это приобретение. Честно скажем, это позиция атеистическая.

Но апостол Павел, взяв красивую фразу, наполнил ее совсем другим смыслом. Для него смерть есть выход ко Христу, а не к Харону. В этом случае смерть — приобретение. Со всеми другими случаями цитат из языческих источников апостол Павел поступает точно также. За это на любом современном филфаке ему просто поставили бы двойку и исключили из университета за такое обращение с первоисточниками. Но ап. Павел не экзамен сдает, он убеждает людей принять лекарство, потребное для их же спасения. И поэтому в знакомый им пузырек наливает другой, целебный, смысл.

Но это некий предельный случай, и сегодня вряд ли можно действовать именно так.

Однако, есть случаи более мягкие, и вот они как раз более интересны для меня.

Во-первых, истолкователь должен быть настойчив (агрессивен), когда предлежащий ему текст сам по себе вполне христианский, но современный читатель по определенным причинам не может заметить его христианской нагрузки. Это постоянно происходит с произведениями классической европейской и русской литературы. Значит, здесь нужна, говоря словами Фихте, «попытка понудить читателя к пониманию». Агрессией является любая педагогика. Любой учитель приковывает внимание к тексту и навязывает определенное его понимание. Проходится в школе «Война и мир» — для всех девочек интересны только балльные сцены, для всех мальчиков — только батальные, а бедная Марь Иванна должна что-то рассказывать про этику и историософию Льва Николаевича Толстого. В педагогике (даже самой игровой и диалогичной) не обойтись без делания стоп-кадра: «вот об этом давайте подумаем, вот на эту деталь обратите внимание».

Второй повод к агрессивному миссионерству — если автор сам сознательно замаскировал христианский подтекст в произведении. Не все читатели доходят до подтекста. Значит, комментатор должен вскрыть видимость, чтобы показать сокровенность.

Думаю, во многих произведениях советской литературы присутствует такое криптохристианство (утаенное, скрытое христианство — прим. ред.). А еще это Толкин. О нем мы точно знаем, что Толкин — убежденный христианин. Но прямо в его книгах имя Христа ведь нигде не упоминается... Такая же ситуация с Джоан Роулинг (ну, правда, в отличие от Толкина, она все же несколько раз прямо цитировала Писание в своей сказке). В дискуссиях вокруг таких текстов мы можем показывать явные и неявные цитаты из нашей христианской культуры и веры.

– Но возникает опасность привнести в текст то, что в нем отсутствует, «за уши притянуть» автора помимо, возможно, его воли в православие? Это тоже очень часто происходит с курсами, например, «православия и русской литературы»...

– Совершенно верно, такое нередко бывает. Такого рода вещи печатся только вкусом. Здесь нет однозначного рецепта, никакую границу провести четко нельзя. Тем более, что есть и третье поле для агрессивного миссионерства.

Вот текст, вроде бы далекий от христианства, и создан он вполне секулярным писателем. Но сам писатель не отдавал себе отчет в том, какими тысячами ниточек он связан с телом европейской христианской культуры. Сам себе он может казаться атеистом. Но шолоховская «Судьба человека» – разве чуждо христианской этике и антропологии? Хотя спроси у автора напрямую, он скажет: «да что вы, я член КПСС!».

Или Лев Толстой. Да, как философ он далек от христианства. Но Толстой как художник и писатель – частица нашей русской православной классической культуры.

Четвертое же поле «агрессивного миссионерства» – это такие аспекты жизни человека, и, соответственно, такие отражающие их страницы культуры, которые являются общечеловеческими. Но раз они общие, значит, в том числе, и христианские. В таких случаях бывает уместно заметить: «и нам, христианам, тоже это дорого, это и нам присуще... Да, и в христианстве тоже есть такое понимание подвига, жертвенности».

Поэтому ранние отцы церкви упоминали подвиги античных героев для того, чтобы христиан понудить к христианскому подвигу. Есть архетипы религиозного поведения, и есть произведения, где они отражаются, иногда даже во внеконфессиональной форме. Поэтому мы имеем право сказать, что это вполне созвучно нам.

– *Примыкает ли к этим типам такая ситуация: в христианской литературе мы можем найти что-то, что актуально для людей, не знакомый с ней. Можно рассказать людям, что оказывается, в церкви тоже думали над тем, что вас печалит? Открыть людям православный ответ на их переживания...*

– Я бы уже не назвал это агрессивным миссионерством. Это, скорее, миссионерство по Экклезиасту, когда говорят: видишь нечто новое под небесами, а на самом деле, это уже было. И это тоже вполне уместно. Студентам, увлеченным экзистенциалистами, я советую почитать очень старую книгу Иова.

Нельзя канонизировать удачу

– Отец Андрей, Вы пишете в своей книге «Перестройка в Церкви», что агрессивное миссионерство – это не приставание к людям на улицах. Есть ли какие-то границы миссии? Приставания к людям на улице – дело запрещенное?

– Один из главных тезисов моей книги в том, что нет и не может быть «типикона миссионера».

Главное – личность миссионера, а не его «метод». Поэтому, с одной стороны, нигде не стоит заранее вешать кирпич «вход в рясах сюда запрещен». Вдруг Господь найдет такого человека, который сможет пройти именно этим путем? Поэтому отсутствие успешных опытов само по себе не есть повод для абсолютного запрета на движение в этом направлении. Даже неудачный опыт не может становиться непреодолимым основанием для табуирования. Неадекватные попытки проповеди мы видим не только у миссионеров-экспериментаторов, но и в телевизоре, и с приходского амвона, и т.д.

Посему надо ждать удач, терпеть чужие не-удачи, и воздерживаться от того, чтобы от имени Церкви навсегда запрещать какой-то из путей. Ведь и пустошь может оказаться таковой вовсе не по причине своего бесплодия, а по причине отсутствия пахаря. Если же вдруг пошлет Промысл кого-то, кто сможет пойти новым и полезным путем – надо церковно его поддержать.

С другой стороны, удачу не надо сразу канонизировать. От можно до должно дистанция очень велика.

Надо знать меру. Приправы и специи – они хороши, но нельзя есть их ложками. Я могу представить себе, что уличные миссионеры-зазывалы в приходе отца Даниила оказываются полезны, и реакция на них добрая, но если у каждого выхода из метрополитена будет стоять такая парочка – реакция общества будет на них однозначно негативная.

Главное правило миссионерства – «не навреди». Из него есть следствие – «что позволено Юпитеру, то не позволено быку».

Это означает, что удача одного миссионера не означает автоматической удачливости для тех, кто попробует ему подражать. Более того – и ему самому в десятый раз может не удастся то, что удавалось прежде.

Скажем, проповедь на рок-концерте. Да, тут есть удачи. Но заполнять все рок-площадки поповскими рясами не надо. Как исключение это интересно и полезно. Став правилом и нормой, оно станет пошлым.

– *А Вы можете назвать какие-нибудь удачные миссионерские проекты?*

– Как ни странно, у меня такого каталога нет в голове или в компьютере. Я всем проектам желаю успеха, при этом понимаю, что я сам в весьма малом количестве из них смогу поучаствовать. У меня есть своя борозда, и я, наверно, уже слишком старый медведь, чтобы разучивать новые фокусы.

Пока я не готов давать рекомендации и оценки миссионерской работе. Во многом — потому, что я очень ревнив: знаете, как невозможно бывает слышать любимое стихотворение в исполнении постороннего человека. Или человек полюбил какую-то песню в исполнении одного певца, а затем слышишь римейк — и все в нем раздражает. Я люблю православие, и меня часто корежит, когда я слышу чужие проповеди. Правда, я и записи своих лекций терпеть не могу слушать.

– *А из своих выступлений, поездок есть те, которые Вы считаете наиболее результативными?*

– Даже одна и та же лекция может звучать по-разному в разные дни и разных местах. Смотрите — даже серьезные теннисисты проигрывают чаще, чем выигрывают. Он за год, может быть, принял участие в 30 турнирах, а выиграл только в двух. Я думаю, что нечто подобное и в миссионерской работе. Здесь не должно быть установки, надежды на ежедневный, ежеминутный успех. Я прекрасно понимаю, что могу запороть и самую лучшую свою лекцию...

– *А какая самая лучшая, любимая лекция?*

– Вообще, моя самая любимая лекция — «Что значит быть христианином?», она вошла в состав книги «Дары и анафемы». Она о самом главном и дорогом...

– *Отец Андрей, миссионер — это тот, кто выступает перед аудиторией, кто должен заронить некие крупницы интереса, или это тот, кто лично с человеком работает и доводит человека до храма? И то, и другое, это — миссия?*

– Конечно, если бы мы речь вели о миссии в джунглях Амазонки, то надо было сказать, что миссионер — это тот, кто приводит людей к Христу, то есть миссионер должен переходить от миссии к крещению и далее к организации местной общины. Как в Деяниях Апостолов — Павел начал проповедь, создал общину, поставил епископа, и ушел.

Но мы на берегах Волги, а не Амазонки. Здесь уже есть церковная структура. И поэтому голос миссионера никогда не является solitary, никогда не является единственным. У любого жителя России есть некое фо-

новое представление о христианстве. Оно может быть со знаком плюс или со знаком минус. Чаще всего оно пестрое. Мол, Евангелие, говорят, добрая книга, но попы почему-то в мерседесах ездют...

Житель России (адресат нашей современной миссии) постоянно слышит другие православные голоса и в принципе знает, где находится ближайший действующий храм

Это значит, что миссионер может ставить перед собой более скромную задачу, нежели «спасение» или «основание церкви». Потревожить болотце чужой жизни, пробудить интерес — это уже успех и результат. Пусть по итогам нашей встречи человек хотя бы поставит себе галочку в сознании: «выходит, что-то интересное там есть, в этом православии». Когда эта галочка в жизни человека оживет снова и взлетит вместе с ним — я не знаю, но она в нем поселилась — уже хорошо.

Очень важно не ставить перед собой грандиозных задач — обратиться всех, воцерковить. Поэтому мне не нравится византийская высокопарность нашей официальной Концепции миссионерского служения, утверждающей — «Миссия Церкви направлена на освящение не только человека, но и тварного мира. Православная миссия нацелена на передачу опыта Богообщения». Зачем отождествлять задачу Церкви и задачу миссии?

Миссия — это конкретная, локальная цель. Миссия кончается там, где начинается пастырство — у порога церкви. Миссии надо уметь ставить локальные задачи и их решать, уметь радоваться и небольшому успеху. Нельзя приближаться к ребенку с мыслью немедленно воспитать из него достойного гражданина нашего отечества, это была бы шизофрения. В каждую минуту общения с ребенком отец решает какую-то локальную задачу. Точно так же и в миссионерстве.

Рассказать или проводить?

— *Миссионер, работающий в больнице, должен ли продумывать организацию прихода в церковь тех людей, с которыми он говорит? Миссионер рассказал больным о Причастии, о том, как надо готовиться, а потом священник отказал в Причастии диабетикам, которым надо было утром принять лекарство....*

— Что касается причастия больных людей, то это вопрос уже патриаршего уровня, я хотел бы услышать внятное пастырское слово Патриарха и Синода на эту тему. Потому что, конечно, это безобразие, когда от больных людей требуют не пить нужное им лекарство перед причастием.

В конце концов, чашу с причастием Христос поднял в завершение Тайной вечери, и первые века уже в завершение трапезы поднималась чаша с Заветом. Но дело даже не в этом, а в том, что Христос не завещал нам бесчеловечие.

Миссионер должен приводить людей в реальную церковь, а не в церковь своей мечты. Если же миссионер предполагает, что есть опасность слишком серьезного расхождения между тем идеалом церкви, который он будет иконописать перед своим собеседником, и той реальностью, с которой они столкнутся в ближайшем приходе, тогда надо просто осмотреться на местности и найти такой приход, где православие явлено в наименее травматичном своем воплощении, и людей адресовать именно туда.

Вообще один из законов миссии — после приезда миссионера должна остаться или создаться ниточка связи с местной церковью. Я могу помочь, но не подменить. Для меня очень важно в конце моей лекции вывести на сцену местного батюшку, показать на него пальцем, сказать: «Вот, теперь, пожалуйста, к нему обращайтесь, а Вы, батюшка, скажите, когда можно в ваш храм прийти, когда у Вас занимается воскресная школа для взрослых, когда будет следующая лекция...». У людей должно быть понимание, какой шаг для них может быть следующим.

Бог там, где норма

— Получается, что миссионер может вступить в двойной конфликт с Церковью, с одной стороны, его представления о Церкви могут быть более правильными, чем у местного приходского священника, с другой стороны, он может слишком упростить христианство...

— У меня сейчас открыт компьютер на книжке отца Георгия Флоровского, «Пути русского богословия». И последнее, что я прочитал перед тем, как вы вошли ко мне в дом, — его мысль о том, что эклисиология славянофилов, их учение о церкви, психологически скорее связано с масонством XVIII века, чем с укладом жизни дворянских усадеб, как может показаться.

Действительно, есть опасность создать очень идеальное, возвышенное учение о церковной жизни (именно таково навязанное масонским морализмом учение Хомякова о церкви как «организме любви»), и потом оно будет травмировать человека. Есть известный принцип: «чтобы не разочаровываться, не надо очаровываться».

Я лично убежден, что миссионер должен представлять себе богословие лучше, чем приходской священник. Его знания богословия, истории церк-

ви, культуры (у епархиального миссионера, по крайней мере, тем более, синодального священника) должно быть выше, чем у приходского батюшки. И тем не менее у него же должно быть понимание того, что реальную церковь через Таинство Христова созидает обычный приходской отец Василий.

Одна из задач современной миссии – отбить у людей тягу к духовной экзотике. Нет ничего легче, чем рассказать людям про чудесный огонь в Иерусалиме, про чудесных старцев, и тем самым обречь людей на то, что они всю жизнь будут мотаться по миру за экзотикой: на Благовещение надо слетать на тот греческий остров, где змейки в храм выползают, на Афон съездить посмотреть как лампада под Иверской иконой качается. И, ни в грош не ставя обычных попов, искать духоносных старцев. Это тупик и путь к раздору церковной жизни. Вообще, для современного сознания Бог – это там, где чудо. А для нормального традиционного сознания Бог – это там, где норма. Вот что поражает библейских авторов-псалмопевцев? То, что песок кладет предел моря, волны сокрушают все, а песок одолеть не могут. Для нормального традиционного сознания, не травмированного атеизмом, то, что в мире есть законы и есть устойчивость – это проявление Бога, его любви и его чуда. То, что каждый день солнце всходит на востоке – какое удивительное чудо! Вот если бы солнце взошло на Западе – это был бы серьезный довод против существования Бога: что за хулиганство и непорядок происходят?

Так что во мне, может быть, очень силен пафос Честертона, пафос святой обыденности, но мне он очень дорог. И одна из черт этой обыденности – это наша церковь с нашими бабушками и нашими батюшками, которые Сартра не читали, и, тем не менее, это замечательные батюшки и замечательные бабушки.

– Есть проблема, которую можно проследить во многих миссионерских выступлениях: миссионеры пускаются в две крайности – обличение мира (все плохо, любое отступление сразу же отрезает путь к спасению, мир летит в тартарары, у нас есть последний шанс вспрыгнуть на этот корабль) и второе – любовь ко всему мирскому, все хорошо, зло – там оно, иде-то – в фантазиях алармистов...

– На самом деле, нормально и то и другое. Как в моем организме есть органы, вырабатывающие щелочь и есть органы, вырабатывающие кислоту, так и в церковном организме должно быть и то и другое. А вот искать меру сиюминутного, конкретного сочетания щелочи и кислоты,

консерватизма и актуализации (я слово Патриарха Кирилла употребляю — недавно на синодальной богословской комиссии он отметил проблему актуализации сокровищ православия). Эту меру можно найти, только умея слышать и понимать друг друга. Я против партийной вражды внутри церкви, тем более по вопросу о технике миссии. Честно говоря, ситуация у нас изменилась с появлением нового Патриарха. Год назад я бы, может быть, и сам с удовольствием поучаствовал бы в этом регби — команда миссиофобов против команды...

— *Миссиофиллов?*

— Да. И тем самым я бы защищал смысл своей жизни и смысл своей работы. Сегодня нет угрозы того, что решением высшей церковной власти миссионерские эксперименты будут прерваны. Поэтому зачем же тогда тратить силы на такого рода полемику?

— *Тем не менее, не все встречают многие миссионерские инициативы с радостью, и очень распространенное обоснование — во-первых, мы еще не готовы, сначала надо решить наши внутренние проблемы с нашей невоцерковленностью, с приходским строительством. С другой стороны, когда нас пригласят, тогда мы и пойдём, а без приглашения идти куда-то выглядит вроде как лишним.*

— Одна из причин миссиофобства в нашей церкви в том, что мы дети тоталитарного общества, то есть мы привыкли, что все делается вместе и по приказу. Люди полагают, что если где-то вышел батюшка на рок-концерт, значит, скоро нас всех заставят молиться под рок-музыку. То есть люди настолько не доверяют власти (и светской, и церковной), что не могут допустить, что власть может что-то не навязать, а разрешить — как некое маргинальное, частное явление, но не как норму, обязательную для всех. Вот и приходится объяснить — если открылась аптека, то не обязательно покупать все лекарства оптом и съесть по 5 кг в день. Но если кому-то (не тебе) какая-то (не твоя) таблетка поможет — то и слава Богу!

Теперь насчет неготовности. Вообще-то, христианин всегда не готов. Мы не готовы к причастию, к исповеди, к поступлению в семинарию, к принятию монашеского пострига, к священству, к смерти, к браку мы тоже не готовы. То есть если я себе накануне какого-то важного рубежа ставлю пятерку: «готов 100-процентно», то возникает вопрос в доброкачественности моей христианской рефлексии. Но на примере молитвы перед причащением мы видим, что это преодолеваемо. Есть действительно много того, на что я не имею права, но что я должен. Я не имею права приступить к алтарю, к чаше, но, но приступаю — Поелику повелеваеши, да прихожду...

Нечто подобное и с учительством, и с миссией, и с пастырством. Сидеть и ждать 100-процентной готовности — все равно что сказать: «пока мы не получим новейший комбайн, изготовленный по нанотехнологиям, мы сеять не будем». Но надо сеять то, что есть, пусть наше зерно не идеально, не на последнем уровне генетической моды; пусть земля у нас не черноземна; пусть трактор у нас по прежнему «Белорусь» — пшеничку-то надо сеять. Так же и с миссионерской пшеницей. Обратите внимание, что Христос совсем не идеальных проповедников набрал. Он мог бы явиться в Афинскую академию, взять лучших афинских риториков, наиболее подготовленных, но Он этого не сделал. Точно так же и апостолов он набрал не из кумранских отшельников и не из аскетичных индийских йогов, а из рыбаков и таможенных коррупционеров.

— *Достаточно часто звучит мысль, что если мы не станем православными, то через несколько десятилетий нас ждет установление московского халифата. Если мы не станем православными, то наша страна исчезнет, то есть идет проповедь демографии, а не Христа...*

— Конечно, проповедовать мы можем только Христа. Об остальном мы можем только говорить. Можем что-то советовать, на что-то обращать внимание. Труднее всего найти повод и тему для разговора. Прямо скажем, не всегда то, что дорого для меня, дорого и интересно для моих собеседников. Поэтому хотелось бы говорить о своем, о родном, а приходится говорить о том, чем живут эти люди.

А, с другой стороны, надо говорить прямо о Христе. Хотя для этого слушая я бы ввел жесточайший фэйс-контроль для тех, кто дерзает говорить прямо о Христе. Как Иоанн Лествичник писал: «Дерзающий говорить о любви, дерзает говорить о Боге». И если ты уж ты дерзаешь вести речь об этом, оно должно отражаться в твоём лице и глазах. Иначе неизбежное для любого проповедника расхождение между словом и жизнью может оказаться катастрофически большим. Далеко не уверен, что сам я этот фэйс-контроль пройду...

— *Митрополит Антоний Сурожский говорил, что только свет Христов в глазах другого может привести человека к вере — но ведь никто не скажет про себя, что у меня есть духовное содержание, свет Христов в глазах.*

— Именно по этой причине я для себя избрал культурологическую интонацию разговора. Даже о богословии. Культурологическая интонация разговора — это попытка говорить не «от имени» но «о» и тем самым минимизировать свое присутствие в этом разговоре.

— *И все же — проповедь демографии и проповедь Христа? Или, скажем, антиалкогольная комиссия, возглавляемая о. Тихоном (Шевкуновым) — в трудном положении находятся проповедники — кто-то может сказать, что не страшно, что скоро Россия прекратит свое существование, суд страшный грянет, мы все вымрем, да и ладно, тебе-то чего, отец-проповедник?*

— Вы озвучили мужскую позицию. А для женщин это будет просто ангельский глас. Мне, мол, про царя Давида не интересно. Мне бы мужа от бутылки отучить. Расскажи как, — я буду молиться хоть тебе, хоть Христу, хоть Будде, если ты сможешь вернуть моего мужа из пивнушки. Поэтому с миссионерской точки зрения это очень важно.

— *То есть такая проповедь рассчитана на женскую аудиторию?*

— Думаю, что мужики не пойдут на антиалкогольную лекцию.

— *Миссия и основы православной культуры: сегодня увидел статью, где священник говорит, что преподавание основ православной культуры невозможно, потому что любая проповедь — это проповедь о Христе, а преподавание культуры всегда вторично. А мы вторичное хотим сделать единственным.*

— Давайте так. Первична в церкви только Чаша с причастием. Все остальное, включая Синод, вторично. Мы же не будем на этом основании требовать ликвидации Синода.

— *Ну в церкви же есть и то, и другое. А в школе нет чаши с причастием.*

— Чаши с причастием нет и в здании Синода. И в здании управления патриархии не хранится потир со святыми дарами. Это ложное представление, что православная культура — это разговор только об иконографии. Это разговор о том, чем живет, чему радуется и о чем скорбит душа христианина.

— *О чем, на Ваш взгляд, сегодня нужно говорить миссионеру в первую очередь? Лет 10 назад надо было доказывать, что в Церкви — не только неудачники и старенькие бабушки. Что сегодня в первую очередь нужно услышать людям?*

— Я ставлю вопрос совершенно иначе. Я считаю, что миссионерский урок, лекция должны подбираться по принципу: о чем мне сейчас интересней сказать. Поскольку у нас нет сейчас стандарта преподавания ОПК, я говорю преподавателю: неважно, с какой страницы Вы откроете Библию или книгу Серафима Слободского. Вы начните урок в Вашем классе 1 сентября с того, что Вам наиболее интересно, и этим интересом заразите детей.

Если это будет апокалипсис — начните с апокалипсиса. Если это будут древности из жизни Афона — начните с афонских древностей.

Есть хороший анекдот, память о котором полезна миссионеру. Маленький мальчик лет четырех подходит к папе и спрашивает: «Что такое аборт?» Папа теряется, начинает излагать версию супружеской жизни, беременности, и т.д. Мальчик слушает, не очень понимает. Тут папа догадался спросить, где он это слово слышал. — «Да песенку слышал: «и за борт ее бросает»».

Любой отец знает, что не на все вопросы ребенка надо отвечать. У ребенка 10 вопросов в минуту. Поэтому спокойно можно что-то пропустить мимо ушей. Не зацикливаться. Точно так же и здесь. На нас наваливают массу вопросов. В молодежной аудитории такие — это попытка выпендриться перед коллективом, чем-то заполнить время навязанного общения. Подростки понимают, что если они не пойдут на встречу со мной, то придется идти на банальную математику, химию. Они судорожно вспоминают, что они слышали о религии, последнюю сплетню по телевизору, и оттуда вытягивают свой вопрос. Поэтому можно и нужно уметь навязывать свою повестку дня аудитории, а не всегда жить в режиме реакции.

— *Отец Андрей, как Вы считаете, нет ли у современных разговорных миссий перекоса в субкультурное миссионерство — юты, рокеры.*

— Ну, какой перекос? Пока еще нет даже серьезной работы с этими субкультурами! С рокерами работает только один человек, отец Сергей (Рыбко). Даже я с ними не работаю. Лишь раза два в год на концертах появлюсь, это работой назвать нельзя. Постоянно с ними работает только отец Сергей. Про готов и эмочек идет лишь интернет-разговор: мол, да, хорошо бы обратиться к ним... Но я не могу назвать ни одной публикации, обращенной к ним. Понятно, что нет ни одного человека, который считал бы своей работой выход на миссионерский контакт с этими группами. В эти субкультуры нам еще надо идти. У нас освоены: субкультура военных, университетская, студенческая, субкультура эзков. Еще мы умеем разговаривать с медиками и со спонсорами.

*Беседовали Анна Данилова и Виктор Судариков
Православие и мир, 26.05.2008*

Сергей Чапнин

Миссия, катехизация и церковные СМИ

Сегодня мы привычно говорим, что церковные СМИ — это одно из важнейших направлений миссионерского служения в Церкви в современном мире. Что стоит за этими словами? Какие конкретные задачи?

В строгом смысле слова, миссия и катехизация не являются задачами средств массовой информации. И здесь главная проблема — опосредованное, то есть медийное свидетельство о Церкви и вере. Телевидение и радио могут создать эффект присутствия, но оно все равно будет обобщенно-личным свидетельством, а не разговором лицом к лицу.

Однако в условиях информационного общества задачи СМИ и их роль в общественной жизни радикально меняются. Полагаю, что одним из следствий является и необходимость вести катехизацию через СМИ. Особенно, если задачи катехизации мы понимаем расширительно и относим к ним формирование христианского мировоззрения и обретение христианином своего места и служения в Церкви. Церковные СМИ, безусловно, призваны выполнять эти задачи и, следовательно, являются инструментом катехизации. Здесь же необходимо сказать о том, что СМИ выполняют воспитательную и образовательную функции. В рам-

как этих задач также можно говорить о том, что церковные СМИ ведут катехизацию.

Насколько успешно церковные СМИ справляются с катехизацией? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть сложившуюся сегодня систему церковных СМИ. Она достаточно сложная — в ней есть печатные и электронные издания, радиoproграммы и радиостанции, телепередачи и телеканалы. Есть СМИ, ориентированные на массовую аудиторию, есть специализированные медийные проекты.

Однако есть и другие критерии. Можно сказать, что система церковных СМИ в России сегодня — это, прежде всего, совокупность официальных, собственно церковных, и частных проектов. Это значит, что во многих проектах присутствует ярко обозначенный частный, личный интерес. Он может быть окрашен политически или аполитичен, в нашем случае это не имеет значения. Важно другое — медийные проекты Церкви построены не на том, что нужно Церкви сегодня, а на том, как тот или иной хозяин СМИ или главный редактор интерпретирует сегодняшние нужды и потребности Церкви.

В этой совокупности частных мнений мы находим и прекрасные, глубоко церковные по духу и массовые по форме проекты, но встречаются и ложные интерпретации, вредные и опасные для церковной жизни установки. Мы сталкиваемся также с непрофессионализмом и удручающе жесткой самоцензурой многих церковных журналистов. В последние годы это становится все очевиднее.

Такое положение дел приводит к мысли о необходимости руководства — конечно, аккуратного и продуманного — процессом формирования и развития церковных СМИ. Какими могут быть механизмы такого регулирования? Здесь полезно обратиться к истории и рассмотреть, что способствовало расцвету качественной церковной журналистики во второй половине XIX — начале XX веков? Среди ряда факторов необходимо выделить два. Во-первых, самое активное участие епископов, священников и представителей академического богословия в издании церковной периодики. Во-вторых, развитие церковной цензуры. Редактор каждого издания знал, как и перед кем он отвечает за качество своего издания и какие будут последствия, если издание будет распространять сомнительные или неправославные взгляды. Форма собственности в этой ситуации особого значения не имела. Главное, что был создан эффективный механизм защиты интересов Церкви, в полной мере соответствовавший развитию СМИ своего времени.

Однако то, что было возможно в империи, где православие было государственной религией, невозможно повторить в современной постсоветской России. Мы призваны найти новые формы защиты интересов Церкви в информационном пространстве.

К сожалению, сегодня мы далеко не всегда думаем о качестве церковных изданий. Мы делаем то, что у нас может получиться, исходя из наших желаний, творческих, финансовых и технических возможностей. Нужно это Церкви или нет, решает ли это сегодня конкретные миссионерские или катехизаторские задачи, в какой мере это соответствует церковному преданию — очень часто не имеет первостепенного значения.

90 процентов СМИ, которые называют себя православными, выстроены по этому принципу. Нужно, чтобы был епархиальный журнал? Давайте сделаем епархиальный журнал. Нужно, чтобы епархиальный журнал смотрелся, как столичный, — если есть возможность, давайте сделаем. Кому это нужно, зачем? Какова эффективность этого проекта? На эти вопросы очень часто учредители, издатели и журналисты ответить не могут.

Рассмотрим один конкретный вопрос. В каких формах решаются задачи катехизации в подобных изданиях? В большинстве случаев это сухая хроника архиерейского служения, перепечатки из Интернета и пересказы житий святых, причем пересказы многократные. Если посмотреть на почтенные издания, которые существуют лет по 10–15, то боюсь, что один и тот же материал с небольшой редактурой может быть опубликован раз по пять точно. Да, с «технической» точки зрения качество текста растет. Версии житий уже так отшлифованы, что напоминают пресс-релизы транснациональных корпораций о новых товарах и услугах.

Но гладкость текста не самоцель. К чему информация о церковной жизни должна побуждать? Какие механизмы мы задействуем, чтобы формировать твердое христианское мировоззрение у наших читателей? К сожалению, и на эти вопросы у большинства православных журналистов ответов нет. А ведь добавить требуется совсем немного: объяснить, в чем актуальность подвига святого для современного человека. Как в его и в нашей с вами жизни воплощаются евангельские заповеди. И здесь церковный журналист — не важно, в сане он или нет, — должен научиться размышлять, богословствовать. К сожалению, знаний, навыков и даже желания это делать у руководителей и сотрудников редакций, как правило, не хватает.

Если добавить к этому проблему религиозного мифотворчества которыми занимаются некоторые квазиправославные СМИ, то окажется,

что с задачей формирования православного мировоззрения наши православные СМИ не справляются.

Мы оказались в парадоксальной ситуации. У Русской Православной Церкви более 800 информационных проектов различного уровня. Тысячи людей вовлечены в информационную деятельность Церкви, но при этом результат очень и очень посредственный. Более того, талантливые и удачные решения, небольшие победы зачастую перекрываются деструктивными проектами. Как ни странно, у хороших, интересных, настоящему церковных СМИ система распространения работает на порядок хуже, чем у изданий сомнительных, псевдоцерковных.

Несколько примеров. В последнее время серьезное беспокойство вызывает газета «Дух христианина». В ее издании в одной упряжке оказались Фонд защиты гласности, некоторые монахи Оптиной пустыни, предприниматели и спортивно-военизированные группы. Идеологическая платформа, выдаваемая за «что-то духовное», известна: современное монашество ненастоящее, потому что грекофильское; епископат отступает от чистоты православного вероучения; президент России был и остается сознательным врагом русского народа и т.п. Через эту призму оценивается все происходящее. Главная мысль, которую редакция стремится донести до читателя, проста и опасна: «внутри Церкви есть враги», «внутри России есть враги».

Думаю, не ошибусь, если скажу, что есть один очень простой критерий, по которому можно проверить, насколько твердую церковную позицию занимает то или иное СМИ. Лжецерковные СМИ всегда разворачивают травлю тех, кто оказался у них в немилости. Личная неприязнь очень быстро приводит журналистов этих изданий к одному вердикту: такой-то является нашим врагом и, следовательно (!), врагом Церкви. Такие издания утверждают, что обладают монополией на истину. Не заботясь о качестве аргументов, они публично заявляют, что такой-то «согрешил», является «врагом Церкви», «предал Христа» и т.п. Авторы таких изданий пребывают в помрачении ума и ожесточении сердца, смущая, а нередко и духовно калеча своих читателей.

В частности, на эти позиции дрейфует информационное агентство «Русская народная линия». Анализ публикаций показывает, что его журналисты постоянно ищут «жертв» среди своих, православных. На них любой неправдой собирается компромат, и затем пишутся публичные доносы с передергиванием позиций, клеветой. Мишенью становятся самые разные люди: в сане и без — пастыри, богословы, публицисты;

широко известные и нет. Обвиняя других, эти издания убеждают и себя, и своих читателей в том, что только так и надо хранить твердую и бескомпромиссную веру...

Но нам не стоит забывать, что в истории России это уже было. Печально, что большевистские методы перекочевали в околоравноправославную среду.

В этом контексте совершенно неслучайным выглядит прошлогодние «письма» епископа Диомида. Публичные обвинения в адрес Святейшего Патриарха на пустом месте возникнуть не могут. Для таких выступлений формируется определенный контекст, и СМИ в нем играют не последнюю роль. Церковь не реагирует на публичные доносы, и процесс развивается сообразно. Давайте стукнем по мирянам – промолчат или нет? Промолчали. Давайте ударим по священникам – промолчат или нет? Промолчали. Давайте обвиним богословов. – Промолчали. Давайте теперь стукнем по епископам – промолчат или...

Конечно, в Православной Церкви не существует запрета на критику. Но критика должна быть ответственной, по совести и непременно конструктивной. В том, что приходится слышать, невежество и сектантская ограниченность побеждают и разум, и веру.

Серьезнейшая проблема заключается в том, что мы молчим, когда необходимо проявлять солидарность. Мы молчим, когда необходимо реагировать. Конечно, в Церкви идут публичные дискуссии, но не возникает итоговых документов и, соответственно, ясной церковно-общественной позиции. В частности, в этом состоит, на мой взгляд, главная задача Рождественских чтений – авторитетным церковно-общественным собором, голосом Церкви в общественном пространстве. Есть у этой проблемы и другая сторона – та, которая регулируется церковными канонами. Что-то должно выноситься в публичную сферу, а что-то, наоборот, в непубличную – подлинного церковного следствия и церковного суда. Но ни первое, ни второе практически не работает, и мы оказываемся в искореженном информационном пространстве.

Церковные СМИ были полностью уничтожены в 1917 году, в последние два десятилетия они развивались как набор частных проектов, и сегодня стоит громадная задача воцерковления печатных и электронных СМИ, которые себя называют православными. Среди нерешенных проблем церковной жизни, эта – одна из самых серьезных.

Встает вопрос: являются ли СМИ частью административно-канонической структуры Церкви или нет? Епископ или настоятель храма

по должности всегда является главным редактором официального церковного СМИ. В какой степени они участвуют в работе СМИ? Например, в светских СМИ есть положение о служебных обязанностях главного редактора. В нем около 50 позиций, по которым главный редактор несет ответственность за свое издание. Было бы очень полезно главным редакторам наших церковных СМИ ознакомиться с этим списком и подумать, есть ли у них основания называть себя главным редакторами.

Такая система не работает, и работать не будет. Это не упрек: сложные административные и церковно-политические задачи решать непросто. Может быть, если начать их решать, будут ошибки, но лучше пусть будут ошибки при решении этих задач, чем игнорирование этого вопроса как такового.

В связи с этим, я думаю, что перед нами стоят две главных задачи. Первая — это консолидация, реальное сотрудничество, солидарность тех СМИ, которые считают, что их главная задача — церковное служение. И должен сказать, что это очень сложно, семь лет мы ведем эту работу. К сожалению, результаты пока не впечатляют. И вторая задача — это создание инструментов и «площадок» для широкой и свободной дискуссии. Различные церковные группы (в данном случае я не имею в виду «правых» и «левых», а лишь тех, кто занимается церковным служением), катехизаторы, миссионеры, богословы, должны сформировать свою программу необходимых публикаций в ведущих церковных СМИ, а редакции СМИ, в свою очередь, призваны откликнуться и принять эту программу не на уровне разовых, по сути дела случайных публикаций, а на уровне постоянной работы: рубрик, серии материалов и т.д.

И последнее. Если мы говорим о системе миссии и катехизации, то необходимо, чтобы миссионеры и катехизаторы, имеющие практический опыт работы, предложили свое видение того, какие функции церковные СМИ должны выполнять с их точки зрения. Мы сейчас находимся на этапе, когда задачи церковных СМИ необходимо пересмотреть, уточнить и, желательно, прописать на бумаге. Пусть это будет не официальный документ, а неформальная декларация нашего профессионального сообщества, но это было бы очень полезно.

Я надеюсь, что наши встречи будут важными вехами на пути становления эффективной и действенной церковной журналистики.

Владимир Гурболик

Православный интернет: альтернатива греху

Реальная «виртуальность»

Я познакомился с интернетом в середине 90-х годов, как только он стал доступен рядовым российским пользователям. В 1996 году вышел первый номер журнала «Фома», примерно тогда же появился и его сайт, но понимания, что в глобальной сети можно вести миссию, у меня еще не было. Дело в том, что интернет — настолько многогранная система, что обнаружить его свойства и возможности можно лишь со временем, постепенно погружаясь туда. Открытие миссионерской составляющей интернета лично для меня началось с обнаружения сайтов, на которых можно было самостоятельно опубликовать свои произведения. В то время не было такого количества социальных сетей, блогов, форумов, но появились порталы «Проза.ги» и «Самиздат.ги». Они предназначались для публикации литературно-художественного творчества, однако я рискнул выносить туда публицистику, материалы «Фомы».

И работало. Постепенно завязалось общение с пользователями этих сайтов, обсуждение вопросов веры, материалов нашего журнала, расска-

зов, статей, заметок. Такие разговоры не замедлили принести свой плод: я заметил, что у интернет-ресурса «Фомы» появляются не только новые читатели, но и люди, которые начинают помогать, и даже те, кто стремится к работе в совместных интернет-проектах. Так, постепенно, я начал осознавать новое свойство глобальной сети — живой диалог о вере с нецерковными людьми и живое сотворчество в миссионерском деле с теми, кто уже находится в Церкви.

Если православный человек пишет в сети о вере, он так или иначе является миссионером и свидетельствует о Христе. Но тут его могут подстерегать серьезные опасности. Дело в том, что в виртуальном пространстве слова можно легко превратить в игру. Некоторые люди, как следует не подумав, не помолясь, мгновенно вступают в ожесточенную словесную перепалку — и тем самым нарушают заповедь Христову: «Да любите друг друга... По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 34–35). Если эта заповедь нарушается — вся миссия перечеркивается. Но многие православные блогеры этого попросту не понимают и не думают, какую угрозу и вред они наносят православной миссии. Ведь она имеет более широкие границы, чем иногда представляется: любой человек, обозначивший в сети, что он христианин, свидетельствует о Христе. А вот каким будет это свидетельство — отталкивающим или приводящим людей в Церковь, зависит от его поведения и слов. Главный критерий здесь — любовь. И не важно, выступает ли человек перед реальной аудиторией или пишет в интернете.

Но, тем не менее, можно выделить несколько особенностей общения в виртуальном пространстве.

Во-первых, нужно четко понимать: интернет — это не более чем средство. Серьезный журналист (да и просто серьезный пользователь) никогда не «висит» в сети — он там работает, обмениваясь информацией, находя новые темы, новых собеседников, новые способы донести что-то важное до своей целевой аудитории. К сожалению, бывает иначе: интернет становится для человека самоцелью, буквально засасывает его, «виртуализирует». Человек утрачивает самоконтроль и ощущение реальности.

Ему кажется, что его собеседники «по ту сторону монитора» — не живые люди, братья и сестры о Господе, а не более чем игрушки, какие-то томагочи, существующие только в глобальной сети. Конечно, умом понимаешь, что это не так, но эмоционально ощутить не можешь. И тогда серьезный разговор «лицом к лицу» превращается в игру.

Во-вторых, возможность ведения дневника, открытого для других людей, участия в обсуждениях и быстрого получения откликов, часто приводит к тому, что человек забывает (или не успевает) обдумать свои слова, забывает пословицу «семь раз отмерь, один — отрежь». Иначе говоря, есть опасность сгоряча выплеснуть свои эмоции, свои недозревшие мысли, поделиться тем, что вредно не только для тебя самого, но и для других, показать то, что совершенно не предназначено для посторонних глаз. Прежде чем что-то сказать в интернете, надо ясно осознать, что это не игрушечное хоккейное поле. Ошибки в сети совершенно реальны и дорого обходятся, а порой бывают непоправимы. Слово, сказанное в виртуальном пространстве, на самом деле ничем не отличается от слов, которые мы считаем реальными: запечатленных на бумаге, в сердце или мыслях. Поэтому, я думаю, стоит опасаться не виртуальности интернета, а его реальности... Нужно помнить, что глобальная сеть — это информационное оружие, которое человек часто использует для излияния мыслей и чувств. А в душе, как известно, гнездится не только добро, но и зло. И по репликам в интернете хорошо видны и твоё отношение к людям, и глубина веры, и степень озлобленности.

Все, даже самое прекрасное в этом мире можно использовать как во благо, так и во зло. Интернет здесь не исключение: он может и объединять, и разъединять, может оказывать человеку колоссальную поддержку, стать кладёзем друзей, с которыми можно встретиться, преодолевая за доли секунды огромные расстояния, делая ничего не значащими географические границы, сотрудничая и творя во славу Божию. А можно запереться в квартире, замкнуться в себе и, не видя за блогами живых людей, в итоге попасть в сеть буквально, превратиться в игрушку, которой интернет начинает диктовать свои правила, командовать и подавлять волю, превращая человека в орудие и проводника зла.

Особенности миссии в интернете

Исходя из реальности общения в виртуальном пространстве, можно составить представление об особенностях миссии в интернете. Впервые, я думаю, в современном Рунете вряд ли можно создать специфически миссионерский портал. Дело в том, что сегодня произошло резкое размывание границ между теми, кто считает себя православными (70–80%) и теми, кто действительно воцерковлен (3–5%). Поэтому возникает проблема: ты работаешь для 5 или для 80 процентов, ведь зачастую вопросы тех и других очень похожи, например, интерес к именинам,

любви и браку, воспитанию детей, православным традициям, праздникам и т.д. Я знаю только два ресурса, которые наиболее близко подошли к тому чтобы стать специфически миссионерскими: сеть «Реалисты.ру» Дмитрия Семеника и сайт диакона Андрея Кураева. К ним действительно пробивается целевая аудитория.

Во-вторых, каждое слово, произнесенное в сети, получает (или не получает) мгновенные отклики, которые можно проанализировать и быстро понять, как именно относятся люди к твоим текстам, к тому, что ты делаешь. Когда-то такую серьезную и быструю степень обратной связи имели только газеты, получавшие мешки писем. Но в этом смысле глобальная сеть не сравнится ни с одним печатным изданием. Хороший и сильный интернет-проект получает сотни или даже тысячи откликов в день, и даже если не реагировать на них, нужно помнить — по факту диалог уже начался.

В-третьих, глобальная сеть очень ярко показывает структуру интересов различных групп общества. Это хорошо видно на примере Интернет-блогов, где можно активно заниматься миссией и получать огромные отклики. Блог — возможность создать себе нечто, подобное сайту, причем малыми усилиями, но с использованием всех современных достижений: аудио, видео, мультимедийных продуктов, красивого дизайна, иллюстраций, фотоальбомов. Ты можешь общаться с людьми, которые тебе интересны, вступать в различные сообщества по интересам: «Православие», «Церковь», «любовь», «семья» и т.д. Их огромное количество, вплоть до сообщества «любителей кройки и шитья». А затем можно проанализировать и увидеть, как воспринимается весть о Христе, миссионерские идеи и тексты в зависимости от того, какие люди находятся в том или ином сообществе, каков их возраст, сфера интересов и так далее. И проанализировав, можно попытаться найти нужные слова именно для данного сообщества, доступно и понятно ответить их на вопросы.

Как «упаковать» Интернет-миссию?

В этом смысле почти все миссионерские проекты — журналы, книги, другие СМИ, неплохо выполняющие свои функции в реальном мире, переходя в интернет-пространство, совершенно перестают там работать. Например, я не считаю, что наш сайт [Foma.ru](http://foma.ru) — это сильный миссионерский ресурс. Оказываясь в сети, журнал «Фома» тут же невольно переключается на аудиторию, глубоко запутавшуюся в религиозных

проблемах. Причем эти люди могут быть как сторонниками, так и противниками Церкви, но все же это очень узкая среда, которую притягивает сайт, и он перестает быть интересен той аудитории, к которой мы действительно хотим обратиться и все-таки пробиваемся в печатной версии «Фомы».

Намного более успешны те миссионерские интернет-проекты, которые созданы и «заточены» сразу под свою целевую аудиторию. Если глобальная сеть дает средства отследить проблемы и переживания людей, мы не должны упускать эту уникальную возможность. Например, у многих существует серьезная и насущная проблема — разрыв с любимым человеком. Пользователи интернета, у которых она появилась, набирают в поисковых системах соответствующие ключевые слова: «Разлука с любимым (любимой)» и пытаются найти информацию на эту тему. Используя технические возможности сети, можно легко посчитать, какой процент людей, пользующихся интернетом (а их миллионы) интересуются данной проблемой, для каких социальных групп она наиболее актуальна и, затем сделать так, чтобы в поисках ответа они пришли именно на твой ресурс.

И такой Интернет-проект уже существует, причем он никак не связан с деятельностью православных СМИ, а продуман и сделан фактически одним человеком — Дмитрием Семеником. Это сеть сайтов, но слово «сеть» здесь можно употребить в прямом смысле — уловление печалей и радостей человека по ключевым поисковым словам. Например, сегодня стало модным играть в очень опасные языческие игры, связанные с заговорами, пророчествами, гаданиями, порчей и т.д. В поиске того, как приворожить любимого, человек набирает слово «заговор» и попадает на сайт «Заговор.ру», однако неожиданно для самого себя сталкивается с тем, что ему предлагают не рецепт сеанса черной магии, а реальные истории и опыт людей, которые столкнулись с заговорами, экспертизу и оценки этой оккультной практики. Размещенные материалы заставляют человека всерьез задуматься, а надо ли вообще связываться с заговорами. Я был свидетелем, насколько сильно люди бывают потрясены увиденным и прочитанным, говоря, что больше никогда не станут этим заниматься, а многие пишут, что пойдут в церковь, помолятся за человека, которого хотели приворожить, хотя прямого призыва идти в храм на ресурсе нет.

Подобный путь миссии называется типологическим, когда за основу мы берем уже существующую привычную форму. Есть, например, формат интернет-радио или телевидения. Мы делаем то же самое, при

этом эстетически, идеологически и содержательно создаем совсем другой продукт, сильно отличающийся от таких же по форме светских проектов.

Самое главное (с этого, наверное, и начинается миссия), чтобы нецерковный человек в привычной для него упаковке получал новое содержание, информацию, которая была бы для него неожиданностью, а, возможно, и шоком. Но при этом материал должен быть подкреплён и тем, что является авторитетным для нецерковного человека, и личным опытом. Отклики на сайт «Заговор.ru» свидетельствуют, что очень эффективно «со своей колокольни» говорить на темы, которые интересны интернет-пользователям. Они хотели получить информацию по конкретному предмету — и получают ее, но вдруг обнаруживают, что им интересно, потому что сайт хорошо и живо сделан, им привычно, потому что там нет агитации и топорных материалов. Но главное, люди видят альтернативу греху, причем в той форме, в какой они привыкли получать информацию о том, как впасть в грех.

Зачастую создатели православных сайтов пугаются сравнения со светскими ресурсами. Но надо ставить вопрос иначе: хорошо ли, профессионально ли сделан тот или иной светский портал? Если да, то по формату он должен становиться примером для православных ресурсов.

Что касается содержания, которое «упаковывается» в привычную нецерковным людям форму, здесь нужно видеть, какие вопросы наиболее важны для человека. Сайты Дмитрия Семеника отвечают вроде бы на локальные проблемы людей в узких группах, возникающие в разных локальных жизненных ситуациях, но на самом деле интересующие очень многих. Например, немалому количеству людей присущи суицидальные настроения, и они ищут в сети различные сообщества по своему «интересу», где бы им рассказали, как быстрее и лучше покончить с собой. Набирают ключевое слово и попадают в «сети» Дмитрия. А там интервью с судебномедицинским экспертом, рассказывающим, как он опознает трупы «героев».

После этого очень многие отказываются от суицидальных мыслей.

Православные Интернет-форумы: школа «междоусобной брани»?

Одна из главных проблем миссии в глобальной сети — подбор и привлечение грамотных авторов и экспертов. Именно поэтому, столкнувшись с этим и набив много шишек, «Фома» закрыл свой интернет-форум и старается ограничить и упорядочить общение на своем портале. Много, что пишется в интернете о Православии, в том числе и людьми, считающими себя церковными, представляет собой полнейшую ахинею.

Зачастую человек не утруждается проверкой фактов и ссылок, и если посмотреть большинство религиозных форумов, окажется, что дискуссии ведутся без серьезной проработки материала, к участию в них не приглашаются ведущие эксперты православного сообщества.

А между тем, участвовать в такой работе можно только на серьезных началах, имея колоссальный ресурс (человеческий, экспертный, финансовый и т.д.). Если его нет, на вопросы начинают отвечать все, кто считает, что имеет на это право. Хорошо, если в таких репликах есть хотя бы какие-то цитаты и ссылки, но зачастую человек несет отсебятину, не имея ни достаточного опыта общения, ни серьезного багажа знаний.

Более того, многие отвечают, даже не понимая, о чем, собственно, спрашивали и в чем проблема. Для того чтобы услышать суть, тоже требуется профессионализм, а когда люди не способны понять друг друга, их диалог перерастает в конфликт, связанный с ожесточенной (порой и нецензурной) руганью. Горько наблюдать, когда на какой-то серьезный вопрос приходят 200–300 откликов, но, несмотря на это, нормального ответа нигде нет, зато есть «междоусобная брань» или увод разговора совсем в другую сторону.

Лидерство в таких дискуссиях захватывают либо харизматики, которым, видимо, некуда деть свободное время, либо совсем уже болящие люди, либо безработные, получившие неограниченный доступ к компьютеру. Для них ругань в интернете становится главным смыслом существования. На мой взгляд, кроме специализированных форумов (например, «Устав.ру» и т.д.) в современном Рунете не существует ни одной именно форумной площадки, где человеку был бы гарантирован ответ серьезных экспертов на его не менее серьезный вопрос. Для этого необходимо создавать справочную службу, но таких ресурсов пока нет. Конечно, на многих сайтах существуют разделы: «Вопрос священнику», где можно оперативно получить ответ, но ведь священник — не обязательно эксперт в какой-то специализированной области знаний и в данном случае не выражает мнение Церкви, а говорит лично от себя, высказывает собственное мнение, и это надо четко различать. Форумы же в большинстве своем полезны для знакомства, но вредны с точки зрения качества информации, которую получают их участники. Как правило, она непрофессионально подобрана, подана или может оказаться вообще недостоверной.

Кроме того, всегда находятся «захватчики форумов» — люди, проникающие туда со своими навязчивыми идеями, никого при этом не слу-

шающие, и ты, как модератор, вынужден выгонять их с форума, замыкать его и «площадка» начинает мелеть. А если не принимать жестких санкций к «захватчикам», форум превращается в скандальную помойку, где проповедуют все кому не лень. В какой-то момент мы поняли, что в состоянии профессионально отвечать только за качество материалов журнала «Фома» (причем даже там бывают досадные ошибки), поэтому извинились перед пользователями нашего сайта и закрыли форум, объяснив, что мы не можем платить хорошим экспертам, которые отвечали бы на вопросы на настоящем серьезном уровне и, одновременно, на доступном языке. Сейчас вопросы решаются, что называется, «в частном порядке» – возможностью личного присутствия в интернете редакторов и обозревателей журнала «Фома», к которым можно обратиться с той или иной проблемой. Но такое присутствие зависит уже от их свободного времени, потому что главные усилия у нас естественно направлены на ежемесячное печатное издание.

Подводя итог этой теме, думаю, что православные форумы не нужны, если только это не внутрицерковный ресурс, например, для тех, кто занимается милосердным служением, церковным Уставом, кухней и т.д. Возможно, я говорю предвзято, исходя из личного отрицательного опыта. Но ведь форум – это фактически ежедневное средство массовой информации. Правда, в таком случае надо посадить на него нескольких редакторов, журналистов, экспертов-богословов, священников и т.д., платить им деньги за то, чтобы человек получал внятную и четкую информацию в ответ на свой вопрос, чтобы жестко пресекалось любое хулиганство и некорректность. Но главное, чтобы люди видели: обратившись сюда, они обязательно получают что-то очень важное. В православном Рунете я пока что не встречал таких форумов. Так что тема остается открытой...

Вечный кризис?

Одна из основных проблем миссии в интернете – финансирование. Глобальная сеть, конечно, позволяет экономить деньги, но если перед нами стоит цель создавать качественный продукт, а не просто пускать пыль в глаза, православные ресурсы, как и любые светские СМИ должны собрать журналистскую команду, внештатных авторов, экспертов, предложить им достойную зарплату, гонорары, вкладывать деньги в хорошее программное обеспечение сайта, его дизайн. Сейчас, тем более на фоне кризиса, у нас все построено не просто на благотворительности,

а на небольших личных пожертвованиях частных лиц, которые в основном дают маленькие суммы. Естественно, серьезных задач с такими средствами не решить.

Если глобальная сеть представляет собой элемент современных СМИ, то это требует профессионального отношения к своей работе. Но средства в интернет-миссию никто вкладывать не спешит, потому что ее не продашь и не сделаешь большой бизнес (если, конечно, портал не перешагнул какой-то гигантский порог посещаемости). Когда жертвователь дает деньги на журнал, а потом держит его в руках, у него есть ощущение продукта, и выделять средства на это легче. Интернет же нельзя подержать в руках, потрогать, и благотворитель задается вопросом: неужели там так трудно обойтись «малой кровью»? Поэтому православная интернет-миссия в основном ведется на энтузиазме, и здесь возникает проблема: для того, чтобы написать, ответить на вопрос, дать серьезный экспертный комментарий, человеку требуется время, а время — это жизнь, на которую, в свою очередь, требуются деньги. На миссии их не зарабатываешь. Круг замыкается. Человек не может трудиться восемь часов в день по заказу интернет-ресурсов, не получая взамен средств к существованию. Поэтому миссионерские интернет-проекты очень много теряют, работая на энтузиазме, ведь энтузиасты зачастую в меньшей степени профессионалы, чем те, кого бы позвали работать за деньги.

По той же причине — отсутствие регулярного финансирования — в православный интернет с большим опозданием приходят новые технологии, но, безусловно, они нужны. По аудио, видео, сложным мультимедийным проектам мы явно отстаем от светских ресурсов, и пропасть с каждым днем только увеличивается. Видимо, преодолеть это можно только совместными усилиями. Кстати, отдельные прецеденты уже есть: недавно сайт журнала «Нескучный сад» скооперировался с интернет-проектом «Православие и мир». Очень важно укрупняться и соединяться ради дела, в том числе и ради внедрения новых технологий, однако часто это не получается в силу разницы позиций, несостыкуемости проектов, чисто человеческого эгоизма и тщеславия, когда люди руководствуются логикой: «пусть маленькое, но свое». Но если не объединяться, мы обречены вечно топтаться на месте, распыляя свою целевую аудиторию, которая, даже если и попадает в православный Рунет, просто не знает, к кому подойти в этой «стране лилипутов».

Возможно ли появление православных интернет-проектов, которые будут не просто зарабатывать, но и приносить прибыль? Пока в Руне-

те на этом уровне никто еще не работает. Не знаю, сколько времени люди инвестировали в западные христианские сайты, прежде чем они начали давать прибыль, но стоит обратить внимание, что на Западе многие государства дают большие преференции благотворителям, при этом среди жертвователей-протестантов существуют очень жесткие понятия, что давать нужно не меньше чем десятую долю, т.е. десятину. Я думаю, среди православных большинство не придерживается не то что десятины, но даже «сотины», кроме того, в России жертвы бессистемны и непрозрачны. На Западе же благотворительность законодательно связана с системой налогообложения. Но если православный человек, пусть даже пока и без законодательной поддержки, имеет возможность превратить свои пожертвования в инвестиции, то это, безусловно, даст результат.

Например, если тираж «Фомы» достигнет ста тысяч экземпляров (сейчас 36 тысяч), то просчитано, что это будет прибыльный проект. К сожалению, сегодня о таких тиражах приходится только мечтать.

Новости и аналитика в православном Рунете

В интернете люди видят массу новостей, так или иначе связанных с христианскими идеями. Вброс материала идет через светские СМИ, которые сегодня активнейшим образом работают в глобальной сети. Но со стороны церковной среды человек не получает быстрого и адекватного ответа на них. Нет реакции и на новости, напрямую не касающиеся христианства, но актуальные для всех, хотя, будь эта реакция оперативнее, мы собрали бы на православных ресурсах огромную аудиторию и многое выиграли в миссионерском плане.

Действительно, в православном Рунете плохо развит новостной формат. Но мне кажется, не потому, что в церковных СМИ работают непрофессионалы. Начнем с того, что в этой системе объективно просто не существует пока нормальных, технически подготовленных «площадок», способных не только найти, но и «пробросить» информацию через голову крупных масс-медиа. Вот близкий мне большой пример и, хотя он касается печатного издания, в равной степени актуален и для интернета. Номер «Фомы» с темой о кончине Патриарха вышел почти одновременно с еженедельными (не ежемесячными, а еженедельными!) светскими изданиями, посвященными как раз этому событию. Естественно, что информация в православном издании была и более объемная, и, как мне кажется, намного более качественная, чем в популярных еженедельниках. И читатели с этим согласились — «Фому» раскупили и в светских, и в церковных розничных сетях еще до Нового года.

Спрос был, заказы были, журнал просили... А у нас не было средств допечатать его... Мы просто не охватили ту аудиторию, к которой могли бы дойти, должны были донести такую тему.

Потом вышел хороший номер «Нескучного сада», на фоне, когда уже не было истерии и можно было говорить спокойнее, появляются и будут еще выходить публикации в газетах и журналах. Но и вместе нас недостаточно. Люди и дальше станут «выбирать» наших конкурентов, пока, наконец, не увидят, что мы (не мы – «Фома», а мы – церковные газеты и журналы) всерьез и надолго заняли свою нишу в рознице и в состоянии продержаться на рынке, что именно через нас они вовремя и гарантированно получают основной массив информации (хотя бы только по церковной теме!), и при этом в течение срока продаж издание можно будет спокойно найти в киосках. Пока такое возможно лишь в теории.

Но я не думаю, что это вина церковных СМИ, и даже не беда, а объективная ситуация. Однако она на всех «давит» и, соответственно, снижает заинтересованность авторов интернет-проектов в актуальной (с точки зрения новостной политики) информации. Стратегического выхода, на мой взгляд, здесь пока нет, но можно сделать некий тактический ход, вытекающий из нынешнего положения дел. Если нет новостей, нужно стремиться к качественной аналитике, к работе по дезавуированию превратно поданных или попросту лживых новостей из светских источников и околоправославных «доброжелателей». Это мы делать просто обязаны, но тогда действительно не имеет смысла пытаться быть везде и всюду, тем более, когда людей в редакциях немного.

Мне могут возразить, что существуют православные сайты, там есть новостные ленты... Однако в глобальной сети точно такая же ситуация. Нет пока ресурса, чтобы напрямую «перебросить» новость широкой аудитории. Даже когда журналисты Интерфакса, РИАИ, телеканалов и пр. по какой-то причине «теряют» новостной повод, у них все равно хватает времени «забрать» его. Например, светские информагентства долго не решались опровергнуть слух о кончине Святейшего накануне объединения Русской и Зарубежной Православных Церквей, и наш сайт был первым местом публикации серии опровержений, однако по инерции большинство читателей ждали окончательного «приговора» именно из светских источников информации.

Другой пример, когда нам пришлось столкнуться с гигантским всплеском посещаемости на сайте «Фомы». Это произошло, к сожалению, в связи с грустным событием – смертью радиоведущего Геннадия Бачин-

ского. Оказалось, что только у нас есть его очень искреннее и смелое покаянное интервью, данное за год до смерти. Он говорил о том, почему его не радует собственная карьера, признавал, как вредно то, чем он долгое время занимался, делился мечтами о том, чем хотел бы заняться, очень честно рассказал о своем пути ко Христу и Церкви. За несколько дней на нашем сайте побывало около 50 тысяч (!) читателей. Для многих, в том числе и для друзей Геннадия, это было свидетельство огромной силы. Но все же такая посещаемость пока исключение из правила и случайное совпадение обстоятельств.

Конечно, в данной ситуации светские информагентства временно теряют часть аудитории, но стратегически все потом «отыгрывают».

Одной опубликованной нами новостью Интерфакс пренебрег, во время ее не забрал, зато потом перепечатывает без интерактивной ссылки целые статьи из «Фомы», и люди будут читать именно «интерфаксовский» или «риановский» мониторинг СМИ, а не нас самих. Протестовать бесполезно: они обидятся и скажут, что нас рекламируют, и пойдут поспорь...

Может показаться, что я просто предлагаю умыть руки – конечно же, нет. Во-первых, потому, что нельзя нам обольщаться тем, что светские СМИ сейчас в целом позитивно и более-менее часто пишут и говорят о Церкви. Возможна – всегда! – ситуация «одиночества в сети», когда возникнет молчание, когда искать правду будут только у нас. Как было с мнимой тогда еще кончиной Патриарха Алексия. И мы должны уметь шевелиться в этот момент и иметь опыт журналистов-информационщиков. Во-вторых, если работа остановлена, если готовность трудиться на этом поле не доказана делами, то информационные «площадки» расширяться не будут и ситуация никогда не изменится. В третьих, нужно все равно продолжать думать об иных, непохожих на светские, но качественных подходах к поиску и подаче не только церковных новостей, но и новостей общенациональных православной точки зрения. Это очень интересная и важная творческая задача, которая уже сама по себе вдохновляет. И, наконец, нужно стараться церковным людям – ради собственного же будущего! – прекращать стесняться пропускать вперед «своих». А то получается, что «свой» вечно останется в загоне и когда понадобится его помощь, будет уже поздно...

В изоляции или «Вконтакте»

Часто можно услышать, что все проблемы православного Рунета происходят от его самоизолированности, самодостаточности и замкнутости.

Я думаю, это отчасти справедливо, но здесь надо иметь в виду, что многие светские интернет-сообщества так же замкнуты и самодостаточны.

Это не всегда плохо, хотя бы потому что иногда необходимо общение в кругу единомышленников, приобретение новых связей и знакомств.

Лично для меня очень важно наличие в сети православных сайтов, которые дают специализированную информацию, не интересную для нецерковного человека. Если посмотреть на посещаемость таких ресурсов, нетрудно понять, насколько они сильно востребованы. Количество воцерковленных пользователей глобальной сети очень велико и многие их интересы может удовлетворить только интернет. Иногда в «реале» очень трудно достать нужную книгу, получить интересующую информацию, и я очень благодарен тем православным порталам, которые предоставляют все это, дают оперативные комментарии по различным церковным проблемам, создают видео и аудиоархивы, ведь православные теле и радиопередачи существуют как бы сами по себе, очень разрозненно, и плохо фиксируются. Для многих людей интернет-версия какого-то православного печатного издания — единственный способ его найти, ведь тираж может быть давно продан и стал библиографической редкостью.

Проблема в том, что у нас очень мало ресурсов, где происходит общий со-творческий процесс, взаимное общение с нецерковными людьми. На миссионерском поле существует некий вакуум: недостаточно интернет-площадок, которые вдохновлены Православием, но одновременно являются общедоступными, привлекающими большое количество людей, далеких от Церкви. В этом смысле одна из самых удачных идей — создание церковных (или околоцерковных) групп внутри крупных светских социальных сетей. На мой взгляд, лучшим здесь является аналог американской сети Facebook — российский портал «ВКонтакте». Достаточно сказать, что на этом ресурсе сообщество «Православие» включает в себя более 35 тысяч человек. Естественно, это не означает, что абсолютно все они активно общаются, но цифры и серьезность тематики сообщества впечатляют. Кстати, аудитория друзей «Фомы» здесь сильно отличается от той, которая оставляет комментарии под статьями на нашем сайте, и общение на портале «ВКонтакте» мне нравится намного больше, чем разговоры на интернет-ресурсе нашего журнала.

Антимиссия: где прячутся вредители?

Но есть и обратная сторона проникновения церковных людей в светские сети, да и интернет-миссии в целом, когда она может приносить ре-

альный и немалый вред. Очень часто люди пытаются заниматься миссией и одновременно решать внутрицерковные проблемы, совмещать миссионерство с внутриправославной полемикой, проповедовать Христа и звать людей в Церковь — и тут же лихо отплясывать на костях своих оппонентов, которых человек сам же себе и создал. Увлекаясь полемикой между собой, мы совершенно забываем о том, что мы христиане, демонстрируя все ту же светскую мораль, логику и систему поведения, пытаясь сыграть в поддавки с языком и манерами мира сего.

Мы видели это недавно, когда в интернете во всю шла кампания по выборам Патриарха Московского и всея Руси. В этот момент были совершены серьезные ошибки, к сожалению, пока не признанные нашими крупными миссионерами, а ведь они проповедают вхождение в Церковь и любовь к ближнему, одновременно устроили грызню между собой и обливали грязью священноначалие. Можно и нужно быть открытыми, серьезно говорить о недостатках церковных, но предел такому разговору есть.

За ним начинается абсурд, который видят нецерковные люди. В итоге человек, вместо ответа на свой вопрос, лишний раз убеждается, что «и в Церкви все не так». Поэтому больше, чем мы сами себе вредим, никто навредить нам не может.

Еще один опасный момент, касающийся не только интернет-миссии, но проявляющийся в сети с особой силой. Немало людей, называющих себя миссионерами, в своих материалах начинают делить Церковь: с одной стороны стоит он и группа его сторонников, а с другой — все остальные — еретики, отступники, богоборцы, исчадья ада и т.д. Это попытка «миссионериться» (по-другому подобное явление сложно назвать) за счет самоутверждения, возвышения себя над другими, к сожалению, иногда характерна даже для самых крупных и талантливых миссионеров современной России, активно действующих в интернете. Меня это очень расстраивает, потому что вносит глубокое противоречие в братскую обстановку и единство Церкви. Возможно, в первый момент, давая какой-то положительный эффект, такая проповедь в итоге приводит в храм людей, убежденных в том, что Церковь — это еще одна партия, которая состоит из фракций, и приходят туда, потому что понравился лидер того или иного партийного течения. Но ведь в Церкви люди приходят к воскресшему Христу, а не к лидеру фракции, пусть даже и облаченному в священный сан.

Для православной интернет-миссии, безусловно, существует опасность дойти до абсурда, но начинается он не с создания виртуальной

интернет-часовни, а с реальной православной ярмарки, когда храмы и монастыри конкурируют из-за записок, и зазывая народ, говорят: «у нас крепче и надежнее молитва, у нас благодатнее горят свечки» и т.д. Но самое страшное в православной интернет-среде — это попытка соединить несоединимое. Люди считают себя православными, регулярно ходят в храм, причащаются и т.д, но складывается впечатление, что они не знакомы с ключевой заповедью Христа: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга; По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 3, 34–35). Мы очень часто проходим мимо этой новой заповеди, и от уныния спасает лишь мысль о том, что Христос предупредил нас, сказал об этом, потому что знал: мы такими и будем — проходящими мимо Евангелия. Но при этом мы все-таки проповедуем...

Любовь, так же, как грех и абсурд, не в форме, а в содержании, в сердце. Когда там нет Евангелия, нет сокрушения о себе самом, если ты думаешь, что все понимаешь, а все кругом дураки, когда ты забываешь, что если ты не согласен со своим братом, он тем не менее не перестает им быть, — ты становишься жестоким и проповедь твоя становится «пустышкой». И как бы ни было тяжело миссионеру (чаще всего это затрепанные от «своих»), нужно всегда держать в уме и сердце основной принцип апостольской миссии: во второстепенном пусть будут разномыслия, но в главном — единство и любовь.

Призвание, № 3

Олеся Николаева

Миссия художественной литературы

Прикровенное свидетельство

Я думаю, что художественная литература имеет некоторое педагогическое значение, но она воспитывает прикровенно и косвенно. В эпоху Просвещения (а потом в советские времена), наоборот, считалось, что, создав положительного литературного героя, на его примере можно воспитывать человека. Но «правильный» Стародум из «Недоросля» выглядел занудой и резонером, а фанатичный Павка Корчагин заставлял вспоминать строку Багрицкого «гвозди бы делать из этих людей». Очень остро ощущалось, что эти образы тенденциозны, искусственны и выдуманы лишь для утилитарных педагогических целей.

Наверное, уже тогда я поняла, что связь литературы с воспитанием человека гораздо более тонкая. Хорошая литература (как и культура вообще) не навязывает определенные стереотипы поведения в обществе, а воспитывает вкус, оттачивает зрение, учит замечать связь вещей, проникаться художественной идеей, эстетически выстраивает душу и, если воспитывает, то в каком-то высшем значении этого слова.

Здесь, мне кажется, уместнее говорить об эстетической убедительности литературы в большей мере, чем о ее идеологической суггестивности. Но ведь обращение святой равноапостольной княгини Ольги в православие тоже носило прежде всего эстетический характер. По преданию, когда святая Ольга приехала в Константинополь, к ней приступили разнообразные миссионеры, представители разных религий: и католики, и иудеи, и мусульмане, рассказывая о своем учении. А она просто стояла на службе в храме Святой Софии, увидела красоту православного богослужения, и это показалось ей гораздо более убедительным, чем все аргументы религиозных учителей. И она приняла православие. Эту же эстетическую силу имел в виду Достоевский, когда устами своего героя утверждал, что Красота спасет мир.

Мое религиозное обращение чем-то напоминает путь моей святой покровительницы к вере. Мои родители были нецерковные люди, хотя они и почитали Христа — настолько, насколько это было возможно в среде советской интеллигенции. Папа был писателем и очень хорошо знал евангельские и библейские сюжеты (кстати, в детстве бабушка сумела его окрестить, а мама, к сожалению, была некрещеная, я потом, будучи уже взрослой, принимала участие в ее крещении). Когда мне было семь лет, отец взял меня с собой в командировку в Ленинград и там повел по музеям. Мы были в Исаакиевском соборе (который тогда был музеем), в Русском музее, в Эрмитаже, и везде он мне объяснял сюжеты картин и икон. Сейчас я понимаю, что первый момент моего обращения в православие состоялся именно тогда, в Исаакиевском соборе и Эрмитаже. То, что отец рассказывал о Христе, когда мы стояли перед картинами «Рождество», «Снятие с Креста», «Тайная вечеря» «Избиение младенцев», «Страдания святого Себастьяна», «Распятие апостола Петра», произвело на меня огромное воздействие, я сразу уверовала, что именно все так и было, что Христос есть истинный Бог, ставший человеком, распятый и воскресший. Мое личное обращение произошло, с одной стороны, через это благовестие моего нецерковного отца, а с другой — под впечатлением от икон и западноевропейской живописи.

Еще одно мистическое впечатление детства, связанное с влиянием культуры на мою веру, связано с тем же Ленинградом. Я помню, как тогда же дедушка повел меня в театр на спектакль Товстоногова «Идиот». Князя Мышкина там играл Иннокентий Смоктуновский, а Евгений Лебедев играл Рогожина. Опять же, не могу объяснить этого рациональ-

но, но я почувствовала, что этот трогательный и несусветный князь имеет отношение к «самому главному, что есть в жизни»: ко Христу.

Поэтому мое личное обращение ко Христу было связано именно с культурой. Это были очень сильные эмоциональные переживания и, хотя не сразу после этого я пришла в Церковь (просто не было человека, который бы меня туда привел, как не было его у евангельского расслабленного, лежавшего у купальни Вифезда), но уверенность в том, что Христос есть Истинный Бог, и у меня с Ним есть какая-то связь, и что я к Нему могу обращаться, потому что Он мой Заступник, Спаситель и Утешитель, у меня осталась уже навсегда.

Поэтому, я думаю, что в культуре есть та красота, прикоснувшись к которой, душа преображается. Именно в этом смысле литература (как и культура вообще) имеет некое миссионерское и педагогическое значение, ведь она может изменить весь душевный строй: человек, который прочитал хорошее художественное произведение, выходит из него совсем в ином, преображенном состоянии. И, напротив, вульгарное чтиво опустошает и обезволивает душу.

Церковная и светская литература

Господь разными путями приводит человека к вере, может приводить и через культуру. Я думаю, что любой большой писатель вам бы сказал, что главное в литературе — это художественность. Как ее определить? Но это именно она придает жизнь произведению. Писатель умирает, а его книга продолжает жить, более того, в ней открываются все новые и новые смыслы. И это происходит потому, что писатель выступает в своем произведении только как некий соработник и проводник Божий. Ведь талант был ему дан Господом (хотя, конечно, писатель принимал участие в росте и умножении таланта). И очень часто именно этой, художественной частью своей души, автор знает гораздо больше, чем рациональным сознанием.

Я вообще считаю, что почти вся русская художественная литература по своей сути православная, если не понимать это слово в узкоцерковном смысле, потому что собственно церковная литература — это жития святых, литургическая поэзия, гимнография, гомилетика и т. д. Церковь, прежде всего, свидетельствует о Боге, а литература светская говорит нам о человеке, и это совершенно разные установки. Предметом светской литературы является человек, падший человек, но который создан все же по образу и подобию Божию. Тертуллиан заметил, что «всякая душа по

своей природе христианка», и настоящая художественная литература соприкасается с этим образом Божиим в человеке.

Если писателю действительно удастся передать человеческий характер, который неповторим (хотя у него есть и нечто такое, что присуще всем людям); если писатель в своем произведении честно следует за живой логикой этого характера, за его развитием; если автор не навязывает герою свою идеологию, не заставляет его жить по каким-то своим законам, такая литература вполне может истолковываться в христианском ключе. С антропологической точки зрения, мы становимся свидетелями того, как «Господь гордым противится, а смиренным дает благодать», и того, что неупорядоченная душа сама несет в себе наказание. С точки зрения аксиологической, литература участвует в творении художественных ценностей. С точки зрения онтологической, настоящая литература утверждает бытие как таковое, бытие как творение Божие. Во всех этих смыслах литература поучительна.

Меня смущает, когда русских классиков, исходя из их идеологических установок, начинают делить по сортам: вот это православные писатели, а это — неправославные. Мне бы не хотелось ни от кого отказываться. В самом движении русской литературы для православного сознания важно все: даже то, что отпадение Льва Толстого от Церкви сопровождалось стремительным оскудением его художественного дара.

Есть писатели и поэты, которые открыто исповедывали Христа в своих произведениях, но есть такие, которые впрямую не отвечали на вопрос: «Како веруеши?». И тем не менее и у них есть духовные прозрения, от которых невозможно отказаться. На лермонтовского «Демона» есть лермонтовский же «Ангел» и «Когда волнуется желтеющая нива», да много чего есть, бесценного, на блоковских «Двенадцать» есть вот это, чудное:

Свирель запела на мосту
И яблони в цвету,
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую высоту,
В такую глубину.

Я бы здесь и Соллогуба с его «Мелким бесом» не отвергала — какое пророчество о мутациях русского характера, какой страшный портрет, какой точный диагноз: еще немного, и мы начнем узнавать этот обе-

збоженный образ, этого одержимого соллогубовского Передонова среди большевиков... Хотя эта вещь была написана не только до большевистского переворота, но и до революции 1905 года.

Я бы и Ходасевича отнесла к православным писателям. Какая тоска по преображенному миру, по его Спасителю, когда жизнь без Бога ощущается как безраздельная пошлость! Поэт мучительно ищет и находит контуры мира небесного, Божьего в мире падшем:

И лишь порой сквозь это тленье
Вдруг умиленно слышу я
В нем заключенное биенье
Совсем иного бытия.

Итак, я не сводила бы православную литературу исключительно к тем писателям, которые ставят акцент на своей церковности, как, скажем, Иван Шмелев или Борис Зайцев. А у нас, кажется, даже Николай Лесков под вопросом. Ну разве он — не православный писатель? Конечно, я знаю, что его многие не любят за то, что порой его образы клириков далеки от житийных изображений. Однако и они написаны с любовью. Его православный мир — живой, яркий, богатый, талантливый, чуждый и бесовского уныния, и бесовской серости. И разве лесковские герои («антики») не встречаются и по сей день в нашей жизни, поражая нас устойчивостью русского характера? И разве по-детски нелепый дьякон Ахилла у Лескова — не настоящий праведник? И разве реалистические «Соборяне» и «Мелочи архиерейской жизни» писатель включил в книгу написанных им же вполне традиционных «Житий»?

Мне кажется, не нужно чураться («чур меня! чур!») русской классики, не нужно загонять себя в какую-то этнографическую нишу, как это делают сектанты. Есть сугубо церковная литература: жития, акафисты, каноны, а есть православная литература, которая может носить светский характер и к которой я отнесла бы все те произведения, где присутствует писательский талант.

Посмотрите, самый светлый христианский герой русской литературы (о житиях пока не будем говорить) — это пушкинский Петруша Гринев — человек, чистый сердцем, прозрачный для слышания воли Господней, чуждый смуты и ропота и исполненный упования на Божие милосердие. При этом в романе ничего нет о том, что Петруша ходит в храм, молится... И тем не менее, это очевидно: Пушкин написал именно православный характер — светлый и праведный, в литературном отношении — образцовый.

С целомудренным и добродетельным Петрушей не может сравниться даже Алеша Карамазов, также один из самых светлых героев русской литературы. «Бунт» Алеши, эти его сомнения в праведности старца Зосимы, эта его колбаса, съеденная в пост, поход к соблазнительнице Грушеньке — вот честная дань писателя правде характера своего любимого персонажа, который еще не готов к постригу. Но мы ли осудим Алешу?

Злоключения Петруши Гринева заканчиваются тихим безмятежным житием, честным браком. Воистину — «праведник яко феникс процветет». Никому, кроме Пушкина, с такой достоверностью не удалось этого написать. А вот другой герой Достоевского, быть может, самый лучший из его персонажей — князь Мышкин — заканчивает тихим помешательством, не выдержав безумия этого мира. Писательское чутье не позволило подарить блаженному князю семейное счастье с Аглаей Епанчиной.

Но что же происходит с героем светской литературы в отличие от героя литературы житийной? В житиях нам дан образ святого, то есть уже очищенный, заверченный, преображенный. Можно сказать, что, так же как и на иконе, в житии мы видим не лицо человека, а его лик. А вот портрет дает уже некоторый психологический, индивидуальный облик личности. Так же происходит и в художественной литературе, ведь она имеет дело с характером человека, с его становлением, развитием, возможностями, изъянами, страстностью, и ее нужно оценивать не как икону, а как портрет.

Один мой знакомый иерей Божий ставил в укор Достоевскому, что его Зосима не может идти ни в какое сравнение со старцем Амвросием Оптинским, с которого тот был написан (существует версия, что — со святого Тихона Задонского, но в данном случае это не так важно). Так вот, этот священник был и прав, и не прав. Прав он был с той точки зрения, что жизнеописание старца Зосимы у Достоевского, конечно, «не тянет» на житие, и житийный преподобный Амвросий или святитель Тихон не сопоставимы с романским старцем. А не прав он был в том, что художественные задачи Достоевского были совсем иные: в житии была бы и немислима глава «Скандал», вся эта сцена у старца, столь живая, динамичная, подлинная, пророческая, трагическая и смешная одновременно. И в самой своей фантазмагоричности, очень реалистичная: что ж, чем реалистичнее писатель, тем более невероятными кажутся его сюжеты.

Злаки и плевелы

Войдя в Церковь, я столкнулась с очень серьезными сложностями в своем творчестве. Дело в том, что когда ты погружаешься в литературную работу, когда в тебе зарождается некая художественная идея, то она начинает действовать на тебя, как некая власть. Ты уже как бы не вполне сам от себя говоришь (пишешь), а она, эта идея (или этот образ) берет тебя в оборот, увлекает и захватывает, притом в самые неподходящие моменты. Но как же узнать, что это на меня наплывает, то ли это, что называется вдохновением, или козни лукавого?.. И я стала в каких-то своих стихах искусственно прерывать этот процесс и специально вносить туда что-то «духовно надежное» — евангельскую цитату, эпизод, поучение и т. д., хотя и чувствовала, что в художественном отношении это разрушает стихотворение как нечто целое, делает его более плоским, рациональным.

С этой проблемой я пошла к митрополиту Антонию Сурожскому (это происходило в Москве, в 1988 году). Я сказала, что чувствую радость, когда приходит вдохновение, когда я слышу внутри себя то, чего до этого не знала, но мне страшно, и поэтому некоторые темные углы я стараюсь закрестить и умышленно вставляю что-то благочестивое. Он очень серьезно меня слушал и вдруг говорит: «Не смейте этого делать! Вы все портите! Вспомните, в Евангелии есть притча о злаках и плевелах. Вспомните, как поле засадили добрым семенем, но пришел лукавый и посеял среди них плевелы. Работники рассказали об этом хозяину поля и сказали: «хочешь ли, мы пойдем, выберем их?» (Мф. 13, 28), но он ответил: «Нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы» (Мф. 13, 29). И вот в тот момент, когда вы начинаете искусственно заменять то, что вы хотели написать, чем-нибудь общеизвестным и общезначимым, то, может быть, вы как раз повреждаете злаки. Оставляйте все, пускай там будут даже плевелы, и уже не ваше дело судить все это».

Я приняла эти слова владыки Антония как некий ключ к пониманию и жизни, и литературы. У нас есть только Единый Безгрешный — это Господь. А литература, конечно, неизбежно зацепляет плевелы в характере человека, но она их не выдергивает, чтобы не повредить злаки и не выхолостить живой образ. Литература дает нам человека в его становлении и странствии, в искушении и борьбе, в немощи и в силе, в падении и покаянии, она раскрывает художественную идею личности и судьбы, она являет и греховность падшего человека, и его стремление к святости,

к Живому Богу, поэтому литературе особенно удаются яркие, бурные и противоречивые характеры. Человек дан со всеми частностями, которые его окружают, однако, в хорошем произведении нет ничего случайного и немотивированного: все исполнено художественной целесообразности. И в этом смысле литература напоминает нам о премудром Промысле Божиим, для которого нет ничего необоснованного и случайного. И я думаю, что если делать жизнь какого-нибудь святого предметом художественного произведения, если описывать путь к святости, которая никому не достается без духовной битвы и кровопролития (ибо «пролей кровь и получишь дух»), то в такой книге неизбежно будут и драматические характеры, и крутые сюжеты.

Миссия истинная и ложная

Сейчас времена религиозного перелома, многие люди пришли в Церковь, стали ходить в храмы, причащаться, ездить по монастырям, писать о православии. Некоторые благочестивые христиане задались целью проповедовать свою веру посредством художественных образов. И здесь есть опасность того, что миссионерская цель порой становится самодостаточной, и художественное произведение подгоняется под эти миссионерские рамки. Тогда художественная форма выступает в качестве некоего служебного, оформительского придатка. Я считаю, что это очень большая ошибка.

Приведу пример такого «миссионерского произведения». Недавно одна моя знакомая, выпускница Литературного института, православная молодая писательница дала мне прочитать рукопись своего романа. Она решила написать его специально с целью обращения потенциально читателя в православие.

Главная героиня пришла к Церкви. Теперь она считает своей обязанностью всем — и на службе, и в своем подъезде, и даже в общественном транспорте — проповедовать православие. Для этого она запасается евангельскими цитатами, преимущественно с апокалипсическим звучанием, и то и дело бьет ими своих сослуживцев, соседей и просто первых встречных. Особенно достается ее неверующему жениху-художнику. Героиня его обвиняет даже в том, что в качестве платы за искусство была отсечена голова пророка и Крестителя Иоанна, что производит на молодого человека настолько сильное впечатление, что он решает постричься в монахи. И эта благочестивая особа, хотя ей и жалко терять жениха, выказывает благородное понимание: «Ну что ж, видно, Господу ты нуж-

ней!» И все кончается тем, как она — уже по истечении лет — приезжает в большой монастырь, и там возглавляет службу благообразный игумен, в котором она узнает своего бывшего жениха, и она думает о том, что никто из людей в этом храме и в целом монастыре, а, быть может, и на целом свете и не догадываются, глядя на ее скромный облик и простенькое пальтецо, что это именно благодаря ей сияет теперь на церковном небосклоне этот праведный пастырь.

Честно говоря, образ этой неистовой миссионерки получился довольно зловещим, если не пародийным: где бы она ни появлялась, везде звучит нечто вроде: «Горе вам, смеющиеся ныне...» или «Горе вам, порождения ехиднины», как будто сам факт того, что она ходит в церковь, уже гарантирует ей привилегированное положение обличительницы и учительницы жизни, жесткой в своих инвективах³, не терпящей возражений и назидательно-горделивой. Ни живой черточки, ни собственного словца, ни подлинного чувства — хоть бы поплакала, что жених сбежал от нее в монахи! Но — нет, ни слезинки не появилось на этом каменном застывшем лице... И опять — вместо душевного потрясения — одни цитаты. Правильные. Замечательные. Из святых отцов.

После прочтения этой рукописи я честно сказала этой благочестивой писательнице, что, если бы я с ее героиней встретилась перед моим крещением, то мой приход в Церковь оказался бы тогда проблематичным. Я бы просто решила, что в церкви принято так лютовать и резонерствовать, что это в порядке вещей, и очень бы испугалась. Потому что меня всегда пугали всякого рода комиссары и комиссарши со всякими рескриптами и резолюциями. Слава Богу, что к тому времени, когда я прочитала роман, я уже знала, что хотя подобного рода персонажи порой и встречаются в церковной ограде, они не только не характеризуют церковную жизнь, но и воспринимаются в ней как нечто, само требующее врачевания.

Я думаю, что такие книги опасно давать для чтения, особенно нецерковным людям. У них сразу складывается отрицательный образ православия и верующего человека, потому что подобные произведения достигают эффекта, обратного тому, на который рассчитывал благочестивый автор. И, к сожалению, подобных сочинений сейчас достаточно на прилавках православных книжных магазинов.

Рациональное начало, полагающее главные свои интересы вне художественной ценности, может загубить произведение: оно всегда слишком тенденциозно. Порой так, к сожалению, и происходит с нашей

«миссионерской» прозой. Я считаю, что проще и плодотворнее обработать талантливого прозаика в православие и дать ему полную свободу творчества, чем из православного миссионера сделать хорошего прозаика. Лучше если каждый занимается своим делом, к которому он призван: проповедник проповедует, учитель учит, а писатель с Божьей помощью пишет.

То же самое и с поэзией. Человек пришел в церковь, его душу переполняют евангельские образы, литургические песнопения — он чаёт поделиться этими чувствами, безусловно очень значительными, излить их на бумаге, он пересказывает евангельские сюжеты, в его стихах появляются слова: храм, крест, лампада, икона, молитва. Ему кажется, что уже одно это должно обеспечить ему круг читателей-единоверцев. Но тут-то и скрыта ловушка: всегда есть риск подменить выражение своего собственного уникального опыта и поэтической интуиции некими религиозными знаками, которыми автор сигнализирует о своей причастности к великой реальности Церкви.

Чтобы быть услышанным...

Однажды я слышала, как владыка Антоний на лекции для будущих пастырей в Московской духовной семинарии говорил, что проповедник должен обращаться, прежде всего, к глубинам своей собственной души. А если он будет говорить о том, что его самого не трогает и от чего не загорается его сердце, если он будет говорить только от своего знания, от своего представления о благочестии и назидательной пользе, то такая проповедь малодейственна, она просто не дойдет до сердец слушателей.

Действительно, мы заражаемся словами проповеди, когда чувствуем, что человек, произносящий ее, сам переживает каждое сказанное слово. Она может быть очень незамысловатой, но все равно тронет и преобразит сердце слушающего. А если говорить на ученом языке и исключительно цитатами, то никакой проповеди не получится, а будет лекция. Поэтому, чтобы быть услышанным, проповедник должен обращаться к той общей для всех глубине, на которой, действительно, все мы являемся многогрешными братьями и сестрами. Точно также и писатель, если ему самому не интересно написанное, если он сам ничего нового не узнает, а пишет исключительно для того, чтобы кому-то что-то объяснить, преподать полезное поучение, то хорошего произведения не получится. Книга выйдет унылой и серой, потому что, если ее автор сам не горит, сам не светится, то он и не сможет никого зажечь и осветить.

Миссионерская литература

Оговорюсь, что миссионерская литература (причем очень хорошая) безусловно существует. Она создавалась людьми, носившими в себе «избыток сердца», которое не может удержать в себе живой церковный опыт. Но она занимает особое место и не претендует на то, чтобы называться, собственно, художественной литературой. Это, прежде всего, свидетельства: документальные книги, дневники, письма, книги воспоминаний о выдающихся пастырях Церкви, о монахах-подвижниках, о старцах. К такой подлинно миссионерской литературе относится прекрасная книга «Отец Арсений», и, между прочим, именно она отличается сугубой литературной обработкой. Книга выстроена как череда воспоминаний духовных чад выдающегося пастыря (есть мнение, что прототипом отца Арсения послужил архиепископ Афанасий (Сахаров)), а написана неким литературно одаренным человеком (к сожалению, имя автора неизвестно), — живая, пронзительная, духоподъемная.

Огромное впечатление произвела на меня блестяще написанная, глубокая, в то же время остроумная книга воспоминаний архимандрита Киприана (Керна) о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре).

Только что появилась замечательная миссионерская книга «Непридуманные рассказы о чудесах», написанная благочестивой женщиной, по фамилии Запарина, дворянкой по происхождению. Она просто записывала те чудесные истории, которые происходили на ее веку и с ней, и вокруг нее. Не так давно вышла книга монахини Н. «Дерзай, дочь» — яркая, непосредственная, свежая, умная. Прочитав, я купила еще несколько экземпляров, чтобы дарить другим. Ее написала, как говорят, некая игуменья, пожелавшая остаться неизвестной. Вот это, действительно, миссионерская литература — литература личного духовного опыта, живого свидетельства, а когда начинают смешивать миссионерское служение с чисто литературным, когда литературу делают подспорьем для миссионерства, получается порой не только низкохудожественно, но и соблазнительно для читателя.

Евангелие — это высшая художественная реальность

Особый разговор — это попытки создания художественных произведений о Христе. Я считаю, что все подобные эксперименты провалились и всегда будут проваливаться по многим причинам. И одна из них — в том, что само Евангелие оригинально и образцово, оно написано на

высочайшем художественном языке и превзойти этот язык невозможно. Да, Библия — это священная Книга, Пратекст, но это и величайшее художественное произведение, это воистину Книга Книг. Библейские пророки (и через них Сам Бог) говорят на языке величайшей поэзии. Сам Спаситель говорит на языке искусства. Его притчи — это язык образов, чистый художественный язык. Он оказывается гораздо более понятен и самому простому, и самому умудренному слушателю. Но, несмотря на кажущуюся простоту, посмотрите, до каких умозрений воспаряют умы богословов, святых отцов, когда они начинают толковать эти притчи!

Почему Господь порой выбирает для проповеди язык художественных образов, язык искусства, поэзии? Может быть, потому что этот «иноязык» обращен не только к рациональному уровню понимания, но ко всей полноте человека и воздействует не только на сознание, но и на весь «энергийный образ». Поэтическое слово «энергийно», оно уже само по себе есть образ, оно не буквально, при этом оно одновременно и зримо и звучно, оно воздействует и своим звучанием, и своим ритмом. Господь в своих проповедях обращается к некоторым чисто поэтическим приемам: повторы, метафоры, гиперболы, сравнения. Здесь уместно напомнить, что некоторые святые отцы толковали грехопадение как вступление на путь исключительно рационального познания, плоского житейского ведения: плоды, сорванные человеком с древа познания добра и зла, не только принесли человеку расколотость его естества, но подчинили его игу причинно-следственных связей, поставили под ярмо необходимости и долженствования.

Это рассудочное познание восхваляла западно-европейская философия, а Гегель так прямо называл райского змия благодетелем человечества. Рассудочное богопознание — это неотъемлемая часть современного западного христианства, традиция, идущая от католицизма, а оно, в свою очередь, заимствовало эту идею из античности. Ум считается божественной принадлежностью, поэтому умом человек может приобщаться к божественной сущности. А вот у преподобного Исаака Сирина мы читаем нечто абсолютно противоположное. Он пишет о том, что рациональное ведение «противно вере», именно в нем «насаждено древо познания, искореняющее любовь», и нет ничего опаснее, чем принятие его как единственного пути познания, потому что на нем нет места живому Богу.

Тысячелетиями цепь этих законов была неразрушима, и лишь когда в человеческую жизнь входит Бог, то дедуктивно-рассудочный метод мо-

ментально рассыпается (хотя и на время) перед Божественным явлением. Все знают, что человек не может остановить солнце на небе, а Иисус Навин, этот Божий избранник, остановил солнце над Гаваоном. Человеческое ведение и все физические законы говорят, что по водам ходить нельзя, но Петр верою ходил по водам, пока не усомнился. Господь опрокидывает земное, «плотяное» сознание падшего человека словом, в котором навечно соединены реальность и смысл.

Художественное мышление сродни вере, ибо и оно освобождает от этих жестких причинно-следственных связей необходимости и долженствования, потому что художественное произведение творит новую реальность и устанавливает иные связи. Это реальность, прозреваемая сквозь наш эмпирический мир. И в какой-то мере, это «обличение вещей невидимых».

Теперь что касается романов о Христе. Если это переписывание Евангелия, то с какой целью? Зачем? Если это попытка воспроизвести некое «авторское видение» Священной Книги, то тут есть очень большой риск: если мы меняем хоть одну черточку («иоту») в Евангелии, то совершается нечто, подобное метафизическому перевороту: например, чуть-чуть меняем образ Иуды (вспомните писателей, которые пытались найти в своих произведениях какие-то оправдательные мотивы для его поступка, вроде того, что, якобы, апостол Иоанн Богослов пылал к Иуде ревностью, почему и назвал его вором), то сразу же искажается образ Самого Христа, ведь в Евангелии все взаимосвязано.

Но кто из больших писателей может взять на себя дерзость перетолковывать евангельские события? Ну Лев Толстой, так он за это и заплатился писательским даром. И, наконец, чье писательское перо рискнет поспорничать с художественным совершенством Благой Вести?

Художественное произведение и мораль

Существует много православных людей, которые боятся любой модернизации православия, боятся, как бы не произошло размывания границ между Церковью и миром. Это, между прочим, произошло с католичеством, от чего оно понесло большой урон. Лет 40 назад на знаменитом II Ватиканском Соборе католики решили модернизировать Церковь — сократили мессу и распахнули двери всем: посмотрите, мы такие же, как вы, широкие и терпимые, мы ничего от вас не требуем, никаких обязательств на вас не накладываем, только приходите в храм и поминайте папу... В конце концов это, наоборот, повлекло массовое охлаж-

дение и даже отступничество. Европейские храмы стоят пустые, их приходится сдавать в аренду под ночные клубы, кафе и рестораны, никто не хочет учиться в крупнейших католических училищах, не хватает католических священников. Ситуация понятна: зачем людям нужна такая Церковь, которая ничем не отличается от мира, где они живут?

Я понимаю пафос людей, которые охраняют границы православной Церкви от размывания, находясь на страже церковных традиций, но эту ситуацию нельзя автоматически проецировать на искусство и литературу. Не все в литературном произведении поддается рациональному анализу. И не из всего, как это бывает в басне, можно извлечь мораль.

Раздумывая над этим вопросом, я вспоминаю слова Христа: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Мф. 6, 28–29). И вот здесь можно спросить: почему? для чего? зачем? Зачем Бог одевает так «траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь» (Мф. 6, 30)? Разве это не бессмысленно с нашей человеческой, житейской точки зрения? Или, как вслед за Иудой спрашивали ученики про миро, которое Мария вылила на Господа, – «к чему такая трата?» (Мф. 28, 8).

Ответ на этот вопрос будет оправданием художественного творчества: Бог творит так, потому что Он – Бог-Творец. Он творит так, как хочет: «творит Бог елико хочет». И Сам оценивает, что это «добро зело», «хорошо». Этот творческий импульс онтологически заложен и в человеке. Поэтому православно все, что есть настоящая литература, ибо она свидетельствует прежде всего о творении Божиим. Православно все, что открывает человека навстречу Богу, что оживляет в нем чаянье Царства Небесного. Православно все, что не противоречит Божией любви, свободе и истине. А безбожное произведение неизбежно оказывается плоским, вымороченным и никчемным. Но в подлинной литературе всегда обнаружатся и знаки, и любовно украшенные полевые лилии, и те силовые линии, по которым можно отыскать вечный Пратекст.

В этом и есть, в высшем смысле, миссионерская роль литературы.

*Беседовали Роман Маханьков и Екатерина Литовченко
Призвание, № 3*

ПРАКТИКА ОГЛАШЕНИЯ

Протоиерей **Геннадий Фаст**

«Идите, научите все народы, крестя их...»

Опыт оглашения Успенского собора г. Енисейска
Красноярской епархии

За последние двадцать лет Церковь в России значительно выросла и окрепла. Но и сегодня по-прежнему остро стоит вопрос о том, как научить основам веры людей, приступающих к святому крещению. В Сибири одним из старейших центров катехизации является Успенский собор г. Енисейска.

Камушек куда кинешь, туда и полетит. Что правильно и удачно началось, то и дальше как-то лучше происходит. Как войдешь в церковь, так и жить в ней будешь. Крещение — врата церковные. В наше время эти врата порой одиноко стоят в чистом поле, которое есть мир (ср. Мф. 13, 38), и прошедшие через них оказываются там же, где и были. Врата в Никуда. Как же приладить их к храму, чтобы для вошедших в них мир оказался за дверьми, а сами они — в доме Божиим? Многие пастыри, да и вся Церковь ищет ныне эти пути.

Вот скромный опыт, далеко не идеальный, но ради Христа совершаемый в городе Енисейске и приходах Енисейского благочиния Красноярской епархии.

В 1983 году в Енисейске было принято решение, во исполнение слов Господа нашего Иисуса Христа, учить народ, приходящий ко крещению. Крещаемым было предложено прослушать несколько бесед о вере. Количество таких бесед никогда не было строго регламентировано и содержание их также. Зависело это больше от оглашаемых, чем от священника.

Не разрабатывалась четкая катехизическая система. Чаще всего это было 6–8 бесед, иногда меньше, в зависимости от обстоятельств. Главная задача – достучаться до сердца, чтобы человек, услышав слово благовестия, обратился ко Христу, решился отложить ветхого человека и ступить на путь новой жизни. Всего не расскажешь, поэтому оглашенным до крещения предлагается самостоятельно прочитать дома хотя бы одно Евангелие. Иногда рекомендуется Евангелие от Марка, как самое краткое и написанное рельефным, красочным языком. Кроме того, оглашенные должны выучить молитву «Отче наш» и Символ веры. С молитвой все справляются, а вот Символ учиться трудно, догматические формулы воспринимаются нелегко.

В первой беседе священник больше спрашивает, чем говорит сам. Это вопросы о значении крещения и мотивации его принятия.

Очень часто представление о крещении у пришедших было далеко от евангельского, православного. Иногда ответы интуитивно верные, но четко не осознаваемые. Хотят креститься, потому что в роду все крещеные; ради здоровья, чтобы меньше болеть; чтобы иметь охрану, некое ограждение и опору в жизни; чтобы быть ближе к Богу; чтобы «бабка» взялась лечить... Кроме явно нелепых ответов, как лечение «бабки», катехизатор стремится в каждом варианте ответа находить не неправильное, а правильное, и направлять человека уже к евангельскому пониманию. Почти никогда не встречается у вновь приходящих желание получить прощение грехов и изменить образ жизни. Для того, чтобы это донести это, и нужны беседы.

Огласительные беседы и далее подходят больше на диалог, чем на лекцию или урок. Длительность одной беседы, как правило, два часа.

После первой беседы следует беседа о Боге. Все дальнейшие темы не дают результата, пока у человека не появится понимание греха и осознание своей собственной греховности.

Лучше всего удастся донести это через подробное обсуждение декалога, десяти заповедей Божиих. Этому посвящаются две-три беседы. Только после этого у человека появляется готовность к восприятию христианских истин. На этом этапе очень уместна первая исповедь или исповедальная беседа с оглашенными. Они открывают свою душу, и порой выявляются явные грехи, в которых человек живет и иногда вовсе не собирается с ними расста-

ваться. Это может быть, например, блудное сожителство. Духовник направляет человека и направляет его к оставлению грехов. Если грех является прямым нарушением Божией заповеди, как блудное сожителство или занятие оккультизмом, то человек предупреждается, что крещение совершается «во оставление грехов» и креститься он может только после прекращения этого своего греха.

Беседы продолжаютсЯ далее: о Христе как Сыне Божием и нашем Спасителе, о Церкви, о таинствах, об основах христианской жизни. Потом проводится предкрещальная исповедь во исполнение слов апостола Петра: покайтесь, и да креститсЯ каждый из вас... для прощения грехов (Деян. 2, 38). ВыявляетсЯ проделанный духовный труд подготовки к крещению, оставлена или нет греховная жизнь.

Исповедь совершается, естественно, не как таинство. Оглашенному говорится, что прощение грехов он получит от Господа в святом крещении.

Оглашенным предлагается в период оглашения посещение богослужений в храме. Им объясняется, что они присутствуют только на первой части Литургии (Литургии оглашенных), за которой они молятся, слушают чтение Священного Писания и проповедь.

Имеется практика «главопреклоненную молитву» над оглашенным произносить над головами, для чего они подходят к амвону и после этого удаляются. В храме начинается Литургия верных. Характерно, что в храме колонии строгого режима оглашенные, удаляясь с Литургии верных, не расходились, но, дождавшись окончания службы, участвовали потом в общем чаепитии.

Первая группа оглашенных состояла из одной женщины. Вот она и была нашим «начатком» (см.: 1 Кор. 16, 15). Потом стало ходить больше и больше людей, а со временем и весьма много. За почти тридцать лет в связи с изменением обстановки в стране приток крещаемых и, соответственно, оглашаемых то возрастал, то убывал.

При большом количестве крещаемых возникла проблема. Группа набрана, прошли одна-две беседы, а приходят новые люди. Им что, целый месяц ждать? Решение было разумным. Создавалось несколько групп, когда два священника и диакон вели каждый свою группу. Бывало, часть огласительных бесед вели пономари — послушники. Одно время часть бесед вела монахиня, жившая при храме. Потом возник другой способ решения этой проблемы — метод «циклической перестановки». Четко определены шесть тематических огласительных бесед, по одной каждую неделю. На любой неделе человек может присоединиться. Он может начать, допустим,

с четвертой беседы и далее участвовать в остальных, а закончит свое оглашение третьей беседой. Не лучший способ, но достаточно приемлемый и снимающий напряжение долгого ожидания начала беседы.

Крещение совершается для всех только полным погружением.

Когда я приехал в Енисейск в 1983 году, встал вопрос: в чем крестить? Как и везде в то время, в храме была только детская купель. Во дворе церковном стояло несколько бочек. Одна была красивая, чистая, из оцинкованного железа. Вот она и стала купелью на семь лет, пока не удалось построить крестильню с хорошей стационарной купелью. А та бочка потом еще долго служила купелью в тюрьме. Часто можно услышать, что нет возможности крестить полным погружением. Возможность всегда есть, а вот желание это делать бывает не всегда. Ведь даже в советские времена и то ставили купола на храмах и иконостасы. Сделать купель не сложнее. И вовсе парадокс, когда строится специально крестильня, а купели для погружения в ней нет. Прямо уха без рыбы.

Нередко крещение совершается в реке, в Енисее или притоке его Кеми, чаще же на нашем святом месте – Монастырском озере близ Енисейска (20 километров). Крещение в естественных водоемах бывает чаще летом, но иногда и в любое другое время года. Бывает крещение и зимой в проруби – это уж если человек сам этого очень хочет. Крещение в реке или озере всегда особое событие. Особое переживание и для священника, который тоже входит в воду. Крещаемые с самого начала стоят в белых рубашках, в них и погружаются. Младенцы в этом не нуждаются, крестятся без ничего. Крестик возлагается на новокрещенного еще в воде. По выходе из воды происходит облачение в крещальную рубашку.

Во время крещения каждое священнодействие поясняется священником, и крещаемые вполне воспринимают все над ними совершаемое. Обеты отречения и сочетания крещаемые и восприемники осознано произносят сами, ни в коем случае, чтобы кто-то произносил за них. Символ веры крещаемые произносят сами (хором), для этого им дается красиво оформленный лист с текстом Символа, чтобы это было исповедание веры, а не проверка их памяти. Также никогда никто не произносит Символ веры за крещаемых. Все «Господи помилуй» крещаемые поют сами. Через это складывается общая молитва таинства священника и крещаемых. Освящение воды совершается непременно при каждом крещении. Использование ранее освященной воды никак не оправдано.

При храме имеется книга записи крещаемых. Все новообращенные вносятся в эту книгу. Книга записи ведется уже 15 лет.

Существует практика раздельного совершения «чина оглашения» и «чина крещения». Однако это делают только некоторые священники, и то не всегда, а по обстоятельствам.

Иногда крещение совершается с участием всего прихода. Это бывает не часто, но это были очень вдохновенные службы не только для крещаемых, но и для всей церкви. Некоторые прихожане потом в сердцах говорят: вот бы сейчас еще раз покреститься, но... такого не бывает! Крещение возвращается «из частной требы» в дело всей Церкви.

Потом происходит Литургия, на которой новокрещенные впервые участвуют, как верные и новопросвещенные чада церкви. Рекомендуется неделю после крещения всюду ходить в обычных, но белых или светлых одеждах. По окончании первой Литургии новокрещенные подходят к амвону, священник произносит им наставление, вручает свидетельства о крещении и приветствует их как чад церковных, так же и прихожане, подходя, приветствуют их как своих во Христе новых братьев и сестер.

Огласительные беседы посещают как сами крещаемые, взрослые и отроки, так и родители (хотя бы один из них) и восприемники детей. Посещать огласительные беседы приглашаются и невоцерковленные молодые люди, просящие венчание своего брака. С ними проводится отдельная пастырская беседа, относящаяся к теме брака. Бывало, что и новообращенные, но с детства крещенные люди также изъявляли желание прослушать огласительные беседы. Для крестившихся при их желании огласительные беседы сменяются участием в приходских воскресных библейских беседах.

При многих возникающих трудностях в деле оглашения, оно приносит радость и катехизаторам, и оглашенным, и приносит свои добрые плоды. В перспективе хочется достичь большего участия прихожан в деле оглашения и большего участия оглашенных в приходской жизни, а также совершение крещальной Литургии, благословенной еще Святейшим Патриархом Алексием II.

Отдельный вопрос о приезжающих из глубинки. Таковым предлагается либо малое оглашение, состоящее из меньшего числа огласительных бесед, либо заочная подготовка. Дома они самостоятельно читают Евангелие, учат молитвы, а потом, приехав, исповедуются и принимают крещение.

Многие прошедшие оглашение стали верными чадами Церкви, а иные ступили и на путь священнослужения, и не мыслят его без исполнения слов Господа нашего и Учителя Иисуса Христа о научении народа при его крещении.

Протоиерей **Андрей Елифанов**

Добре пасти стадо Твое

Не так давно в храм пришли креститься трое. Старший, парень лет 18 обрадовал меня серьезным отношением к Таинству. Я не был удивлен, увидев его в следующее богослужение на исповеди. Видно, что крещению предшествовала серьезная работа души. Молодой человек знал молитвы, понимал смысл богослужения. Очень отраднo было видеть такой подход к Православию.

Что же касается двух младенцев, то ситуация была удручающей. Родители явно не дотягивали даже до аморфного уровня «захожан». Крестных (мужчин) у мальчиков просто не было (нет, они были, мне назвали их имена и сказали про их согласие быть крестными, но в храме их не было. Верить же на слово я не привык, потому как в стремлении получить желаемое люди часто идут на невинный, с их точки зрения, подлог) а крестная... Крестная заявила, что она регулярно ходит в храм. Посмотрев на ее заштукатуренное и расписанное граффити лицо, я усомнился в этом и спросил, когда же это было в последний раз. Оказалось, что на Богоявление. А на Пасху, оказалось, пойти в храм «не получилось». Спросил, знает ли она какие молитвы? Знания ограничились молитвой Отче наш, состоящей из коктейля церковно-славянских и русских об-

рывков этой короткой молитвы, рассказанной (прочитанной — не могу сказать) со странным притоптыванием ногой. На мой вопрос, как она собирается духовно наставлять деток в вере, она мне ответила, что «Бог должен быть в душе». Это было последней каплей, преисполнившей мое терпение.

Далее последовал мой монолог, сводившийся к 3 пунктам:

1. Пришедшие крестить своих чад, равно как и восприемница — не христиане, а христианизующие язычники. Их «вера в душе» не имеет ни малейшего отношения к Православию. Максимум, что они могут дать детям, это приводить их в храм ко Причастию, но, видя частоту посещения ими храма, я сомневаюсь, что это принесет их чадам пользу.

2. Крестить людей, которые не собираются быть христианами я не имею права, назвать подобное можно только симонией, то есть покупкой благодати Божией для использования ее в нехристианских целях. Подобное для священника есть преступление и карается лишением сана.

3. Желающие покрестить своих детей должны либо сами пройти курс катехизации (хотя бы в форме бесед со священником) либо же послать на этот курс восприемников. Можно, конечно, взять в кумовья уже воцерковленных людей, но при этом обеспечить этим людям возможность духовного воспитания детей.

Превысил ли я свои полномочия как священника? Мое мнение, что нет. Власть «вязать и решить» дана не одним только епископам, но и священникам. Если веры у человека нет, то и крестить его нельзя. Детей мы крестим по вере «приносящих». Но если веры у них нет? Точнее, вера имеется, но какая вера? Вера в порчу-сглаз, магические свойства нательного креста и молитв. Очищающую от порчи способность свечей и святой воды. Вот такая вера у язычников, которые предполагают, что они христиане.

Противники моего мнения могут сослаться на практику советского времени и на массовое крещение в Иерусалиме после Пятидесятницы.

В советский период само желание крестить было более серьезным решением, нежели в настоящее время. Конечно, серьезных познаний в вере у родителей и восприемников зачастую не было, но было другое. Было некое исповедничество. Как многие из христиан периода эпохи гонений раннего христианства не имели твердых познаний в догматике, так и родители детей эпохи последних гонений не имели подобных знаний. Но было стремление прийти самому и привести к вере своих детей, невзирая на неизбежные гонения, узнай кто об этом событии.

Поэтому такое исповедничество имело большое значение. В наше время, когда возможность получить начальные познания в Православии совершенно незатруднительно, сознательное нестремление к этому выдает безразличность к христианству и несерьезный подход к таинству крещения.

Иерусалимская община была создана преимущественно из иудеев, вера которых была близка к христианству. И крестившиеся после первой апостольской проповеди не покинули эту общину, а остались в ней. В случае с крещением «захожан» мой 16-летний опыт священнического служения и 26-летний опыт пребывания в Церкви показывает, что число воцерковившихся из тех, кто без должной подготовки пришел креститься не превышает 1%. При этом я не встречал священника, который при крещении не говорил бы длительное слово назидания крещаемым.

Встречаются рассуждения о некоем «генетическом фонде» русских, не позволяющем именовать народную массу язычниками и отказывать им в крещении. Но, простите, о генетическом фонде могут рассуждать ученые, а не священнослужители. Этот термин вне христианского мировосприятия, хотя бы потому, что он вне христианской традиции. И что такое «генетический фонд», делающий из человека христианина? Тогда, вообще, зачем креститься, да и участие в евхаристической жизни Церкви не нужно. Ибо, получается, что христианство и членство в Церкви передается наследственно. Политеизм, значит, тоже. Бедные христиане первых веков, они и не знали, что современными пастырями им отведена роль «генетических язычников».

Но как же быть с младенцами? Знает ли практика Церкви крещение детей в нехристианской семье «для галочки» без дальнейшего, хотя бы и минимального, наставления ребенка в вере при вхождении в сознательный возраст. За исключением частных случаев, мне подобное неизвестно. Вопрос же о посмертной участи некрещенных младенцев, насколько мне известно, поднимается Межсоборным Присутствием. Но однозначного осуждения на вечные мучения таковых детей Церковь не знает. Как и однозначное спасение по самому факту крещения. Страсти человека — основное препятствие ко спасению. Но разве младенец бесстрастен? Хитрость, склонность к обману, сластолюбие и прочие страсти родители замечают за своим чадом еще в первые годы его жизни. Так что утверждать поголовное спасение детей я бы не стал.

Последнюю проблему, которую мне хотелось бы поднять, я вижу в двух утверждениях. Возможна ли молитва о некрещенных? Возможно

ли для них спасение? Церковь в своей молитве об оглашенных однозначно показывает, что молитва о тех, кто стремится к Православию, но еще не принял таковое в таинстве крещения, возможна, допустима и даже необходима. А сонм мучеников, так и не крестившихся водою, но крещенных Духом, доказывает, что спасение без обряда (но не таинства) крещения вполне возможно. А вот неверующим, хотя и крестившимся, сказано, что они «осуждены будут».

В свете вышесказанного, опираясь на практику, введенную в Московской и в других епархиях, хотелось бы заключить, что порочная практика крещения без предварительной катехизации должна отойти в историю, как не оправдавшая себя за почти 20-летний эксперимент. Методика катехизации должна определяться главой общины, то есть епископом, но священник, как пастырь своего «малого стада» обязан пасти его верно, не допуская профанации таинств до уровня обрядности. Ибо за это дадим строгий ответ на Суде.

Православие и мир, 19.07.2010

СЛОВОМ И ДЕЛОМ

Константин Мацан

Поход должен продолжаться

Воронежские православные студенты во главе со священником устраивают миссионерские байдарочные походы: спускаются по рекам, останавливаются в деревнях, беседуют с жителями, дарят им христианскую литературу, служат молебны в разрушенных храмах... Кому эти походы нужны больше: жителям деревень или самим участникам? Как сделать так, чтобы сплав по реке не остался для студентов просто «православной тусовкой», а стал бы шагом к более глубокому воцерковлению? И где молодому человеку, вдохновившемуся таким походом, продолжить путь к вере и в вере «на берегу»? За ответами на эти и другие вопросы корреспондент «Фомы» отправился в Воронежскую и Борисоглебскую епархию.

В православной среде сегодня отношение к миссии типа байдарочных походов — неоднозначное: дескать, «такие миссионеры приедут в деревни, раздадут книжки, поболтают — и уедут, а в людях ничего не изменится». Но признать такие миссии бесполезными тоже было бы неправильно. Они необходимы, чтобы зацепить человека, но являются лишь первоначальным миссионерским усилием — миссия не может сводиться только к этому. От байдарочного похода важно перейти ко второму этапу — встретить челове-

ка на пороге храма и показать, что такое жизнь в Церкви. Но и здесь возникает трудность: порой человек с энтузиазмом погружается в обряды, но по-прежнему очень приблизительно представляет себе основы православного вероучения. Здесь необходим третий шаг — постепенная и глубокая катехизация. Опыт миссионерского отдела Воронежской и Борисоглебской епархии — это попытка выстроить именно такую иерархию миссии: от речных походов как общения друзей — к церковной жизни, а через это — к постижению веры.

Спасти по крайней мере некоторых

С байдарочных походов миссия начинается не случайно. Воронеж — город студенческий: на миллион человек населения здесь больше пятидесяти вузов, а около десяти процентов воронежцев — учащиеся. Оно и понятно. Исторический статус столицы Черноземья всегда обеспечивал Воронежу большой приток молодых людей, желающих получить высшее образование. Сюда ехали и продолжают ехать со всей бывшей Воронежской губернии: из Курска, Тамбова, Липецка, Белгорода. Конечно, некоторые предпочитают перебираться в Москву или Санкт-Петербург, но то большинство, которое остается, формирует колоссальный процент населения. Во многом поэтому Воронеж можно с полным правом назвать городом молодых. А это, в свою очередь, создает необходимость поиска особых форм проповеди Евангелия среди молодежи. Речные походы стали одной из таких форм.

Пять лет назад отец Александр Домусчи собрал своих молодых прихожан и отправился с ними на лодках по реке Ворона. Вскоре участники освоили и другие воронежские реки: Битюг и Хопер.

Перед байдарочным походом отец Александр ставит нетривиальную — в каком-то смысле стратегическую — задачу: воспитать миссионера. Именно поэтому задумка с самого начала нацелена на молодежь.

— Самое главное для меня в этих походах — это миссионерство среди самих участников, — говорит отец Александр, — попытка вырастить активных христиан из них. И в конечном счете — научить их свидетельствовать о Христе.

По ходу маршрута студенты во главе со священником заходят в деревни, чтобы пообщаться с местными жителями и, может быть, подарить им книги: Евангелие и разнообразные брошюры о Таинствах. И первое, чему при таком общении учится миссионер, — это сталкиваться с отторжением. И понимать, что твоего слова — как, впрочем, и тебя самого, — очень часто здесь не ждут.

В очередной деревне в двух домах студентам просто не открыли дверь, в третьем категорично заявили: «Уходите! В нашей деревне вообще нет верующих». Только одна старушка оказалась гостеприимной.

— Но ради встречи с этой старушкой стоило пройти по всей реке — вспоминают участники похода. — Во всей деревне мы оказались полезны только ей. Но зато слова апостола Павла — Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых (1 Кор 9, 22) — для нас как будто ожили.

Когда-то у этой женщины была большая семья: муж и две дочки. Но муж стал инвалидом. Тогда вся тяжесть семейного быта легла на плечи матери, которая очень рассчитывала на помощь старшей дочки. И, видимо, переоценила ее силы. Не выдержав, старшая дочь повесилась.

Позже в город уехала и младшая дочь. Женщине пришлось одной содержать хозяйство, а «добрые» соседи сказали, что за старшую дочь молиться нельзя.

Молодые люди привели заброшенный участок в порядок: вынесли мусор, убрались и подмели в доме. Дом отец Александр освятил. Но еще православные студенты во главе с батюшкой рассказали бабушке, что Церковь — вопреки устоявшемуся стереотипу — молиться за самоубийц разрешает: просто нужно молиться не в храме за богослужением, а келейно — у себя дома, перед иконой. Для матери, потерявшей дочь, это «открытие» стало утешением.

А для студентов — школой того, что миссионер на своем пути обречен сталкиваться с человеческими трагедиями. И к этому нужно быть готовым.

— Миссионер должен воспринимать чужие беды, как свои, — говорят участники похода. — И встреча с одинокой бабушкой дала это ощутить. Любая миссия начинается с сострадания...

Миссионерство — внутрь себя

...А продолжается миссия порой трудом. Например — таким, как стереть хулиганские надписи со стен полуразрушенного деревенского храма.

В ином случае попытаться облагородить заброшенную церковь — это уже миссионерство. Участники похода выявили закономерность: к православным относятся с опаской в тех деревнях, где нет действующих храмов. Там просто не привыкли видеть перед собой людей, для которых храм — не чуждое место. Неутешительная статистика такова: из шести сел, стоящих на реке Битюг, церковь, где регулярно совершаются богослужения, есть только в одном. В остальных — храмы так и стоят полуразрушенными.

— Когда в русской деревне настроенно относятся к человеку, открыто заявляющему о своей православной вере, — это ненормально, — говорит отец Александр Домусчи. — В такой ситуации попытаться вдохновить местных жителей на восстановление храма — один из аспектов миссии.

Чтобы для деревенских людей их храм «ожил» хотя бы в воображении, «байдарочные» миссионеры собирают жителей и служат в разрушенной церкви молебен.

Четыре года назад так было и в селе Чигла Анненского района. После молебна священник долго беседовал с местными жителями о том, как восстанавливать церковь. На какую сумму рассчитывать, с чего начинать строительные работы, к какому диалогу с местной администрацией быть готовым.

Спустя четыре года отец Александр снова оказался в Чигле и увидел: храм и вправду начали восстанавливать. Там, где раньше было несколько дыр, напоминающих незаконченный котлован, сегодня лежит ровный бетонный пол. На стенах не осталось хулиганских надписей: стирать их начали еще студенты, а потом местные жители довели дело до конца. В храме теперь новые металлические окна и двери. Жители укрепили фундамент новой кладкой кирпича.

Но дальше этого дело, как видно, не пошло: на месте куполов по-прежнему дыра, внутри навалены доски, бывшие когда-то строительным материалом. Житель деревни Владимир Владимирович, возглавлявший восстановительные работы, рассказал, что, по самым скромным подсчетам, для реставрации церкви нужно двенадцать миллионов рублей. До кризиса жители всерьез рассчитывали эту сумму раздобыть. Но кризис эти планы подкосил. Поэтому восстановление застопорилось.

— Мы пытаемся найти спонсоров даже сейчас, — рассказал Владимир Владимирович. — Но то, что раньше казалось посильным, сегодня стало затруднительным. Особенно для сельской местности...

Впрочем, по мнению отца Александра Домусчи, важно, что сделан первый шаг:

— Те, кто стал восстанавливать храм, начали правильно — укрепили пол и фундамент. По крайней мере, разрушение храма удалось остановить. А значит, есть надежда, что со временем церковь оживет.

По словам православных студентов, история церкви в деревне Чигла открыла им важную вещь: результат миссионерства может быть крошечным — его трудно потрогать или оценить материально. Но от этого он не перестает быть результатом.

— Мы, конечно же, понимаем, что наш поход не изменит в одночасье жизнь тех, с кем мы общаемся, — говорят участники похода. — Но в своих поступках христианин не должен рассуждать: «Смогу я что-то кардинально изменить или не смогу, и если не смогу — то и браться не буду». Логика другая: «С христианской точки зрения, нужно это делать или не нужно, и если нужно — то вперед и с Богом». Мы убеждены, что нужно. И делаем, что можем.

Я спросил у отца Александра:

— Ребята так вдохновенно говорят о христианских поступках. А Вы как наставник ожидаете, что поход станет полезен не только жителям деревни, но и самим его участникам?

— С этой точки зрения, поход для них не должен остаться только походом, то есть посиделками у костра, разговором с местными жителями и уборкой заброшенных церквей, — ответил священник. — У христианина должно быть четыре столпа жизни: Таинства, молитва, Священное Писание и нравственное поведение по Евангелию. Пребывание в среде православных сверстников должно помогать ребятам укрепиться именно в этом направлении. Это самое главное. Если же спуск по реке останется просто «православной тусовкой», радостным времяпрепровождением, то большого смысла в нем нет. Поэтому миссионерский поход должен продолжаться у каждого из его участников — но теперь уже внутри себя самого.

Работу бабушек выполняют девушки

Такой поход молодые воронежцы могут продолжить «на берегу» в достаточно необычном месте. Дело в том, что в Воронеже существует «молодежный» приход. Разумеется, возрастного ценза там нет. Просто настоятель Богоявленского храма, при котором родилась община, иерей Дмитрий Шишкин — глава молодежного отдела Воронежской епархии.

Вновь пришедшему молодому человеку в этот коллектив легко войти: здесь его сверстники, а потому в каком-то смысле все свои. Это важно — на фоне того, что нового человека в нашей церкви иногда встречает подозрительно настроенная бабушка.

— Наши «церковные бабушки» — это наши девушки, — смеется отец Димитрий. — Поэтому и за свечным ящиком у нас регулярно сидят молодые прихожанки, и за подсвечниками следят они же. И получается так: приходит молодой человек, не знает, как свечку поставить. А ему об этом спокойно рассказывает его ровесница. Рушится барьер — и начинается общение.

Молодые люди шутят, что это — неплохой способ познакомиться. Оно и понятно. На сегодняшний день в «молодежной» общине родилось уже три семьи.

При храме с молодежью ведется активная работа. Еженедельные встречи со студентами, просмотр и обсуждение кинофильмов, поездки в детские дома и дома престарелых, выпуск молодежной газеты, секция сектоведения, подготовка вожатых детских лагерей... Но, по словам здешних прихожан, то, что им дорого в жизни на приходе, — это не занятия и мероприятия. Это — богослужения, где твой сверстник — это твой сомолитвенник. И если в байдарочном походе для участников главным так или иначе остается человеческое общение, то на приходе центром становится — Церковь.

Так и только так миссионерский поход внутрь себя может продолжаться, — рассказывает студент Паша. — Разумеется, здесь радуется и просто братская теплота — как, например, во время трапезы или совместных занятий. Но важно разделять: где душевность и гармония, а где — духовный мир. Тут — спуск по реке, а тут — молитва в храме. И как ни крути, самая большая радость на молодежном приходе — это не совместные акции. Это — стоять всем вместе у одной Чаши.

Так в молодежном приходе начинается второй этап миссионерства — знакомство человека с жизнью внутри церковной ограды.

От акции к миссии

О том, что такая миссия, как байдарочный поход, не может быть просто напоминанием о Боге, но должна служить реальному воцерковлению, говорил и многократный их участник отец Стефан Домусчи:

— Байдарочные походы — это, конечно, хорошо, ярко, красиво и необычно. Но все-таки это — акция. А сегодня налицо серьезная опасность, что акции — фестивали, выставки, встречи — будут восприниматься как миссия, а ведь это подмена ее сути. Акции, как то, что заставляет задуматься, — только часть миссионерства, причем небольшая и уж точно не главная. А миссия должна быть более предметной. Это попытка не просто обратить внимание, заинтересовать, передать информацию, но ввести человека в церковную жизнь, чтобы она стала его жизнью.

По мысли отца Стефана, через байдарочные походы и активную приходскую жизнь в молодежном храме человека нужно привести к системному знакомству с православным вероучением. Так миссионерство вступает в свою третью — самую глубокую по иерархии миссии — фазу: собственно катехизацию.

Для этого при миссионерском отделе Воронежской епархии вот уже несколько лет работает Миссионерский центр. Там проходят лекции по богословию, множество групп изучают Священное Писание. И главное — бесплатные полугодичные огласительные курсы: люди здесь знакомятся с основами православного вероучения. Изначально эти занятия рассчитаны на людей, готовящихся принять Крещение. Но в реальности таких здесь — один-два на группу из шестидесяти человек. Большинство слушателей курсов — уже крещенные.

— В наших планах, — говорит отец Стефан Домусчи, — развить огласительные курсы до масштабов духовно-просветительского центра: с полноценными лекциями по разным предметам — от введения в Священное Писание до культурологии. Найти спонсоров, которые бы оплатили работу преподавателей. Найти священников и мирян, которые читали бы лекции по своим специальностям с четко проработанным методическим планом. И что важно — проводить эти лекции на бесплатной основе. Чтобы прийти мог каждый.

Фома, № 8, 2009

Анна Ершова

«Сделай сам» как принцип миссионерства

Миссионерство — это не словесные баталии или навязывание другим своей религии. Лучше всего рассказывают о вере человека его поступки. Милосердие, общественная активность и поддержание добрых отношений с соседями стали для Ставропольской и Владикавказской епархии главным способом проповеди Православия.

В Ставропольском епархиальном управлении многолюдно и шумно. Из большого зала слышны звуки струнных: там репетируют музыкальную программу к городскому празднику. В приемной владыки обычная очередь: утверждают проекты храмов, пишут планы семинарских мероприятий и даже сценарии общегородских торжеств. К полудню в соседний зал стекаются люди с камерами и микрофонами: сегодня пресс-конференция архиепископа Ставропольского и Владикавказского Феофана. Тесное сотрудничество со светскими СМИ — отличительная черта епархии. Журналисты уважают владыку, потому что он всегда открыт, готов дать комментарий по любому вопросу и умеет понятным светским языком объяснить сложные церковные вещи.

Архиепископ Феофан — вообще «специалист широкого профиля». Он вникает во все — от выбора оборудования для строительства храмов до

сложных политических переговоров. Благо, в епархии хватает самых разных дел, объединяет которые одно — все они так или иначе направлены на выполнение главной миссии Церкви.

— Миссионерство — в делах, — говорит владыка Феофан. — Чем больше мы делаем, тем больше и успешней наша проповедь. Строим храмы — хорошо. А приюты — еще дополнительное «хорошо». Суть миссионерства — показать, что вера, которую мы проповедуем, — привлекательна. Тебе нравится то, что я делаю? Отлично, делай как я...

Пожалуй, эти слова можно назвать основным девизом епархии.

В одиночку не справишься...

— Я сам в прошлом наркоман, шесть лет употреблял наркотики, — рассказывает Николай Новопашин, помощник руководителя отдела противодействия наркомании и алкоголизму Ставропольской и Владикавказской епархии. — И настал у меня в жизни такой момент, когда и колоться сил нет, и не колоться не могу. Я чуть не погиб тогда — но, видимо, Господь меня спас. Я уехал из дома в другой город, стал жить при храме. Но постоянно везде видел наркоманов. Я их по взгляду узнавал, по походке, по уголкам губ... И я начал подходить к ним и говорить: «Ну что, не устал? Иди к Богу. Есть Господь, поможет!». Я просто говорил им то, что сам пережил, подсказывал какие-то конкретные шаги. Ведь наркоман всегда хочет завязать, он все понимает! Когда уколется — раскается, просит прощения, «мама, прости, спер твою цепочку», плачет. А сердце ничего не чувствует. Это как Кай и Герда, он смотрит на нее, а сердце его ледяное. Наркоман понимает, что у него есть дети, жена, мать, что он умирает — но с утра просыпается, и все заново пошло. В общем, еще не было создано ни центра, ни отдела — а они липли ко мне — чувствовали, видимо, что мне это близко. Я стою в храме на молитве — а меня какая-нибудь бабка дергает за рукав, дескать, иди, там опять твои наркоманы пришли, сейчас стащат чего-нибудь.

В 2004 году в окрестностях станицы Темнолесской неподалеку от Ставрополя был создан Спасо-Преображенский центр по реабилитации наркозависимых. Вслед за ним на Ставрополье стали открываться второй, третий... сейчас в каждом крупном городе епархии есть филиалы Центра, консультационные пункты и телефоны доверия. Реабилитацию в центрах прошли 321 человек, из них 16 создали семьи, 182 устроились на работу, 24 получают высшее образование. Залог успеха здесь в том, что в наркоцентрах основную работу ведут сами бывшие реабилитанты.

— Реабилитация в центре — это полдела, потому что потом человек уезжает домой, и там начинаются главные проблемы. — объясняет Николай. — Кому они нужны? Все знают, что они наркоманы. Родственники не доверяют, на работу не берут. Старые друзья, дурная слава. А нас владыка благословил на создание Православного братства Святого Духа, и теперь мы уговариваем наших ребят остаться трудиться при братстве. Ты можешь быть водителем, столяром, администратором сайта — смотря какие у тебя есть навыки. В Темнолесской даже атаман станицы — наш выпускник. На территории центра ребята построили часовню, баню, свинарник, столовую, спортзал, хотим теперь коровник сделать. Помимо жилых построек у нас есть 240 гектаров земель с садами, прудами, естьхозпостройки, домашний скот, птица, — только средств и рук не хватает все это осваивать. Живи, работай, создавай семью! Кто имеет навыки ведения сельского хозяйства и желание трудиться — может остаться и трудиться здесь. А кто хочет учиться — иди дальше, мы поможем получить образование. Мы проводим профилактические мероприятия в различных городах. Выходим на отдел образования, там составляют график по школам... Ни у врача, ни у психолога, ни тем более у силовика нет точек соприкосновения с наркоманами — они не найдут контакта. А наши ребята понимают их мышление, их разговор.

Программа реабилитации рассчитана на год, по два месяца в каждом центре, имеющем специфический уклон: физическое здоровье, труд, воцерковление. При каждом центре есть свой священник, и реабилитанты стараются причащаться раз в неделю.

— Существует прямая зависимость: если человек уверовал — у него есть шанс исцелиться, — считает архиепископ Феофан. — Без веры излечение невозможно. Если б наркомания лечилась медикаментозно, как оспа и корь! Но это болезнь духа. И в процессе выздоровления Бог и человек действуют вместе. Человек делает маленький шаг — Бог километрами идет к нему навстречу.

— Ребята, молитесь как можете, своими словами, — учит владыка реабилитантов. — «Господи, ну вот я такой, какой есть, Ты же пришел таких спасать!» И живите в доверии к Богу! Если даже оступился, сорвался, — ну, жизнь есть жизнь, — не впадай в уныние, в отчаянье! Встал, потер колено расшибленное — и дальше иди. Как альпинисты идут к вершине — в напряжении всех нравственных и физических сил. И постепенно зло будет отходить от вас, и душа будет становиться все легче и легче.

На все руки мастер

Невинномысск — город химиков, третий рубль в бюджете Ставропольского края после Ставрополя и Пятигорска. Он расположен у слияния двух рек — Большого Зеленчука и Кубани, в местности, которая еще с глубокой древности начала осваиваться людьми. Годом возникновения станицы считается 1825-й, а во второй половине первого тысячелетия здесь пролегло ответвление Великого шелкового пути. Невинномысск сегодня — это промышленный центр с населением более 130 тысяч, известный крупными предприятиями «Азот» и «Арнест», Невинномысской ГРЭС и своими проблемами с окружающей средой.

Изначально в небольшой казачьей станице Невинномысской была одна Покровская церковь, а после революции разрушили и ее. Зато сейчас в городе выстроено уже четыре храма. С возрождения собора Покрова Пресвятой Богородицы в 80-х годах в городе началась активная приходская жизнь.

Покровский собор Невинномысска — хороший пример умелого хозяйствования ставропольцев. Его настоятель — протоиерей Иоанн Моздор, потомственный священник и очень деятельный человек. На территории собора чего только нет: столярная мастерская, детский городок, птичий дворик с курами. Там — закупленные для слетов православной молодежи палатки, а здесь — подаренная военным гарнизоном полевая кухня, с которой ездят на престольные праздники по станицам.

— И ведь как удобно! — радуется отец Иоанн. — В сельском храме и посуды столько нет, а тут — привезли все с собой, затопили кухню, — и всех накормили, поспраждновали.

Каждые пять минут у него звонит телефон, он должен быть в нескольких местах одновременно, ведь отец Иоанн — благочинный Невинномысского района, руководитель строительного отдела епархии и преподаватель Ставропольской духовной семинарии. Кроме того, он окормляет часовню святого Луки при городской больнице и сестричество при часовне.

Около 30 прихожанок Покровского собора в свободное время ходят по больничным отделениям: утешают, рассказывают о православной вере, раздают желающим просфоры, святую воду, да и просто жалеют.

— Тут в моем глазном отделении один солдатик был, я к нему все ходила, разговаривала, — рассказывает одна из сестер милосердия. — Он креститься попросил, мы ему книжки дали читать, потом в часовне батюшка его крестил. Какая это была радость! Он потом крестик целует со слезами: «Неужели я крещен! Я маме завтра же напишу, что крестился»...

Мы идем вместе по отделению, сестры наперебой рассказывают мне случаи из практики. В выходные в больнице дежурят и молодые, но по будням, — в основном пожилые женщины. Удивляюсь, как не устают эти почетные матушки бегать по отделениям, но они машут на меня рукой и кричат хором:

— Да что вы! На лавочке, что ли, сидеть? Знаете, какое душевное равновесие получаешь! Люди, конечно, с разными настроениями бывают, могут встретиться и агрессивно. Но когда замечаешь, что они ждут нас, спрашивают... Ты чувствуешь, что нужен!

Проблема социального служения в Невинномысске стоит довольно остро: здесь около 280 неблагополучных семей, в которых нужно решать вопрос с детьми, но поместить их некуда. В городе нет детского дома, и даже оставленных в роддоме младенцев, пока решается их участь, отправляют в детскую больницу.

Разрешить проблему взялся опять же протоиерей Иоанн Моздор. С благословения архиерея он начал строительство первого в городе детского приюта.

— Когда я начинал стройку, у меня ни копейки не было, — признается отец Иоанн. — Но постепенно в городе узнали о нашем проекте, и начались звонки. Люди хотят помогать! Даже со Ставрополя приезжают целыми коллективами на субботник... Понимаете, десять лет назад остро стояла проблема отсутствия храмов, и мы спешно строили храмы. Теперь мы начинаем заниматься социальным служением. Ведь мы призываем с амвона, что вера без добрых дел мертва, — значит мы, священники, в первую очередь должны показывать пример добрых дел. И люди за нами потянутся!

Церковное начинание поддержали и светские власти.

— Мы готовы поддержать проект финансово, — говорит Александр Курбатов, заместитель министра труда и социальной защиты населения Ставропольского края. — Сегодня в социальной сфере дефицит людей, и дело даже не в низких зарплатах. Никто не хочет идти работать в больницы и детские дома. И потому особенно важны организации, которые могут поучаствовать в социальной работе, и Церковь занимает в их ряду не последнее место.

Дорога в горы

Знаменитая Бештау — самая высокая гора Пятигорья — имеет пять вершин, из-за характерного силуэта которых и получил свое название Пятигорск. Свято-Успенский мужской монастырь, расположенный на Бештау

на уровне около 900 метров, называют еще Второ-Афонским: он был основан русскими монахами с Афона. Место здесь довольно уединенное, но монахи тем не менее не оставляют служения в миру. Насельникам приходится регулярно спускаться вниз, в город. Причин тому много. Наместник архимандрит Силуан (Хараим) читает лекции в Пятигорской фармацевтической академии. В Центральной библиотеке Пятигорска монахами организован дискуссионный клуб «Православные диалоги», а в Ессентуках – Центр православной культуры, где еженедельно читаются лекции.

Кроме того, все лето в монастыре действует детский лагерь, куда посменно приезжают до 200 детей из разных концов страны. Лагерь с любовью продуман, организован и обустроен самими монахами. Помогают им добровольцы: ставропольские семинаристы и студенты пятигорских вузов.

– Все как-то незаметно сложилось, само по себе, – вспоминает архимандрит Силуан. – Дети приезжали, говорили: «Как красиво! Хорошо бы тут отдохнуть!». – «Ну, давайте, отдохните». Приехала первая группа, всем понравилось; так и пошло.

За основу взята несколько переработанная структура пионерского лагеря. Вместо отряда – род, например, князя Владимира. В один род собраны разные возрасты – с 1-го по 9-й класс, так старшие привыкают к ответственности, а младшие чувствуют себя спокойнее. Живут ребята в палатках на монастырской территории, но у них свой распорядок, который начинается совместным с насельниками молитвенным правилом, а заканчивается ежевечерним костром с беседами, с пением и с хороводами.

В лагерь стараются принимать всех желающих.

– Мы хотим, чтобы невоцерковленные дети познакомились с православной верой, а воцерковленные как-то проявили себя, – говорит архимандрит Силуан.

В маленьком музее монастыря еле помещаются детские подарки. Вот макеты-фантазии из Лермонтовского дома творчества на тему, что можно построить в монастыре, – высокие храмы, причудливые здания. Вот живописная работа армянки-старшеклассницы с изображением монастырской церкви. А вот вышивка девочки-мусульманки из Школы искусств Минеральных вод.

– Если дети так спокойно и с любовью будут общаться, – говорит отец Силуан, – межнациональные конфликты быстро затихнут.

Как ни пыталась я разгадать секреты такого дружеского общения «мирского» и «монашеского» на горе Бештау, отец Силуан лишь разводил руками:

— Да все происходит незаметно... С каких конкретных шагов начать? А помолиться — и Бог все устроит.

Добро пожаловать в церковь!

Кисловодск — курорт федерального значения, славящийся своими источниками нарзана. Здесь при Никольском соборе, одном из самых грандиозных храмов епархии, уже три года работает поликлиника семейного типа. Прием ведут врач общей практики, педиатр, психолог, стоматолог, массажист и даже мануальный терапевт. Здесь можно бесплатно получить консультацию врача, исследовать глазное дно или сделать УЗИ.

У лечебницы есть и своя служба милосердия, помогающая одиноким и больным людям на дому. Елена Туркина, психолог и медсестра лечебницы, несколько лет назад получила сильную травму и была прикована к инвалидному креслу. Ее выходили заведующая Валентина Уварова и священники Никольского собора. Встав на ноги, Елена и сама стала работать при храме.

Очередей в поликлинике не видно, в день приходит человек десять, и заведующая не нарадуется, что прием можно вести спокойно, без обычной гонки и бумажной рутины. А значит, внимательней относиться к каждому.

— Мы ведем основательный разговор с каждым пациентом. Людей ведь нигде не успевают послушать так, как мы их тут слушаем, — рассказывает Валентина. — Я считаю, пациент сам себе ведущий доктор, а мы только помощники. Главное — отношение пациента к себе должно быть правильным. Не нужно акцентировать свое внимание на болезни, погружаться в «болячки» с головой. Но и брать на себя слишком много, надеясь только на Божью помощь и отказываясь от лечения, тоже не надо. Господь ведь не зря дал врачей.

Кисловодск сегодня — сугубо курортный город: здесь, кроме нарзанного завода и сувенирной фабрики, больше предприятий нет. Постоянные прихожане Никольского собора — в большинстве своем пенсионеры, а также врачи, учителя, работники культуры и сферы обслуживания. Кроме них, в храм приходит множество отдыхающих. Большой музей в цокольном этаже посещают целые группы из других городов, здесь же каждую субботу показывают фильмы, а по воскресеньям проводятся беседы со священником. При храме действует воскресная школа и одна из старейших православных гимназий в России — Православная Свято-Никольская классическая гимназия. Служащие собора одеты не в засаленные синие халаты, а в красивую форменную одежду. Сразу же на входе смущенного новичка встречает табличка «Приходской консультант».

— Туристы, паломники, — нужно всем уделить внимание, каждому что-то подсказать, — говорит настоятель собора, благочинный православных церквей Кавказских минеральных вод протоиерей Иоанн Знаменский. — Мы настраиваем наших консультантов не ждать, когда к ним подойдет с вопросами, а предлагать помощь самим, ведь многие не решаются спросить. Наши консультанты — это миряне, в основном молодые люди, закончившие специальные катехизаторские курсы. Мы стараемся, чтобы дежурные были каждый день, но не всегда получается: наши добровольцы совмещают это послушание с основной работой. Но в любом случае в соборе всегда есть дежурный священник — главный консультант.

Стены с содержанием

Сегодня в Ставропольской и Владикавказской епархии строится почти сто храмов. Архиепископ Феофан придает огромное значение такому строительству:

— Я считаю, что церковь должна быть в каждой станице, это очень важно. Здесь во многих городах проживает смешанное население, и храм в таких условиях — свидетельство нашей православной веры.

В первый день своего пребывания в Ставропольском крае я задала скептический вопрос, всегда ли стены наполняются содержанием, на который владыка уверенно ответил:

— Храм — это база для развития социальной деятельности: богаделен, наркоцентров, курсов и школ. Построены стены — а дальше начинается работа священника. Сейчас должен быть другой образ пастыря: незашоренный, умеющий сочетать идеалы Православия с образованностью и открытостью. Я так и учу наших семинаристов, будущих священников: никогда не закрывайтесь и не ждите, что к вам придут. Почему к вам должны приходиться? Вы идите сами!

И сегодня действительно ставропольское духовенство делает огромные шаги навстречу обществу, показывая, что в условиях соседства с различными этносами, культурами и религиями только так — своими делами — можно привлечь интерес и уважение к православной вере.

Фома, № 9, 2008

Протоиерей **Александр Балыбердин**

Пешешествия неофита

В поисках смысла
Великорецкого крестного хода

Сегодня многие люди принимают участие в паломнических поездках и крестных ходах. Зачем они отправляются в путь и что в нем обретают? Мы предлагаем читателям фрагмент воспоминаний участника Великорецкого крестного хода протоиерея Александра Балыбердина, секретаря Вятской епархии. Надеемся, что его размышления будут интересны и полезны паломникам.

Первые открытия

Странное дело, я родился и вырос на Вятке, а о Великорецком крестном ходе узнал только уже взрослым, женатым человеком. Было это в начале 1990-х годов. Именно тогда мне на глаза попала небольшая заметка о Великорецком крестном ходе, которую сопровождала черно-белая фотография: молодой священник в отяжелевшем от влаги подрянике с крестом в руке шел во главе немногочисленной колонны паломников по раскисшей лесной дороге. И от этого снимка повеяло другой жизнью — еще незнакомой, но глубокой и настоящей. Там, в этой далекой жизни, которая одновременно текла где-то рядом, люди жили

молитвой, мужественно преодолевали посланные им испытания и точно знали, зачем и куда они идут. Это было именно то, что, как я понял много лет позже, Церковь называет «новой жизнью во Христе». И мне тоже захотелось пойти с этими людьми на реку со сказочным названием Великая, словно сошедшим со страниц древнерусских былин.

Между тем приближался конец учебного года (я тогда работал в школе), посадка картошки, дела огородные и хозяйственные... Поэтому, когда я снова вспомнил о Великорецком ходе, было уже поздно. Паломники снова ушли на Великую, а я со своими дровами и грядками остался на берегу. И это было первым открытием — оказывается, одного желания мало, нужна еще решимость. Причем за тебя никто этот шаг не сделает, и именно с него начинается твой крестный ход.

Лично для меня до сих пор остается загадкой, как и почему люди решаются сделать этот первый шаг. Но, думаю, для нашего поколения 40-летних, оказавшихся в юности перед выбором — или цинизм постсоветской жизни, или робкий шаг к православной вере, — мой опыт был довольно типичным. Таким образом, мой первый Великорецкий крестный ход 1997 года стал для меня одновременно и испытанием, и первой встречей с живым Православием. Отправившись в него и имея в запасе одну лишь молитву «Отче наш», к концу паломничества я знал наизусть не только тропарь Святителю Николаю, но и, идя вслед за певчими, подпевал вполголоса пасхальные песнопения и угадывал отдельные строки из акафиста святому. Не на словах, а на деле — это была подлинная школа молитвы, о важности которой раньше я только читал, а теперь вот встал и пошел в первый класс.

Помнится, что этот крестный ход ознаменовался для меня еще одним важным открытием. Уже к концу первого дня пути, в Бобино, я почувствовал, что у меня действительно есть... душа, и что еще целых два дня мне придется буквально тащить ее на Великую реку. Да, именно так — мое тогда еще молодое тело тащило душу, которая все это время ныла и просилась обратно домой. На каждом новом переходе душа повторяла примерно одно и то же: «И что тебе дома не сиделось? Куда и зачем ты идешь? В святцы захотел?» И чтобы заглушить это нытье, на третий день я начал молиться. Просто шел и читал про себя «Отче наш», вслушивался в пение хора, читал акафист Святителю Николаю. И ведь помогло — сомнения на время молитвы отступали прочь, идти становилось радостнее и легче. Я с уважением и немного с завистью глядел на бабушек, у которых все было наоборот — молитва вела их немощное тело, да

так, что они обгоняли меня, молодого и здорового, но слабого духом. И это было вторым важным открытием.

Чем мерить путь

Наступил новый год, а с ним приблизилось и время крестного хода. По наивности я думал, что если с первого раза сумел пройти весь путь, то и дело сделано, я всего достиг, и теперь надо только повторить прежний «успех». Но милосердный Господь не дал мне закоснеть в гордости. Вот только жаль, что я не сразу это понял. А произошло это так.

Как ни пугали меня друзья, первый раз на Великую и обратно я прошел без единой мозоли и потом целый год без усталости нахваливал всем старые отцовские кроссовки и раздавал советы «бывалого» паломника. В итоге, отправившись в путь и натерев все, что было возможно, походкой подстреленного пингвина я дошел только до Великорецкого и, доковыляв до игумена Тихона, смущенно попросил о благословении выйти из крестного хода. В ответ, улыбнувшись в густую рыжую бороду, отец Тихон спросил: «Утро вечера мудренее. Может к утру и пройдет?» — «Нет, нет! Не пройдет!» — решительно замотал я головой, уже размышлявший о том, как вечером следующего дня в кругу семьи буду пить чай с вишневым вареньем, рассказывая друзьям о «благодатных трудностях крестного пути».

Спустя пару часов я уже мчался в попутной машине в сторону Вятки, стараясь не думать о том, что «сошел с дистанции». «Ну, ничего, ничего, — успокаивал я себя. — В следующий раз обязательно схожу туда и обратно. А сейчас можно и отдохнуть».

И вот наступил следующий день. Несмотря на усталость, по крестходской привычке я проснулся ни свет ни заря и сразу почувствовал, что... абсолютно здоров! Это казалось невероятным. И мне вдруг стало невероятно стыдно за то малодушие, что я проявил в Великорецком. «Эх, надо было задержаться, переночевать. Сегодня бы шел со всеми в обратный путь! Кстати, а где они сейчас?..»

Не вынеся этого разделения, утром следующего дня я отправился к новому мосту, чтобы встретить там паломников и пройти с ними хотя бы последние километры по городу. Когда приблизилась колонна крестходцев, все они, включая старушек и маленьких детей, показались мне былинными богатырями. Уставшие, но по-прежнему собранные и сосредоточенные, они проходили мимо, а я все не решался войти в их колонну, считая, что, сбежав из крестного хода, не имею права быть

причастным к их подвигу. Когда со мной поравнялась пожилая паломница, которая несла несколько бутылей святой воды, я, чтобы хоть как-то искупить свое недавнее малодушие, предложил ей помощь. К моей радости она согласилась. Я вошел в колонну и так, с бутылками, со всеми крестоходцами к вечеру пришел в Серафимовский собор.

Путь был завершен. И все же, с моей точки зрения, он не был «вполне успешен», ведь я «сошел с дистанции» и пропустил добрую его половину. Я по-прежнему мерил крестный ход километрами и ругал себя за малодушие.

Крестный ход как «протест»

Между тем приближался 2000 год — юбилейный для Великоорецкого крестного хода. На этой волне с ним стали происходить удивительные изменения. Буквально на наших глазах крестный ход значительно вырос числом и заметно помолодел. Каждый год в него вливались сотни новых паломников, которые с замиранием сердца слушали рассказы бывалых ходоков о том, как еще недавно власти гнали и преследовали их, не давая пройти на Великую реку.

Так случилось, что в ту пору я как раз собирал материал для кандидатской диссертации по теме хрущевских гонений. Со страниц документов всплывали действительно жуткие и подлые подробности, в свете которых бывалые крестоходцы казались настоящими героями своего времени. Позже писатель Владимир Крупин посвятил им слова, помещенные на памятном кресте, что установлен на вершине Великоорецкого холма: «Поклон вам, воины Христовы, сохранившие для нас великую святыню — Великоорецкий крестный ход». Лучше не скажешь.

Вместе с тем, нельзя было не заметить, что многолетнее хождение на реку Великую одних только мирян, без участия духовенства, которому было категорически запрещено появляться в месте паломничества, имело также и свои печальные результаты.

Во-первых, в сознании многих людей крестный ход как бы отделился от самой чудотворной иконы и приобрел самодовлеющее значение. Являясь вызовом окружающему миру, частью прихожан он стал восприниматься как вызов, протест — и только. Без отношения к самой чудотворной иконе, ее истории и чудесам. Попросту говоря, если бы таким людям сказали, что в этом году сам чудотворный образ не пойдет на реку Великую, то они сказали бы, что это и не важно, и «мы все равно пойдем». Словно не чудотворный Великоорецкий образ освящает хо-

доков, а наоборот, их шествие, потертости и мозоли придают ему величие и святость.

Со временем среди участников крестного хода стали появляться казаки с «чудотворными» иконами; «старцы» в инвалидных колясках, пророчащие о близком конце света; фотографы, специализирующиеся на уставших бабушках, грязи и покосившихся домах; иностранные журналисты, пытающиеся на стоянках узнать у русских детей, что они думают о сексе; экстрасенсы; крепкие мужчины в камуфляже и другие персонажи. Если обычные паломники берут с собой в крестный ход иконы и молитвословы, то эти несли флаги, плакаты и листовки. Своих единомышленников они собирают через Интернет, называя крестный ход «полевым выходом». Завидная мечта такой группы — пойти в голове колонны, развернуть транспарант типа «Православие или смерть!» с таким расчетом, чтобы многотысячная колонна паломников оказалась как бы идущей за этим транспарантом, сделать несколько снимков и выложить их на своем сайте. Если попутно удастся раздать пару тысяч листовок, то «полевой выход» можно считать успешным. Понятно, что к крестному ходу все это не имеет никакого отношения, о чем твердо и ясно сказано в его уставе: «Участие политических, общественных, коммерческих и любых иных организаций в Великорещском крестном ходе не разрешается. Их члены могут участвовать в паломничестве на общих основаниях, как простые паломники, без специальной формы одежды, плакатов, транспарантов, значков и другой символики этих организаций». Прописать эту норму заставила сама жизнь.

Но «деятели» не унимаются и вовсе не собираются упускать шанс заявить о себе миру. Когда два года назад протоиерей Андрей Дудин, как заместитель председателя крестного хода, потребовал, чтобы они перестали раздавать листовки и свернули плакаты, один из мужчин с вызовом ответил ему: «Нам попы не указ. На Великую ходили и с попами и без попов. Это древняя народная традиция, и ты ее не приватизировал. Поэтому и указывать нам не можешь. Так что, дорогой, иди своей дорогой!» Пока человек в камуфляже «воспитывал» отца Андрея, его товарищ старательно снимал «процесс воспитания» на фотоаппарат. Видимо, для того чтобы позже выложить «фотоотчет о проделанной работе» на сайте своей организации.

Складывается впечатление, что, привыкнув с советских времен бороться (за мир во всем мире, за всеобщее разоружение, за свободу американских индейцев и т.п.), часть наших прихожан никак не может от этого отвыкнуть. Наша жизнь, действительно, несовершенна. Но если

одни считают причиной тому свое собственное несовершенство, то другие, как пионеры, «всегда готовы» против чего-то сражаться — против новых паспортов, ИНН, демократии, русофобии, ювенальной юстиции и дальше по списку. Не зря писал поэт: «Есть упоение в бою...». Вот только к Великоорецкой традиции это не имеет никакого отношения.

Вместе с тем, как мне кажется, надо трезво понимать, что крестный ход всегда привлекал и будет привлекать таких людей, так как по самой своей сути он является «вызовом» потребительству и обществу, которое на нем основано. Поскольку же, в большинстве своем являясь новоначальными христианами, мы нетвердо стоим на ногах, то, как правило, и уклоняемся от «царского» пути. Главное, чтобы вовремя нашлся человек, способный нам это объяснить. Как произошло это со мной в том же паломничестве 2000 года. Помнится, тогда я был увлечен старым русским гимном «Боже, царя храни!» и потому на обратном пути, где-то под Медянами, сподвиг еще несколько крестоходцев вместо акафиста Святителю Николаю петь этот гимн. Ну где еще это было возможно? Не в областной же администрации, где я тогда трудился! Идем, поем, по ходу дела к нам присоединяются другие паломники. Хорошо! Уже невольно хочется перейти на строевой шаг. Вдруг с нами поравнялся священник. Идет рядом, слушает. Дослушал и говорит: «Хороший гимн. И вы молодцы, что слова знаете. А вот петь его здесь не надо. Потому что это крестный ход, а не демонстрация. Давайте лучше тропарь Святителю Николаю вместе споем!» Начал, и мы за ним подхватили. Спасибо, что объяснил, а то до сих пор путали бы крестный ход с демонстрацией.

Коллективная гордыня или новая жизнь во Христе?

По сути, у всех паломников — молодых и пожилых, начинающих и опытных, воцерковленных и не очень — искушение одно и то же: быть в крестном ходе и одновременно оказаться вне его — на народном празднике или на баррикадах, в туристическом походе, многодневном марафоне, чтобы «пойти и дойти», «преодолеть себя», «найти единомышленников», «исполнить обет» и тем самым доказать социально-культурную идентичность своему народу, и т.д. и т.п.

Вся эта разноголосица смыслов мне известна не понаслышке. Как правило, у простака смыслы проще, а у образованного человека — на порядок сложнее. И не надо думать, что с завершением крестного хода битва за твою душу заканчивается. Напротив, именно тогда-то и разгорается главный бой. Не когда ты вместе с другими паломниками под

праздничный перезвон колоколов входишь в Великорецкое или возвращаешься в Серафимовский собор. В эту минуту на тебя наваливается усталость и овладевает одно желание — поскорее где-нибудь уронить рюкзак и просто посидеть, полежать, отдохнуть. Но вот проходит какое-то время, быть может, день, два или неделя. Силы потихоньку восстанавливаются. Ты начинаешь все чаще в мыслях возвращаться к пройденному пути, считая его не просто завершенным, а достойно завершенным. Но это не так. Тот, против кого ты сражался в пути, никуда не исчез. И если он не смог справиться с тобой в открытом бою, то сейчас непременно попробует сделать это снова. Потому что, на самом деле, твой крестный ход не окончен, и несколько месяцев до следующего июня — это просто привал. Просто пока еще ты об этом не знаешь.

Оружие, которым в эти минуты могут быть сражены многие, в том числе и опытные паломники, это самая обыкновенная лесть, цель которой — родить горделивое чувство «победителя», одолевшего все трудности пути. Как известно, гордость — мать всех пороков, и проявляться она может по-разному. Но важно понять ее главную цель — оскудение любви, как в твоём сердце, так и во всем крестном ходе. А первым шагом к этому падению, как правило, является то, что, совершив крестный ход, получив известные духовные переживания и желая все это повторить, ты оказываешься в плену у собственного религиозного чувства и неизбежно сбиваешься с пути Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Заметить эту подмену трудно. Особенно начинающему крестоходцу. Несколько лет назад, во время проводов крестного хода ко мне подошел мужчина в одежде паломника с фотоаппаратом в руках. Мы оба ждали тот волнующий момент, когда крестный ход, повернув на улицу Казанскую, начнет подниматься к Спасскому собору. Снимок обещал быть удачным. Ярко светило солнце. Вообще, погода была на редкость праздничная. И, видимо, от избытка чувств мужчина обратился ко мне с такими словами: «Вот, сегодня иду в крестный ход. Как хорошо! В прошлом году ходил с женой. Она всю дорогу ныла, так и не помолился толком. В этом году оставил ее дома и иду один. Наконец-то помолюсь! Как вы думаете, каким будет в этом году крестный ход?» Возможно, он спрашивал про погоду. Но я, неожиданно для самого себя, ответил ему: «Думаю, что для каждого из нас будет свой крестный ход. Вот ваш крестный ход был в прошлом году, когда вы шли со своей женой. А сейчас у вас — просто «поход за молитвенными переживаниями». Мужчина был явно озадачен таким ответом и уже не так весело спросил: «Что же мне

делать?» — «Наверное, надо просто постараться меньше думать о себе. Вспомните кого-то, кому нужна помощь и помолитесь о нем. Словом, идите не для себя».

Не знаю, запомнил ли паломник эту встречу. Но я запомнил. Не то, чтобы она сразу переменяла мое отношение к Великорецкому крестному ходу, но словно приоткрыла какую-то новую дверь. Постепенно я стал понимать, что верное понимание Великорецкого паломничества не может быть основано только на личных (то есть субъективных) желаниях, переживаниях и «планах на крестный ход». Есть некий объективный смысл — Божий Дар, который дан свыше, и ты должен прорваться к нему, научиться не путать его с «яичницей» из своих мыслей и желаний.

Что для этого необходимо?

Прежде всего, надо оторвать взгляд от «себя любимого» — своих переживаний и своих ног; дороги, по которой ты идешь; километров, которые тебе предстоит пройти. Надо поднять глаза и постараться увидеть не себя со стороны и не многотысячную колонну паломников, а людей, у каждого из которых свой путь, свои причины идти или не идти в крестный ход. И тогда к тебе постепенно придет понимание того, что один из главных даров Великорецкого крестного хода — это твой ближний, тот человек, который сейчас идет рядом с тобой и, быть может, нуждается в твоей помощи. В свете этого по-другому начинает звучать весь твой путь. И даже помощь областных властей в организации крестного хода наполняется подлинно христианским смыслом заботы о людях.

Только так, оторвав взгляд от себя, можно обратить внимание на чудотворный Великорецкий образ Святителя Николая, движущийся впереди крестного хода. Мы настолько привыкли под словом «образ» понимать только икону, что забыли другое его значение, связанное с ближайшими и однокоренными с ним понятиями: «образец», «образование». Идя Великорецким крестным ходом, мы многократно поем тропарь Святителю Николаю, называя его «образцом» для всех нас и стремясь «образовать» себя по этому Богом данному «правилу веры» и «образу кротости». Вглядитесь в клейма Великорецкой иконы, которые с такой силой и любовью раскрывают для нас образ святого и, прежде всего, его великое милосердие к ближним: вот он является во сне царю Константину, повелевая освободить из темницы невинных воевод; спасает Димитрия со дна моря; помогает морякам не погибнуть в буре; избавляет от казни трех оклеветанных граждан; возвращает отцу пропавшего сына...

Не менее ярко добродетели Святителя Николая раскрываются и в посвященном ему акафисте, который многократно звучит во время крестного хода. По своему содержанию акафист есть «неседальная песнь», в основу которой положено житие святого, что роднит его с житийной иконой. Только в отличие от нее акафист рассказывает о святом не красками, а возвышенным языком поэзии. Даже когда чудотворная икона ушла далеко вперед, благодаря акафисту она будто бы рядом, и мы можем видеть духовными очами и ее, и самого Святителя Николая.

Сопоставив акафист и икону, нетрудно заметить, что из всех трудов и подвигов Святителя Николая неведомый автор иконы избрал именно те, которые научают милосердию. Икона была написана в те времена, когда наши предки вятчи без устали грабили соседние христианские земли, за что заслужили от устюжских летописцев прозвание «жестокосердных». И вот именно в эти времена «жестокосердным вятчанам» Господь послал Великорецкий образ Святителя Николая, обучающий их милосердию. Поистине, «дивны дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси!» Поэтому, как мне представляется, важно понять, что, подобно тому, как Великорецкая икона являет нам Святителя Николая, так сам Святитель являет нам образ Христа Спасителя — Его милосердие, Его кротость, Его воздержание, Его человеколюбие.

Сколько раз — и в крестном ходе, и вне его — я прикладывался к этой иконе, смотрел на нее, и не понимал, не видел этой «бездны Божия милосердия», о которой столь проникновенно сказал святитель Афанасий (Сахаров): «Паче всего наше утешение — это бездна Божия милосердия. Поистине мало спасающихся своими делами, безгранично число спасаемых Божиим милосердием, Божиим человеколюбием. Спаситель близко. Он подле вас. Он ни на минуту не оставляет вас. Нам иногда кажется, что мы как бы оставлены Им. Но это только нам, немощным, так кажется. Он с нами всегда. У Господа двери милосердия всегда отверсты. И стоит нам хотя бы слегка толкнуть их, они сами отверзнутся».

Когда-то протопресвитер Александр Шмеман сказал о Литургии слова, которые имеют отношение и к Великорецкому крестному ходу: «Там, где церковная и приходская жизнь не основана, прежде всего, на Господе Иисусе Христе, и это значит — на живом общении и единстве с Ним и в Нем в Таинстве Церкви — Евхаристии... там уже не Христос, а что угодно другое — национализм, политика, материальный успех, коллективная гордыня и т.д. — рано или поздно начинает определять собой и, одновременно, разлагать церковную жизнь». В этих словах я вижу

не только тонкое наблюдение, но и важное предупреждение нам — наследникам Великорецкой традиции.

Размышляя о Великорецком крестном ходе, я сегодня все чаще думаю о том, что понимание его как пути из «пункта А» в «пункт Б» далеко от его подлинного и наиболее глубокого смысла. Настоящая задача паломника, возможно, состоит именно в том, чтобы «путь в Великорецкое» стал для него «путем ко Христу», чтобы в течение нескольких дней паломничества, не умозрительно, а опытным путем, вглядываясь в образ Святителя Николая, свою душу и лица паломников, ты узнал Христа и захотел быть с Ним и Его Церковью. Тогда становится важно не то, сколько раз ты ходил в крестный ход, сколько раз преодолел весь путь туда и обратно, сколько километров прошел, а то, как ты их прошел. Был ли это путь христианина, исполненный любви к Богу и милосердия к ближним, или его наполняли какие-то другие смыслы, которым нет числа.

Убежден, что время для осмысления пришло, и, возможно, одним из главных его итогов должно стать понимание Великорецкой святыни как бесценного Дара, в котором через Святителя Николая Христос являет Себя и которым привлекает нас к Себе. Это единство со Христом осуществляется, прежде всего, в Божественной литургии на месте явления чудотворного Великорецкого образа, во время которой паломники и гости праздника стремятся причаститься Святых Христовых Тайн. Путем к этой Литургии, к этому единству и является Великорецкий крестный ход, во время которого многие паломники принимают на себя сугубый труд поста и молитвы, чтобы их последующее воссоединение с Христом в Таинствах исповеди и причащения было наиболее решительным, осознанным и радостным. Это понимание Великорецкой традиции позволяет органично соединить две неразрывные стороны этого Дара — его «вятскость», связанную с конкретной историей обретения и прославления этой чудотворной иконы, и его «универсальность», делающую Великорецкое паломничество важным и интересным для христиан всего мира.

Пойду ли я в Великорецкий крестный ход снова? Если понимать его как Дар Божий, то как можно этот Дар не принять?!

Журнал Московской Патриархии, № 7, 2010

Екатерина Степанова

Ловцы человеков: разведка боем

Что отвечают на вопрос «Верите ли вы в Бога?», заданный на улице улыбочивыми молодыми людьми? Чаще всего отмахиваются чем-то вроде: «Извините, тороплюсь». А меняется ли что-то, если молодые люди — православные миссионеры? Наш корреспондент Екатерина Степанова вышла на проповедь вместе с группой уличных миссионеров под руководством иерея Даниила Сысоева († 2009). Оказалось, сектанты уже подготовили почву для православной проповеди: люди понимают, зачем их останавливают, остальное — дело техники.

Учите матчасть

Миссионерствовать я отправилась не без подготовки. Для этого записалась на бесплатные курсы уличных миссионеров при храме апостола Фомы на Кантемировской — 12 трехчасовых занятий. Начиняющий миссионер обязуется прочитать Краткий катехизис митрополита Филарета (Дроздова) и выдержать собеседование по основам православного вероучения. Подразумевается, что миссионер уже знаком с текстами Ветхого и Нового Заветов. На курсах изучают православную догматику и разбирают религиозные системы, с которыми миссионер может встретиться «в поле»: ислам, буддизм и иудаизм; современные протестантские движения, основы вероучения тоталитарных

культов. Миссионеры — в основном молодые ребята, но есть и несколько отважных девушек.

На каждом занятии обсуждается одна догматическая тема: к примеру, иконопочитание. Под рукой у каждого — Библия (дорожный миссионерский формат — в кожаном чехле на молнии). Возглавляющий собрание настоятель храма ап. Фомы, организатор курсов отец Даниил Сысоев объясняет, как случилось, что протестанты ставят православным в упрек почитание икон, на чем основано православное понимание этого вопроса и как, оттолкнувшись от аксиом, которые признает и оппонент, доказать, что правда на нашей стороне

Боевое крещение

Боевое крещение миссионеров было в праздник Богоявления, когда множество людей пришли к храму за святой водой. «К каждому, кто стоял в очереди, подходили миссионеры, — рассказал отец Даниил. — Они спрашивали, знает ли человек, как правильно пользоваться святой водой, и плавно переходили на беседу о том, зачем вообще нужно ходить в храм, для чего существует исповедь, что такое христианская жизнь. Вместе со святой водой всем пришедшим мы раздали листочки-памятки, закрепляющие «пройденный материал». Уже на следующей неделе в храм пришло много новых людей».

Второй выход был запланирован на продуктовый рынок, где, как известно, в основном работают приезжие из стран ближнего зарубежья. «С собой всем иметь Библию, — напутствовал нас отец Даниил, — листочки с расписанием ближайших богослужений и схему проезда к храму». У каждого был бейджик с иконой апостола Фомы и названием храма. Отец Даниил рекомендовал делиться на пары и ходить по двое, как апостолы, — так безопаснее и веселее.

Весть о Суде

Самое пугающее для неопытного миссионера — как начать разговор. Отец Даниил, миссионерствовавший еще до священства, считает, что в каждом случае нужен свой подход, но «важно знать, чего точно не следует делать: нельзя подробно рассказывать о природе Причастия. Можно говорить только, что в Причастии мы соединяемся с Богом. О том, что происходит во время Литургии, не должно говорить на рынке, это Тайна, которую нельзя открывать непосвященным, иначе это может привести к осмеянию и греху вашему и собеседника.

Нужно говорить о том, что есть Бог, который создал человека, спас его через Христа — Сына Своего, о том, что Бог дает всем возможность получить вечную жизнь в Церкви, для этого нужно креститься и жить церковной жизнью. Еще через миссионера должна прозвучать весть о Суде, важно сказать, что Бог придет судить людей и воздаст каждому по праведности, а вы к этому готовы? Вы знаете, какие есть заповеди? Это уже возможность для более полного разговора. Человек задумается и, может быть, поговорит с вами. Может быть, он пройдет мимо, но свою задачу — уронить в его душу семя — вы выполнили. Наша цель — сеять. Подарить человеку веру может только Бог, если человек этого захочет».

Первый мормон комом

Мы шли по тротуару и обсуждали тактику уличной проповеди. На встречу нам двигалась группа молодых людей в одинаковых черных пальто. «Наверное, американские проповедники», — пошутил кто-то. А когда поравнялись, увидели у них на пальто черные бейджики: «Церковь Иисуса Христа святых последних дней». Мормоны! Вот удача! С ходу начали их катехизировать, приводить неопровержимые аргументы, махать руками. Обе группы миссионеров достали одинаковые Библии на молнии и принялись доказывать несостоятельность мировоззрения своих оппонентов.

На каждого православного миссионера досталось по одному мормону. Пока другие оживленно спорили, мой оппонент молчал и улыбался. Я спросила, почему он не хочет подискутировать со мной о Боге. Но молодой человек, имя которого мне выяснить не удалось (мормоны свои имена скрывают, представляются по фамилии), сказал, что не хочет войны и что Бог любит всех нас. Разговор перетек в житейское русло. Год назад парень приехал из Техаса, где закончил школу и девятинедельные миссионерские курсы (включающие изучение русского языка), после которых и отправился за свой счет в Россию, проповедовать. У молодых мормонов перед женитьбой принято посвятить два года своей жизни миссии. «Поначалу было страшно в незнакомой стране, — сказал он, — неудобно подходить к людям с интимными вопросами на плохом русском языке, вроде «Верите ли вы в Бога?», но потом привык. Холодно у вас, но я готов ради Бога на это».

Секта мормонов (официальное название — «Церковь Иисуса Христа последних дней») основана Джозефом Смитом (1805–1844). Согласно его учению Вселенная населена разными богами, управляющими

звездами и галактиками. Свои откровения Смит собрал в т. н. «Книге Мормона», где написано, что американские индейцы являются потерянными коленами Израилевыми, сохранившими истинную веру. Христос после Воскресения также был в Америке и оставил ряд вероучительных указаний.

Итог беседы такой: мормоны вели себя выдержаннее нас, внимательно слушали, улыбались, в то время как православные кипятились, потешались над портретом основателя мормонства Смита и, разводя руками, громко недоумевали: «Как можно не понимать элементарных вещей?!» Есть чему у мормонов поучиться — хотя бы сдержанности и внешней опрятности, не говоря о том, что Священное Писание на чужом языке они знают лучше, чем многие из нас на родном.

«Я думаю, православный миссионер не должен надеяться на себя и на свои хорошие манеры, аще таковые имеются, а должен надеяться на Христа и Святого Духа, который будет говорить через него, — говорит отец Даниил. — Господь через нас приводит к Себе кого хочет, но делает это не мгновенно, чтобы миссионер не возгордился. Я согласен, что нам необходимо учиться корректности. Молодо-зелено, жарко. Но без жара здесь тоже никуда!»

Религиозные войны

Всего нас набралось девять человек. Бейджики сверкали на зимнем солнце, в руках шуршали листки о покаянии. Твердым шагом мы отправились на оптовый рынок «Котляково». Перед входом остановились прочитать молитву миссионера и этим привлекли внимание охраны. Мне тут же запретили фотографировать, а уже рассеявшихся по рынку миссионеров охрана оттеснила к выходу со словами: «Нечего тут развязывать религиозные войны!» Директор рынка прокомментировал мне действия охраны так: «Мы оплатили аренду этой территории, а вы пользуетесь тем, что мы собрали здесь людей, для своих целей. Нехорошо! Люди пришли сюда покупать консервы, а не отправлять религиозные культы». Мы ретировались. И все-таки миссионеры успели «обработать» примерно 15 человек и одного охранника. Трое из них с интересом выслушали нас и согласились взять приходские листки, а одна продавщица бросила свой ларек, подбежала, вручила 100 рублей и просила помолиться за нее. Остальные продавцы и покупатели на рынке были азиаты и на вопрос «Верите ли вы в Бога?» отвечали: «Нет, я мусульманин».

Успех на практике

Оправившись от неудачи, мы двинулись к ближайшему скоплению народа – к станции метро «Кантемировская». Здесь нас ждал успех.

Самое трудное, как оказалось, – остановить человека, обратить на себя внимание. У многих уже выработалась устойчивая реакция на приставания сектантов, и люди не глядя в глаза стараются проскочить мимо. Но по-православному длинная юбка, бейджик с иконой и скромная улыбка делают свое дело. Хотя прохожие переспрашивают, точно ли мы православные, они останавливаются. А опознав «своих», жалуется на докучливых сектантов.

Удобное место для миссионерства – автобусные остановки, люди там постоянно меняются и в то же время стоят на месте, не надо за ними бегать. Легче всего на контакт идут молодые пары от 25 до 30 лет и женщины с детьми. Они никуда не торопятся и готовы слушать. Если человек проходит мимо и говорит, что занят, можно, пользуясь сектантским опытом, на ходу задавать ему вопросы, вручать листки и так далее. Начинать разговор лучше с чего-то неожиданного, чтобы выдернуть человека из его мыслей. Например, один из миссионеров Максим обращался к молодым мужчинам так: «Брат, я вижу, ты православный, здесь недалеко открылся новый храм – держи расписание!» Даже если «брат» вовсе не был православным, он останавливался, а дальше завязать разговор – дело техники.

Вечером, когда мы подмерзли и у нас закончился раздаточный материал, мы отправились в храм, чтобы отогреться чаем и обсудить итоги. У кого-то получалось лучше, кто-то был слишком застенчив, кто-то все время проговорил с одним человеком, кто-то встретил группу сатанистов. Если подвести итоги в цифрах, получается приблизительно такая картина: каждый миссионер поговорил примерно с 10-15 людьми, почти все из которых объявили себя православными, из них человек пять заинтересовались информацией и согласились взять листки о покаянии. Успехом увенчались примерно 60 процентов всех попыток заговорить, не меньше 40 процентов разговаривать отказались. Почти каждому миссионеру в этот день досталось по одному «сложному случаю», вроде подростков-сатанистов, сектантов или буддистов, разговор с которыми требовал уже особой подготовки.

Комментарий

Описанный миссионерский опыт мы попросили прокомментировать больничного миссионера в ЦКБ МП свт. Алексия Андрея Радкевича

и иерея Иоанна Емельянова, клирика больничного храма блгв. цар. Дмитрия при 1-й ГКБ, оба — многолетние участники миссионерских походов по России.

Андрей Радкевич:

— Я как миссионер нахожусь в более выгодном положении, чем ребята отца Даниила: у меня гораздо больше времени. Я провожу миссионерские беседы в актовом зале больницы (туда приходят те, кто заинтересовался их темой) и в палатах, где лежат люди, не имеющие возможности, а иногда и желания прийти послушать лекцию. Самое важное — заинтересовать далекого от Церкви человека, потому что многие думают: раз пришел миссионер — сейчас будет призывать покаяться, читать мораль... Я захожу в больничную палату под предлогом, что принес журналы и книги, которые можно бесплатно взять и почитать. И под предлогом, что рассказываю о книгах, рассказываю о Православии. У меня всегда в запасе истории про известных людей, новости, которые можно подать в связи с Православием и Церковью. Конечно, это только повод, чтобы не прогнали сразу, а вступили в беседу, но и ступенька к разговору о Боге.

А в зале, где люди, придя, уже проявили интерес к вере, я рассказываю о научных открытиях и фактах, подтверждающих религиозную картину мира, привожу примеры из истории, в советское время многое замалчивалось, поэтому удастся удивить и заинтересовать слушателей. И так снова перехожу от ликбеза к проповеди.

Но миссионерам отца Даниила надо сразу переходить к делу. Я верю, что он знает, что и как следует сказать в нескольких фразах человеку, чтобы он задумался о Боге и своей жизни. И этим словам он научит своих учеников. И даже если у большинства из них не получится, но так среди них выявятся искусные.

А «приставание» на улицах, кстати, не прерогатива протестантов. Основатель католического ордена иезуитов Игнатий Лойола тоже начал с того, что залезал на камень и на углах улиц кричал прохожим о Боге. И потом эта кучка миссионеров (на взгляд обывателя, сумасшедших) со своими последователями обратила ко Христу целые страны. Но почему, когда наша Церковь бросала клич, что алеуты нуждаются в миссионерах, во всей России нашелся только один желающий — будущий святой Иннокентий Московский? Когда в Японию приезжали сотни католических и протестантских миссионеров, среди них оказался только один

православный — святитель Николай Японский? И хоть их мы прославляем в лике святых, почему же в общей массе православная Церковь в миссии так не активна?

Священник Иоанн Емельянов:

— Любой вид миссионерской деятельности должен, как в медицине, отвечать принципу «не навреди». И когда мне говорят: батюшка, вы не правы, Христос сказал: «Идите и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15), — и я могу ответить цитатой из Евангелия: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили во глубине морской» (Мф. 18, 6). Что если хотя бы один человек соблазнится навязчивыми миссионерами? Кто может оценить, что нам будет стоить на Страшном Суде один приведенный к Богу человек, против одного, которого мы оттолкнули от Господа?

Я помню такую историю: один батюшка в больнице на Крещение закатил стихийную проповедь для врачей о смысле праздника. Его никто не просил, был рабочий день, всех оторвали от работы. Врачи из вежливости слушали, устали, расходились с раздражением, ворча на Церковь, и все это — в великий праздник.

Богу дорог осознанный выбор человека. Я служу в больничном храме и по моему опыту знаю: самый сложный контингент в больнице — те, кто согласился исповедоваться и причаститься «заодно» с соседом. Обычно они оказываются совершенно не готовы слушать священника и участвовать в Таинстве.

В проповеди можно и нужно использовать средства массовой информации, можно проводить беседы, организовывать комфортные условия в храме, встречать человека, но так, чтобы он сам пришел, сам включил радио или телевизор или сам пришел в библиотеку за православным журналом. Человек должен сделать над собой усилие — это ключевое понятие.

Нескучный сад, № 3, 2008

ЗА РУБЕЖОМ

Священник **Иоанн Шандра**

Страхи, мины и огонь миссионера за границей

Миссионерство в чужой стране без знания языка кажется невыносимо трудным и практически невыполнимым. Особенно трудно вначале, или даже прежде всякого начала, когда перед выездом или вылетом эйфория проходит, ты начинаешь осознавать всю ответственность возложенного на тебя послушания, и понимать, что единственной помощью для тебя есть благословение Святейшего Патриарха и Священного Синода. Уверяю вас, это немало!

Жизнь священника-миссионера полна неожиданностей, благо, иногда даже приятных. Способность к выживанию в прежде совершенно чуждых для него и его семьи обстоятельствах органически дополняет возложенное на него доверие Матери Церкви. Уверенность в молитвенной поддержке Церкви и возможность плодотворного контакта со священноначалием облегчает труд и привносит в жизнь «миссионера» с большими от испуга глазами некую степень уверенности.

Начало: страхи

Отсутствие информации о предполагаемом месте миссионерства предлагает некоторые плюсы: практически все окружающее для тебя —

это чистый лист бумаги без личного и иногда не очень положительно-го опыта твоих предшественников. Ты не связан какими-либо шаблонами и не пытаешься волей-неволей подражать кому-то из предыдущих «счастливицков». Для большего интереса скажу, что эти и другие плюсы легко превращаются в минусы. Сколько раз приходилось думать о том, как было бы хорошо найти где-нибудь в папке аккуратно написанную твоим предшественником проповедь на английском! Бывало даже страшно: а вдруг, на проповеди, ты произнесешь какое-либо витиеватое «ненашенское» словцо, да так, что для слушателя оно прозвучит отборной руганью (матом, простите). Таких ведь слов в словаре и со свечой не найдешь, а опытности не хватает!

Также не все словари содержат богословские термины. Перевода богословских терминов не хватало катастрофически. Вроде бы начинаешь чувствовать себя увереннее с иностранными собеседниками где-нибудь на «званом» ужине, а использовать это время для миссионерской деятельности полностью не можешь. Упрешься в какой-то очень хороший, но русский термин, и начинаешь выкручиваться — историю гужевой повозки рассказываешь с истории создания гвоздя. Благо, что правильное произношение и обогащение словарного запаса, хотя и не без труда, но со временем все-таки приходит.

Уверенность: огонь зажжен

Страх использования иностранного языка со временем проходит, но пока он все-таки присутствует, речь может идти только о попытках миссионерства, которые я бы назвал «миссионерствованием». В таких случаях трудно предположить, что кто-то будет в состоянии проводить целенаправленную, систематическую работу хотя бы среди своих прихожан. Свободное от «миссионерствования» время можно и нужно посвящать изучению Священного Писания на языке страны, где проходит послушание. При разговоре с сотнями сектантов и протестантов, знание Священного Писания на их родном языке у многих выбивает почву из-под ног.

Если знаешь хотя бы важные места Священного Писания, оппоненты или просто собеседники начинают вас уважать как христианина, или даже признавать, что вы достойны присутствовать на каком-то важном событии. А это уже шаг вперед. Чем больше вы среди людей, тем у большего количества людей проявляется интерес к православию. Также, начинает пропадать страх перед тем, что как раз вы и являетесь тем

«самым ужасным тайным агентом КГБ», о котором писали все газеты страны. Смешные для нашего уха слова, к сожалению, наводили страх на людей страны, где меня Господь сподобил нести послушание. Политические барьеры преодолевались в беседах с простыми людьми. Вследствие, люди сами начинали рассказывать о Русской Православной Церкви своим друзьям и знакомым. Лучшего времени для перехода от «миссионерствования» к систематическому миссионерству не бывает: языковой и социальный барьеры разрушены, политический — улетучивается как туман, а независимая от вас устная «реклама» святого дела, которое вы представляете, зажигает вопросительные знаки в глазах местного населения.

Вперед... это куда? Что делать-то?

Методы и способы миссионерства выбираются разными людьми по-разному. Каждый конкретный случай имеет свои особенности и векторы. Аксиомой, по-моему, является только открытость и искренность миссионера и не только во время проповеди. Люди чувствуют наше отношение, во-первых, к нашему делу, а во-вторых, к ним, как заинтересованным в словах проповеди слушателям.

В свое время, мы одни из первых начали практику проведения «Открытых Дверей» на приходах. Всякий желающий мог зайти в храм и задать вопрос или получить информацию о Православной вере, потрогать священнические и архиерейские облачения (на стенде), получить бюллетень с объяснением каких-то нюансов и, конечно же, попить чайку. Во время чаепития задают самые интересные вопросы. Местные газеты служили прекрасным полем для размещения «Приглашений» на вечера в храмах и новостных полос о проведении Православных мероприятий, ведь газеты тоже входили в число приглашенных. Желание людей прийти на такой вечер «возбуждалось» статьями о Православии в местных печатных СМИ и проповедями на ... похоронах. Обычно, на похороны сходилась большое количество инославных друзей, родственников и знакомых. Личные беседы с новыми знакомыми — это вообще идиллия для миссионерства.

Прекрасным полем для миссионерства за границей являются больницы и дома для престарелых людей. Со школой дело обстоит сложнее. Просто сказать директору школы в неправославной стране, что я хочу прийти в вашу школу поговорить с детьми о Христе, значит плотно закрыть перед собой дверь. Но если предложить директору школы провести занятие о культуре своей страны, которое в свою очередь поможет разностороннему развитию студентов школы, вам могут и, возможно,

даже радостно, предложат, скажем, полчаса для ознакомления студентов с вашей «страной чудес». Могут даже пригласить на существующие в школах (и университетах) дни мировых культур. Стучаться действительно надо, иначе дверь может так и остаться закрытой.

Неожиданности: свои же мины

Уверяю вас, если миссионер решил ставить кому-то мины, он долго и сам не протянет. Нельзя строить свое счастье на чужой беде или неудачах. Миссия будет положительной при условии, что мы искренне и уверенно раскрываем правильность, православность нашей веры, не строя своего замка на костях противников. Взаимное уважение чувств позволяет собирать большое число сочувствующих нашей вере. Пусть они пока не разделяют нашу веру и наверно далеко не все переступят через порог нашего храма, но их отношение к православию уже начинает меняться. Возможно, их теплые отзывы о Православной Церкви подвигнут кого-нибудь принять твердое решение спастись в Православии.

Все же иногда встречаются свои же мины — свои не по личной принадлежности, а по родству. Проблема проповеди на канонической территории другой Церкви для миссионерства отнюдь не второстепенная. Миссионерство (или его отсутствие) одних может поставить под вопрос миссионерство других. Иногда даже одно только участие в гражданских мероприятиях священника Русской Православной Церкви расценивается как попытка миссионерства на канонической территории Церкви-Сестры, я уже не говорю о подготовке миссионерского мероприятия.

Казалось бы, выход есть — предложить проводить большие миссионерские «акции» совместно. Как ни странно, эта идея не очень развивается. Вроде бы делаем одно дело, а реально делать это вместе пока не научились.

Бывает очень больно, когда предоставляется возможность успешного миссионерского мероприятия, начинается подготовка и, вдруг, вы получаете телефонный звонок от компетентных представителей Церкви-Сестры, во время которого вам вежливо указывают на канонические границы, причем их участие в проекте почему-то невозможно. Приходится останавливать проект. Хорошая возможность миссионерского дела упущена или ею воспользовались не нуждающиеся в грифе «Благословляется» протестантские пасторы.

Вот вам и мина, вроде бы и не своя, но в тоже время очень даже своя, православная. Я понимаю, что не всегда у Церкви-Сестер есть

возможность иметь священника-миссионера в каждом городке. Что делать? Есть надежда на переговоры между священноначалием Церкви-Сестер или совместные форумы на тему сотрудничества в миссионерских трудах. Пока о таких не слышал.

Неожиданности: Божья благодать

Далеко не все миссионерские проповеди заканчиваются обращением N-ного количества слушателей в Православие. Иногда, изменение позиции слушателей или собеседников относительно Православной Церкви с негативной на позитивную – уже огромное достижение. Миссионер должен всегда помнить, что благодать Божия содействует ему в деле проповеди Слова Божия и, соответственно, восполняет его скромный труд. Во время очередных «Открытых Дверей» и после краткой беседы, например, подходит к батюшке неправославная женщина и с удивлением в глазах заявляет, что приходя в храм «посмотреть» она и не думала почувствовать себя как дома. Другой человек заявляет свое приятное удивление, что православные поклоняются истинному Богу. Уже рождается интерес.

Слушателями и посетителями кроме вопросов по церковной истории и догматике задаются также вопросы о механизмах перехода/принятия в Православие. Вот здесь и начинаешь понимать, что, теоретически при таком незначительном усилии проповедующего, искренние желания принятия православия зародиться просто не могли. Подвинуть человека на этот шаг могла лишь Благодать Божья!

Удивительные случаи представляются часто. После отпевания одного из прихожан, по традиции страны, где пришлось нести послушание, кто-то из родственников кратко рассказывает об усопшем. Ну, есть такая традиция. Во что ее иногда превращают – это уже другая история. В этом случае, все было без шуток и анекдотов. Слово попросил протестантский пастор – друг семьи почившего и его сосед. Как настоятель храма, предупреждаю его говорить только «по теме» и помнить, что он находится в православном храме.

То, что произошло дальше, всех присутствующих прямо потрясло! «По теме» этот человек сказал только одно предложение. Пастор вдруг неожиданно заявляет, что только теперь он понял, почему его сосед твердо хранил православную веру. Дальше пастор говорил только о православии и о своем удивлении лицезреть совершение Божественной Литургии свт. Иоанна Златоуста, о которой в колледже ему только упо-

минали, и что он обязательно позвонит своему преподавателю и скажет, что древние литургии все же совершаются. Он восхищался жизнью упомянутых мной в проповеди святых отцов, говорил о присутствующей в православном храме благодати, о своем недоумении относительно упущения его церковью святоотеческого наследия и практики совершения древних литургий.

О такой поддержке Православной Церкви со стороны протестантского пастора никто и мечтать не мог! Скажу сразу, что сравнивать этот случай с историей, описанной в Деян. 16, 16–18, не стоит, так как пастор не прекращал выражать свое желание глубже изучить православие и восхищаться им в своих проповедях. Его искания продолжаются.

Под занавес

Благодарю Бога за данную возможность видеть результат действия Его благодати и принятие Православия несколькими семьями.

Не знаю, хорошим ли «соратником» я был в этих случаях, так как устраивал почти годовую катехизацию и проверки. Все-таки эти люди были уже со своим взглядом на жизнь, западными традициями и, вообще, членами одной из протестантских деноминаций дольше, чем я видел свет Божий.

После года они не сбежали, и, по архиерейскому благословению, торжественно приняли Православие, пребывая Православными и сегодня.

Людей, проявивших желание стать православными христианами и в процессе катехизации сбежавших, в моей практике не встречал.

Зачем мы едем?

Зачем же все-таки нам ехать за тридевять земель, туда, где есть своя Православная Церковь, и проводить миссионерскую работу. Разве нам плохо дома, или дома работы мало?

Как раз дома у нас миссионерской работы много. Сказать, что дома нам миссионеров хватает, было бы откровенной неправдой. Приходские священники уделяют этому много времени, которого катастрофически не хватает.

Как дома, так и за границей, Русская Православная Церковь не оставляет своих верных чад без должного внимания. Некоторые приходы РПЦ, находящиеся за пределами канонической территории Московского Патриархата, уже праздновали свои столетия, то есть, это далеко не новые общины, хотя есть и такие. Они выражают свое желание быть в общении с Русской Православной Церковью, и мы не вправе отказаться

от них. Они пережили вместе с нами тяжелое время воинствующего атеизма. Их соотечественники смотрели в их сторону с презрением, называли их «красными», «КГБистами», как можно их просто бросить и уйти?

Естественно, что проповедь евангелия своим — это задача номер один для священнослужителя за границей. Но интерес к Православной вере проявляют не только прихожане, но и неправославные родственники, или родственники по браку, друзья, соседи прихожан. Мне кажется, мы не вправе отказать им в проповеди доброй вести о спасении. Вот поэтому мы едем, летим, плывем и несем свое родное православие нашим же людям!

А можно мне тоже сказать?

Миссионерство в «стране далече», по-моему, требует поддержки и координации на самых высоких церковных уровнях. Соглашения о взаимопомощи между Православными Церквами-Сестрами могли бы снять чувство «конкуренции» или напряжения в тех местах, где на своей канонической территории в силу каких-то причин Церковь не может иметь своих миссионеров. Территория может быть очень даже большая и каноническая, а реальное присутствие данной Православной Церкви там — минимальное. Возможно, сотрудничество в деле миссионерства может стать еще одной темой для обсуждения на очередном Соборе или каком-нибудь Всеправославном Форуме. Верю, что в свое время будет выработана некая формула, по которой с благословения священноначалия миссионерство будет развиваться, а границы канонических территорий при этом не будут считаться нарушенными.

Православие и мир, 17.09.10

Оглавление

СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ	
<i>Протоиерей Александр Сорокин.</i>	
Просвещение — главная христианская задача	5
<i>Иеромонах Иосиф (Павлинчук), диакон Августин Соколовски.</i>	
К определению миссии	9
<i>Наталья Адаменко.</i> Миссия или контрмиссия?	18
<i>Протоиерей Павел Карташев.</i>	
Миссия — это «культурное» воспитание спроса	28
<i>Протоиерей Максим Козлов.</i> Миссионер-катехизатор не может ассоциироваться с политическими партиями	35
ФОРМЫ И МЕТОДЫ МИССИОНЕРСКОЙ РАБОТЫ	
<i>Архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн.</i>	
О действенном и искусственном миссионерстве	43
<i>Иеромонах Дмитрий (Першин).</i> Миссия в эпоху глобализации	50
<i>Юрий Белановский, священник Андрей Близнюк.</i>	
Миссия: массовая или индивидуальная?	60
<i>Диакон Георгий Максимов.</i> Идите и научите	65
<i>Игумен Агафангел (Белых).</i> Гетто или райский сад?	71
<i>Протоиерей Андрей Кураев.</i>	
Миссия кончается там, где начинается пастырство	79
<i>Сергей Чапнин.</i> Миссия, катехизация и церковные СМИ	92
<i>Владимир Гурболиков.</i>	
Православный интернет: альтернатива греху	98
<i>Олеся Николаева.</i> Миссия художественной литературы	113
ПРАКТИКА ОГЛАШЕНИЯ	
<i>Протоиерей Геннадий Фаст.</i>	
«Идите, научите все народы, крестя их...».	127
<i>Протоиерей Андрей Епифанов.</i> Добре пасти стадо Твое	132
СЛОВОМ И ДЕЛОМ	
<i>Константин Мацан.</i> Поход должен продолжаться	136
<i>Анна Еришова.</i> «Сделай сам» как принцип миссионерства	143
<i>Протоиерей Александр Балыбердин.</i> Пешеходства неопита	151
<i>Екатерина Степанова.</i> Ловцы человеков: разведка боем	161
ЗА РУБЕЖОМ	
<i>Священник Иоанн Шандра.</i>	
Страхи, мины и огонь миссионера за границей	168

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ СЕГОДНЯ

Издание подготовлено
при финансовой поддержке
Синодального миссионерского отдела

Ответственный редактор
Сергей Чапнин

Редактор-составитель
Евгений Мурзин

Обложка, макет
Евгений Стрельчик

Верстка
Марина Творогова

Фото на обложке
священник Андрей Рассаднов

Интернет-магазин «Арефа»
www.arefa.ru

Подписано в печать 02.11.2010
Формат 60х90/16. Гарнитура VazhanovC
Печ. л. 11. Тираж 2500. Заказ №

Издательство Московской Патриархии
119435, Москва, ул. Погодинская, д. 20, стр. 2
www.ror.ru

Издательство «Арефа»
129347, Москва, Ярославское ш., д. 119, оф. 65
www.arefa.net